

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский педагогический государственный университет»

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Учебное пособие

Москва-2011

УДК 281
ББК 86.372-3
Х935

Х935 Христианская Церковь в Высокое Средневековье: Учебное пособие / Сост. И. А. Дворецкая, Н. В. Симонова – М.: МПГУ, 2011. – 220 с.

Учебное пособие, подготовленное ведущими преподавателями МПГУ И. А. Дворецкой и Н. В. Симоновой, включает фрагменты источников по истории Христианской Церкви в эпоху Высокого Средневековья. Тексты подобраны по тематическому принципу и сопровождаются вступительными очерками об авторах и эпохе, а также научными комментариями.

Пособие может быть использовано при организации учебного процесса бакалавров и магистров по направлениям подготовки 050100.62 – педагогическое образование (профиль «История») и 030600.62 – история (профиль «Историческая политология»).

ISBN 978-5-4263-0068-2

© МПГУ, 2011

© Издательство «Прометей», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
РАЗДЕЛ I. ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XI–XIII вв.	17
ПЕТР АБЕЛЯР	17
История моих бедствий.....	18
Возражение некоему невежде в области диалектики.....	20
«Пролог» к «Да и Нет»	22
СИГЕР БРАБАНТСКИЙ	25
Вопросы о разумной душе.....	25
ФОМА АКВИНСКИЙ	28
Отрывки из «суммы теологии» и «суммы против язычников»	29
[Естественная теология].....	30
[Метафизическая теория бытия и теория познания].....	33
[Затруднения]	40
РАЗДЕЛ II. КАТОЛИЧЕСКАЯ АСКЕЗА	42
ПАПА ИННОКЕНТИЙ III	42
О презрении к миру.....	43
ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ	63
Цветочки св. Франциска Ассизского.....	64
ЯКОПО ПАССАВАНТИ	89
Зерцало истинного покаяния.....	90
Трактат о смирении	111
Трактат о тщеславии	112
Трактат о науке.....	116
ЕКАТЕРИНА СИЕНСКАЯ	117
Письмо монне Бьянкине Салимбени.....	118
Письмо к конвенту монастыря Пассиньяно Валле Омброза	120
Письмо монне Корrado.....	123
РАЗДЕЛ III. ХРИСТИАНСКАЯ ДУХОВНОСТЬ И НАРОДНАЯ РЕЛИГИЯ	125
ФОМА КЕМПИЙСКИЙ	125
О подражании христу	125
Я. ШПРЕНГЕР, Г. ИНСТИТОРИС	159
Молот ведьм.....	160

РАЗДЕЛ IV. РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРАЗЫ	
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	197
Кафедральный собор.....	197
Месса в соборе города Тура.....	198
Картины ада.....	200
Средневековые затворники.....	205
Суд божий над епископом.....	206
Полет на шабаш	209
ПРИМЕЧАНИЯ	213

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение христианской культуры, ее нравственных и этических ценностей в контексте истории феодального общества имеет большое значение для понимания основ европейской цивилизации, культурно-исторических связей народов Европы, традиций мировой культуры.

Духовные искания в современном обществе обращены к нравственным принципам христианства. На протяжении многих столетий оно насыщало своими традициями европейскую и мировую культуру идеалами гуманности, любви к ближнему, духовной стойкости, совершенствования личности. Основу христианской этики составляет идея об уникальности, самоценности человеческой души, нравственной ответственности человека перед собой и обществом. Христианская исповедь ориентирует на нравственное самопознание и самосовершенствование. Евангельская мудрость учит самопожертвованию ради блага человечества, терпимости и любви, самокритичности и покаянию, благотворительности и милосердию, уважению к закону и властям. Христианская вера удерживает от пороков. Этические нормы христианской морали осуждают высокомерие и чванство, тщеславие и жестокость, пресыщение материальными благами, зависть и ненависть.

Развитие гуманитарного образования расширило сферу познания духовной культуры различных народов. Культурно-исторические традиции европейской цивилизации восходят к истории христианства и Христианской Церкви. На протяжении двух тысячелетий христианство, его религиозно-философская система, церковная организация и культ были тесно взаимосвязаны с историческим развитием Западной и Восточной Европы. Трудami Отцов Церкви были заложены основы христианского мировоззрения, христианской философии истории. Аврелий Августин, представитель западной патристики, развивал прогрессивные для своего времени идеи равенства перед Богом всех людей и народов, общности их

исторических судеб. Его учение и трактат «О Граде Божиим» определили роль Церкви в борьбе между добром и злом, в обретении Бога и спасении. В русле христианской культуры развивались идеи гуманистического антропоцентризма, взгляды на личность и ее самосознание.

Христианство являлось основой мировоззрения и массовых представлений Средневековья. Религиозная практика имела различные формы: странствие ради Христа, анахоретство (отшельничество), паломничество к святым местам, миссионерство (апостольский труд). Вместе с тем в сознании людей сохранялись пережитки язычества, элементы народной религии. Церковь осуждала отклонения от официальной догматики и народные верования, боролась с ересями, магией и ведовством.

Христианская теология и церковная организация прошли долгий путь внутренних противоречий и догматических разногласий. Единый христианский Символ Веры (Никоно-Константинопольский) был выработан на Вселенских соборах в IV–VIII вв. и утвержден в 787 г. на VII Никейском соборе. Догмат о Божественном Материнстве Девы Марии провозгласил Эфесский собор в 431 г., а идея вечной девственности Марии была выдвинута в 622 г. на поместном соборе в Труйе (Франция). Уже в VII в. теологами употреблялись термины, обозначавшие христианское учение (*doctrina christiana*), Священное Писание (*Sacra Scriptura*), Священное Наставление (*Sacra Erudito*).

В западном христианстве понятие «христианское богословие» (*Theologia Christiana*) ввел Петр Абеляр (1079–1142 гг.). В период Раннего Средневековья теологи разрабатывали богословские проблемы, связанные с природой Иисуса Христа и сущностью Троицы, вопросы о соотношении воли человека и Божественного предопределения, этос христианского правителя. Была сформулирована христианская идея Божественного руководства делами и намерениями королей. Теократическая концепция светской власти была основана на сближении Божественного и человеческого закона, действующего в защиту справедливости. С конца XI в. начался поиск логической аргументации бытия Бога, в разрешении богословских проблем стали применяться методы рациональной

философии. В XII—XIII вв. философы-теологи провели систематизацию христианского богословия. Во всех университетах Европы были учреждены богословские факультеты. Началось оформление канонического права. IV Латеранский собор (1215) сформулировал теологические аспекты учения о таинствах. Разрабатывалось учение о тяжких грехах, единственным судьей которых может быть Святой Престол, то есть Папство.

Христианские идеалы и глубокая религиозность верующих во Христа наиболее полно воплощены в христианской аскезе и монашестве. Стремление к полному отказу от мирских благ, аскетическому образу жизни и умерщвлению в себе плотского начала, уход из мира ради служения Господу составляет одну из главных форм религиозной практики христиан. Деятельность монастырей и монашеских орденов — неотъемлемая часть истории средневекового общества. Монастыри играли важную политическую, экономическую и социальную роль, они стали центрами культуры и просвещения. Изучение монашества расширяет наши представления о социальных функциях христианских объединений, значении благотворительности и милосердия в жизни общества.

Христианство как система вероисповедания воплощено в Церкви, объединяющей последователей на основе общности вероучения и культа. Несмотря на длительные теологические и иерархические разногласия христианская религия и Церковь представляли единое целое в течение тысячелетия. В процессе христианизации Римской империи возникли религиозные центры в различных ее провинциях на Востоке и Западе. Разнообразие направлений христианской мысли характерно уже для раннего христианства. Особенно значительными были расхождения богословских школ Александрии и Антиохии. Если представители Александрийской школы искали в Священном Писании богословско-философский смысл, то Антиохийская школа настаивала на буквальном понимании Ветхого и Нового Завета. На почве протеста против сближения Церкви и государства возникли христианские ереси в Африке, Египте и других провинциях Римской империи. В догматической истории христианства особое значение приобрели острые споры о времени исчисления Пасхи, соотношении

Божественной и человеческой природы Иисуса Христа, о сущности Троицы и исхождении Духа Святого. Христологические и тринитарные дискуссии породили множество отклонений от принятого Символа Веры, широко распространились ереси: арианство, монофизитство, монофелитство, несторианство, пелагианство и многие другие. Позиция официальной Церкви в V–VIII вв. колебалась и определялась не только факторами духовной культуры, но и политическими интересами светского государства и самой Церкви.

При изучении проблем религиоведения важной задачей является воспитание религиозной толерантности и уважения к религиозным чувствам, неприятия любых форм религиозного фанатизма. Решение этой задачи требует конкретно-исторических знаний, особенно по вопросу раскола Христианской Церкви. Обособление основных центров христианства в Западной и Восточной Римской империи, сопровождавшееся спором о первенстве и главенстве, началось в V в., хотя уже в 380 г. указом императора Феодосия Великого Христианская Церковь была объявлена Вселенской («Ekklesia Katholica») и Православной. Это определение вошло в оригинал Никео-Константинопольского Символа Веры, который признал христианскую веру как Мысль Божию. IV Вселенский собор (451) признал Иерусалимскую Церковь «Матерью всех церквей» и подтвердил независимость Архиепископа Рима и Патриарха Константинополя. Согласно 28 канону примат был закреплен за Римской Церковью, однако, Патриарху «императорского города» (Константинополя) полагались такие же почести, что и епископу старого Рима, поэтому он получил титул «Папа». Ссылаясь на волю Иисуса Христа вручить св. Петру ключи от своего Царства и власть над всей Церковью, Папа Лев I (440–461) сформулировал тезис о верховенстве Римского епископа над всей Христианской Церковью.

Западное христианство и Церковь последовательно стремились к утверждению господствующего положения во всем христианском мире. Пято-Шестой, или Трулльский, Вселенский собор (691–692) уравнивал в правах глав Римской и Константинопольской Церквей.

Историческая обстановка, сложившаяся после падения Римской империи, обусловила раскол между Западной и Вос-

точной Церквями, а противоречия по догматическим и иерархическим вопросам предопределили окончательное их разделение. В конце V – начале VI в. произошла первая, так называемая Акакиева (484–519), схизма (раскол). Ее причиной послужила политика Константинопольского Патриарха Акакия (прадеда Папы Григория Великого), поддерживавшего монофизитство. Папа Римский Феликс III (483–492) отставил Халкидонское решение этого догматического спора и отлучил Патриарха от Церкви, а тот в ответ приказал вычеркнуть имя Папы Римского из диптихов (списков для поминовения во время литургии). В VII в. произошла вторая схизма в связи с осуждением в Константинополе учения Нестория и трех богословов, его последователей, – решительных противников монофизитства. Западная Церковь выступила в их защиту, осудив монофизитство, а затем и монофелитство. В VIII в. третья схизма расколола церковных иерархов по причине иконоборческой политики византийских императоров. В начале VIII в. Папа порвал с Константинополем, не признав византийского императора Юстиниана II – узурпатора-убийцу и еретика. Поместный собор в Риме (731) осудил иконоборчество.

В IV–VIII вв. Вселенские соборы созывались императорами, на них преобладали иерархи Восточной церкви, которые санкционировали право императора определять церковную политику. Византийский император Юстиниан I (527–565) провозгласил принципы политического единства империи, единой православной религии и единой Христианской Церкви. V Вселенский (Второй Константинопольский) собор (553) признал закон об утверждении избрания Папы Римского императором после получения соответствующей платы. Политика Юстиниана I способствовала достижению политического и церковного единства, но в силу различных причин не смогла предотвратить децентрализаторских тенденций в церковной организации.

Папы политически тяготели к установлению тесных контактов и союза с франкскими королями. Папа Григорий Великий (590–604) направил деятельность Римской Церкви на достижение духовного и церковно-организационного единства всех народов Западной Европы путем христиани-

зации германских завоевателей и введения на Западе единой христианской литургии. Его усилиями в литургии утвердилась традиция церковного пения, а в 600 г. Папа объявил латынь единственным официальным языком Римской Церкви.

Папа Григорий III (731–741) – последний Папа, просивший согласия византийского императора на занятие папского престола. А Папа Стефан II (III) (752–757) зимой 754 г. отправился через Альпы и на коленях умолял о помощи франкского правителя Пипина Короткого. В Керси был заключен первый договор о возвращении Папе земель, захваченных лангобардами в Италии. При поддержке франкского короля в центре Италии образовалось Папское государство, в состав которого вошла Римская область и Равеннский экзархат, отвоеванный у византийцев. Таким образом, Папа Римский стал главой независимой Церкви и независимым светским государем в Средней Италии. Дальнейшие притязания Пап на политическое влияние подтверждались дарственным документом римского императора Константина (Константинов дар), который, как предполагают, был составлен в канцелярии Папы Стефана III (IV) (767–772) и представляет собой позднюю фальсификацию воли императора.

В середине XI в. Римская Церковь окончательно отделилась от Восточной, Константинопольской, первая сохранила наименование Вселенской, то есть Католической, а Восточная провозгласила себя Православной. В 1073 г. Папа Григорий VII заявил, что право носить титул Папы Римского (введен в 610 г. Папой Бонифацием IV) принадлежит только Римскому епископу. Папство как правовое понятие верховенства духовной власти над светской появилось в церковно-юридической литературе с XII в.

Ранний период истории Христианской Церкви является важным этапом догматической истории христианства и оформления ее культурно-организационной роли, которая проявлялась в отношениях с последователями вероучения и светскими властями. В процессе христианизации Римской империи, а затем и народов Европы сложилась христианская догматика и христианская обрядность, утвердились основы литургии. В Западной и Восточной Европе были сформулированы различные в принципе концепции взаимоотношения

Церкви и государства. В деятельности Византийской Церкви воплотились в политическую реальность идеи определяющей роли светской власти, а в западном христианстве стали определяющими идеи примата духовной власти, которые нашли свое высшее выражение в церковной доктрине папской теократии.

К XI в. в христианстве сложились две различные христианские конфессии: Католическая и Православная, каждая из которых отличается своим Символом Веры и культом. Восточная, византийская традиция христианства лежит в основе Православной Церкви, а римская, западная воплощена в Католической Церкви. Каждая считает себя единственной истинной Церковью. Реформация XVI в. привела к возникновению конфессий христианского протестантства (Лютеранская, Кальвинистская, Англиканская Церкви).

В наше время межконфессиональные контакты, стремление европейского общества к взаимопониманию и интеграции во всех сферах жизнедеятельности усиливают интерес к истории религии и, особенно, к истории появления различных направлений в христианстве.

Католическая Церковь и ее иерархия основаны на авторитете Папы, на обладании им как духовной, так и светской властью. Реформа Католической Церкви, проведенная в XI в., ввела celibат (обет безбрачия для духовенства). В вопросах веры в Католической Церкви высшим авторитетом является Папа Римский. Соборы Католической Церкви считаются Вселенскими. Западное монашество с XI–XII вв. стало объединяться в ордена (православное сохранило общежитийные и особножитийные монастыри). И Католическая, и Православная Церкви равно признают авторитет Священного Писания и Священного Предания, однако, есть различия в догматах об исхождении Духа Святого и в учении о Деве Марии. В церковной практике обеих Церквей одни и те же таинства, их семь, но обряды крещения и евхаристии отличаются. Католическое духовенство причащается Телом и Кровью Христовыми, а католики-миряне лишь Телом Христовым. Православные миряне получают причастие под обоими видами. Имеются различия в литургии, в религиозной практике почитания изображений Иисуса Христа, Креста

и святых. Католическая Церковь допускает молитву перед иконой, отвергая молитву иконе.

Реформа Католической Церкви, проведенная во второй половине XI – начале XII вв., привела к ее консолидации в вертикально-иерархическую структуру. Католицизм сформировался как церковно-религиозная система, основанная на христианской теологии, строгой иерархии духовенства во главе с Папой, особой литургией и своим культом. В эпоху Высокого Средневековья в Западной Европе религиозной жизни интенсифицировалась, изменилась религиозная ментальность, развивались новые формы набожности и религиозной практики (христианская аскеза, имевшая целью приблизиться к Божественному путем отказа от всего мирского, крестовые походы, подвиги за веру и на благо христианства).

В XII–XIII вв. Папы последовательно вели политику осуществления доктрины папского универсализма. Александр III (1159–1181), Целестин III (1191–1198), Иннокентий III (1198–1216), Гонорий III (1216–1227) в европейской политике, взаимоотношениях со светской властью, церковных делах и отношениях с православными народами Восточной Европы руководствовались теократическими принципами. Крестовые походы прежде всего имели целью подчинить Риму Восточную (греческую) Православную Церковь. Папа Иннокентий III, намереваясь заключить унию с Православной Церковью Руси, направил в 1207 г. послание «всем русским правителям», склоняя их к установлению единства Церквей, убеждая «привести дочь к матери и члены к главе». Послание не получило положительного отклика, и Папа Гонорий III продолжил линию политического давления, призывая своих представителей в Ливонии «обуздать апостольской властью непокорность русских». Папским легатам было поручено нести «истину Католической Церкви», добиваясь признания на Руси главенства Рима. Все усилия оказались тщетными. Соглашение о принятии «спасительного учения» христиан латинских не было достигнуто и с князем Юрием Всеволодовичем, хотя Папа Григорий IX (1227–1241) обещал князю «действенную защиту благосклонной милости».

В 1274 г. Лионский собор в одностороннем порядке принял официальное решение об объединении всех христианских

Церквей. Это решение, как позже и постановление Флорентийского собора (1439) об унии Церквей не было реализовано.

С развитием в Западной Европе централизованных национальных монархий политическое влияние папства значительно уменьшилось, но в сфере идеологии Католическая Церковь занимала господствующее положение. Теологическая мысль была сконцентрирована на вопросах нравственности и воспитания религиозных чувств. Христианские проповеди внушали идеалы христианского стоицизма, поощряли в народе набожность, соблюдение внешних форм культа в виде религиозных процессий с пением псалмов и покаянным плачем, почитания святых реликвий, укрепления молитвы свершением добрых дел. Затем в теологии началась глубокая разработка истин христианского вероучения, поиск их логической аргументации, новых, более интимных путей общения с Богом.

Велика роль христианства в развитии европейской цивилизации и культуры. Переход к новой христианской культуре с ее специфическими эстетическими и этическими ценностями привел к началу синтеза культур античного Средиземноморья. Благодаря христианизации народы Европы стали преемниками античных культурных традиций, усвоив достижения античной цивилизации в различных сферах общественно-политической и социально-культурной жизни. Христианизация обеспечила преемственность исторического развития, а христианская культура, воплощенная в истории Церкви, явилась связующим звеном между античной цивилизацией и христианским Средневековьем. Благодаря деятельности христианского духовенства и монашества осуществлялась связь культурных традиций и достижений античной культуры. Христианская Церковь стала символом единства народов, христианская вера объединяла, сближала людей вне социальных различий и этнической принадлежности. Отвергая языческие верования, она воспитывала в духе христианства, подавляя низменные инстинкты человека, осуждая произвол и насилие, дерзость и своеволие, тщеславие и стяжательство, внушая уважение к закону и милосердие.

Христианская Церковь сформулировала понятие святости, объединив в одном порыве души благочестие и благотвори-

тельность, высокие чувства и христианские добродетели, дала надежду на спасение во времена, отличавшиеся особой жестокостью и безысходностью для простых людей, не находивших защиты вне Церкви.

Христианское мироощущение стало основой развития средневекового искусства, которое поражает величием форм и возвышенностью идейного содержания. В христианском искусстве воплощены самые глубокие оттенки религиозного чувства. Романские храмы отразили могущество и богатство Церкви, готические соборы – величие Бога, лишённого материальной сущности. Идеи бестелесности и одухотворенности стали ведущими в христианском искусстве. Купольные храмы имитировали тихое парение в пространстве, которое воспринималось как символ небесного свода. В средневековой архитектуре Западной Европы отразилась непоколебимость христианской веры. «Проповедью в камне», «гимном во славу Господа» называют устремленные ввысь, к Богу, готические соборы с высокими шпилями, крестовыми сводами, стрельчатыми арками и светлыми чарующими витражами, в которых запечатлена христианская символика священного света, посылаемого верующим самим Господом. В украшениях порталов, алтарей, фресках, рельефах и скульптурах раскрывались образы и сюжеты Священного Писания, сцены Страшного Суда. Средствами изобразительного искусства утверждались идеи спасения через веру и призывы следовать христианским заповедям. Созданные христианским мироощущением шедевры европейской архитектуры соединили в себе различные формы изобразительного искусства: скульптуру, роспись и резьбу по камню, художественное литье.

Образ Богоматери – Мадонны с младенцем Иисусом на руках – запечатлен в бессмертных творениях Ренессанса. В этом образе художники нашли идеал красоты, девственности и материнства, любви и стойкости перед лицом грядущих испытаний. Распятие стало христианским символом подвига Спасителя. В средневековой теологии отражены представления о красоте и разнообразии природы, сотворенной Господом, христианской этике монархов и подданных, благочестии и нормах христианской морали. Христианство

обогастило духовную и эстетическую культуру средневекового общества.

Христианство стало важным фактором формирования европейской цивилизации. В русле католической традиции сформировалась западноевропейская политическая и духовная культура. Католическая Церковь сохранила богатейший опыт сближения народов, создав универсальный институт защиты своей доктрины. В истории Католической Церкви отражена эволюция христианства: отход от принципов раннего христианства и некоторых идей классической патристики. Централизация церковной власти в сфере управления и культа вызвала протест определенных кругов средневекового общества. Этот протест исходил и от светских властей, и от некоторых представителей интеллектуальной элиты, и от народных масс. В народной религии он проявился в форме христианских учений, осуждавших официальную Церковь за ее богатства, властную политику и мирские интересы. Папство квалифицировало такие выступления как ересь и преследовало жесткими методами, учредив особый орган — инквизицию.

Между знатоками церковного права и королевскими советниками велись дискуссии о границах папской власти и роли Папства в социально-политической системе средневековой Европы. Длительное политическое противостояние привело к Реформации и утверждению новых христианских конфессий.

История Католической Церкви в Средние века является неотъемлемой частью истории Европы и мировой истории в целом. Ее изучение имеет важное политическое и социально-культурное значение. Решение нравственных и социальных проблем современного мира в межрелигиозном и межхристианском диалоге приобретает все большую актуальность для ученых, политиков, служителей культа и верующих.

В системе гуманитарного, в частности, исторического образования изучение истории религии и Церкви в Средние века занимает особое место. Оно дает знание в области религиоведения, помогает глубже понять специфику западноевропейского общества, его духовную культуру, почувствовать настроение и духовные устремления средневекового человека, колорит эпохи.

Обращение к источникам по истории религии и Церкви является главным условием решения как дидактических задач, так и проблем воспитания в духе религиозной толерантности и высокой нравственности.

В данный сборник вошли фрагменты сочинений историков, теологов и хронистов, законодательные акты, канонические постановления. Все источники даны в переводах, некоторые комментарии авторов переводов сокращены, но включены дополнительные пояснения составителей.

Помимо публикаций последних десятилетий XX в., в сборник включены переводы из дореволюционных исторических хрестоматий, ставших библиографической редкостью. Текст таких переводов дан в соответствии с нормами современной орфографии.

Мы надеемся, что данный тематический сборник фрагментов источников по истории христианской религии отвечает запросам учащейся молодежи и будет способствовать расширению исторического кругозора в той области знаний, которая долгое время оставалась вне интересов и внимания нашего общества.

Материал учебного пособия может быть использован в преподавании базовой дисциплины, а также дисциплин по выбору бакалавров и магистров по направлениям подготовки 050100 – педагогическое образование (профиль «История») и 030600 – история; при организации традиционных форм занятий (лекций, семинаров и практических занятий), написании курсовых, выпускных квалификационных работ бакалавров и магистерских диссертаций, а также занятий с использованием современных педагогических технологий (деловых и ролевых игр, круглых столов); при разработке и организации различных форм контроля за самостоятельной деятельностью студентов. Содержательная основа курса будет способствовать формированию профессиональных компетенций выпускников, в частности, готовности соотносить собственные ценностно-ориентационные установки с исторически сложившимися мировоззренческими системами, религиозными и научными картинами мира.

РАЗДЕЛ I

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XI–XIII вв.

ПЕТР АБЕЛЯР

Петр Абеляр (1079–1142) – крупнейший философ-схоластик Раннего Средневековья. Родился в Бретани в семье рыцаря-феодала. Отказавшись от своих прав на поместье и имение в пользу братьев, Абеляр целиком отдался изучению философии. Сначала он учился в Париже у известного тогда теолога и философа-реалиста Гильома из Шампо (около 1068–1121), с которым вскоре разошелся. Абеляр основал собственную школу и с большим успехом преподавал (в различных местах, но главным образом в Париже). Ученики стекались к нему со всех концов Европы. В жизни Абеляра большую роль сыграл его знаменитый роман с Элоизой, его ученицей, окончившийся пострижением ее в монахини и уходом в монастырь самого философа. Церковный собор в Суассоне в 1121 г. осудил Абеляра как еретика и принудил его публично сжечь свой богословский трактат. Вторично учение Абеляра было осуждено на Санском соборе в 1140 г., незадолго до смерти мыслителя. Среди произведений Абеляра большое место занимает его автобиография «История моих бедствий» (она написана между 1132 и 1136 г.), содержащая ряд интересных мировоззренческих и философских характеристик той эпохи. Значительную роль в развитии передовой европейской средневековой идеологии и философии сыграло его произведение «Да и Нет», состоявшее из огромного количества цитат, выбранных Абеляром из произведений различных церковных авторитетов, дававших на одни и те же вопросы нередко прямо противоположные ответы. Очень важен «Пролог» Абеляра к этому сочинению. Среди других его трактатов – «Возражение некоему невежде в области диалектики, который, однако, порицал занятие ею и считал все ее положения за софизмы и обман».

История моих бедствий

Здесь¹ я намеревался посвятить себя главным образом изучению Священного Писания, что более соответствовало моему званию, однако не совсем отказался от преподавания и светских наук, особенно для меня привычного и преимущественно от меня требовавшегося. Я сделал из этих наук приманку, так сказать, крючок, которым я мог бы привлекать людей, получивших вкус к философским занятиям, к изучению истинной философии. Так обычно делал и величайший из христианских философов — Ориген², о чем упоминает «Церковная история»³.

Поскольку господу было, по-видимому, угодно даровать мне не меньше способностей для изучения Священного Писания, чем для светской философии, число слушателей моей школы как на тех, так и на других лекциях увеличивалось, тогда как во всех остальных школах оно так же быстро уменьшалось. Это обстоятельство возбудило ко мне сильную зависть и ненависть других магистров, которые нападали на меня при каждой малейшей возможности, как только могли (с. 33).

Тем временем, у меня появилась мысль прежде всего приступить к обсуждению самих основ нашей веры путем применения уподоблений, доступных человеческому разуму, и я сочинил для моих учеников богословский трактат «О божественном единстве и троичности». Ученики мои требовали от меня человеческих и философских доводов и того, что может быть понято, а не только высказано. Они утверждали при этом, что излишни слова, недоступные пониманию, что нельзя уверовать в то, чего ты предварительно не понял, и что смешны проповеди о том, чего ни проповедник, ни его слушатели не могут постигнуть разумом. Сам Господь жаловался, что поводырями слепых были слепцы (с. 34).

Я же в течение нескольких дней до открытия собора⁴ стал перед всеми публично излагать свое учение о католической вере согласно с тем, что я написал, и все слушавшие меня с восхищением одобряли как ясность, так и смысл моих суждений.

Наконец однажды Альберик⁵ пришел ко мне с несколькими своими учениками и, намереваясь уличить меня, после

нескольких льстивых слов выразил свое удивление по поводу одного места в моей книге, а именно как я мог, признавая, что Бог родил Бога и что Бог един, тем не менее, отрицать, что Бог родил самого себя?⁶ На это я немедленно ответил: «Если вы желаете, я приведу вам доказательство этого». Он заявил: «В таких вопросах мы руководствуемся не человеческим разумом и не нашими суждениями, но только словами авторитета». А я возразил ему: «Перелистайте книгу, и вы найдете авторитет». Книга же была под рукой, потому что он сам принес ее. Я начал искать известное мне место, которое он или совсем не заметил, или не разыскал, так как выискивал в книге только те выражения, которые могли бы мне повредить. С Божьей помощью мне удалось быстро найти необходимое место. Это было изречение, озаглавленное «Августин о Троице», книга I: «Кто думает, будто бог обладает способностью родить себя, тот грубо заблуждается, так как не только бог не обладает такой способностью, но и никакое духовное или материальное существо. Ведь вообще нет такой вещи, которая бы сама себя порождала...»

Однако же если бы Альберик пожелал обсудить доводы и доказательства по существу, то я готов показать ему на основании его же собственных слов, что он впал в ту ересь, согласно которой Отец является своим собственным Сыном. Услышав это, Альберик тут же пришел в ярость и начал мне угрожать, заявив, что в этом случае мне не помогут никакие мои доказательства и авторитеты. Высказав эту угрозу, он ушел (с. 36–37).

Призванный на собор, я немедля явился туда. Там без всякого обсуждения и расследования меня заставили своей собственной рукой бросить в огонь мою названную выше книгу, и она была, таким образом, сожжена. А чтобы не показалось, что при этом царило полное молчание, кто-то из моих противников пробормотал, будто он обнаружил в этой книге утверждение, что всемогущ один только Бог Отец. Разобрав это бормотанье, легат с большим удивлением ответил, что заблуждаться до такой степени не может даже мальчишка и что, сказал он, все христиане твердо исповедуют существование трех всемогущих...

Архиепископ встал и, несколько изменив выражения сообразно с обстановкой, подтвердил мнение легата, сказав: «В самом деле, о Господи, всемогущ Отец, всемогущ Сын, всемогущ Дух Святой. И кто с этим не согласен, тот явно уклонился от веры, и его не следует слушать. Если угодно собору, то хорошо сделает этот брат наш, изложив перед всеми нами свое вероучение, дабы мы могли соответственно одобрить, или не одобрить, или исправить его».

Когда же я встал с целью исповедать и изложить свою веру, предполагая выразить свои чувства собственными словами, мои противники объявили, что от меня требуется только одно — прочесть Символ [Веры] Афанасия⁷, что мог отлично сделать любой мальчишка. А чтобы я не мог отговориться незнанием слов этого символа, велели принести рукопись для прочтения, как будто бы мне не случалось его произносить. Вздыхая, рыдая и проливая слезы, я прочел его, как только мог. Затем меня, как бы виновного и уличенного, передали аббату монастыря святого Медарда, присутствовавшему на соборе, и немедленно увезли в его монастырь как в тюрьму. Тотчас же был распущен и собор (с. 40—41).

Возражение некоему невежде в области диалектики

Наука рассуждения больше всего имеет значения для проникновения во всякого рода вопросы, имеющиеся в Священном Писании, и для разрешения их <...> Диалектика и софистика весьма сильно отличаются друг от друга, так как первая заключается в истинности доводов, вторая — в подобии их; софистика учит ложным доказательствам, диалектика же разоблачает их лживость и путем различения истинных доказательств учит опровергать ложные. Однако и то и другое знание, а именно как диалектика, так и софистика, ведут к умению различать доказательства, и только тот сможет разобраться в них, кто будет в состоянии отличить ложные и обманчивые доказательства от истинных и требуемых <...>

Даже и в христианской вере имеют место многочисленные заблуждения, так как красноречивые еретики сетями своих утверждений увлекают в различные секты многих простаков,

которые, не будучи искушены в доказательствах, принимают подобие за истину и ложь за разумное. Борются с этой чумой в спорах нас побуждают также сами церковные учителя, чтобы то, чего мы не понимаем в Писании, мы постигали бы, не только молясь Господу, но и исследуя это при помощи рассуждений <...>

Ведь самого Сына Божьего, которого мы называем словом, греки называют *логос* (logos), т[о] е[сть] началом Божественной мысли, или Божественной мудростью, или Разумом. Поэтому и Августин в книге «83 вопроса» в сорок четвертой главе говорит: «Вначале было слово, которое греки называют *логос*». Он же в книге против пяти ересей говорит: «Вначале было слово. Греки правильнее говорят “логос”. Ведь “логос” означает и слово, и разум». И Иероним в послании к Паулину о Священном Писании говорит: «Вначале было слово, логос, обозначающее по-гречески многое. Ибо оно является и словом, и разумом, и исчислением, и первопричиною всех вещей, благодаря коей существует все, что существует. Все это мы правильно мыслим во Христе».

Ведь подобно тому как Господь Иисус Христос называется словом Отца (по-гречески «логос»), точно так же он называется и *Софией* (sophia), т[о] е[сть] мудростью отца, и потому к нему, несомненно, больше всего относится та наука, которая даже по наименованию связана с ним и по происхождению от слова «логос» названа логикой. И подобно тому, как от Христа возникло название «христиане», так и логика получила название от «логоса». Последователи ее тем истиннее называются философами, чем более истинными любителями этой высшей мудрости они являются. Эта величайшая мудрость наивысшего Отца, когда она облекается в нашу природу для того, чтобы просветить нас светом истинной мудрости и обратить нас от мирской любви к любви в отношении его самого, конечно, делает нас в равной степени христианами и истинными философами <...>

Сам Господь Иисус Христос побеждал иудеев в частых спорах и подавил их клевету как писанием, так и разумным доказательством и... укрепил веру в себя не только могуществом чудес, но особенно силой слов. Почему же он пользовался не только чудесами, делая то, что больше всего подейство-

вало бы на иудеев, просивших у него знамения, как не потому, что он решил наставить нас собственным примером, каким образом мы должны привлекать к вере при помощи разумных доказательств тех, которые ищут мудрости? Различая это, апостол говорит: «Ибо иудеи требуют чудес, а эллины ищут мудрости», т[о] е[сть] последние укрепляются в вере преимущественно доказательствами, подобно тому как первые — чудесами.

Когда же не хватает знамений и чудес, то нам остается единственный способ сражаться против любых противников: победить словами то, что мы не можем победить деяниями, в особенности когда у разбирающихся людей бóльшую силу имеют разумные доказательства, чем чудеса, относительно коих можно легко впасть в сомнение, не сотворены ли они дьявольским наваждением (с. 89–94).

«Пролог» к «Да и Нет»

Если и в евангелиях нечто было испорчено в результате невежества переписчиков, то что же удивительного, если это иногда имело место также и в сочинениях позднейших отцов, авторитет которых несравненно меньше? Следовательно, если кое-что в сочинениях святых случайно кажется несогласным с истиной, то будет благочестивым, соответствующим смирению, а также долгом любви, которая всему верит, на все надеется, все переносит и с трудом подозревает о пороках тех, которых любит, верить тому, что это место Писания является неверно переведенным или испорченным, или признаться, что мы его не понимаем.

Я полагаю, что столь же много внимания должно обращать и на то, не является ли высказанное в сочинениях святых пересмотренным ими самими в другом месте и исправленным после познания истины, как это во многих случаях делал блаженный Августин; или не высказали ли они своего суждения скорее в соответствии с чужим мнением, нежели со своим собственным, подобно Экклезиасту, приводящему во многих местах противоречащие суждения различных лиц (с. 110–111).

Блаженный Августин, пересматривая и исправляя многие из своих творений, заявляет, что он утверждал там многое

скорее на основе мнения других, чем в силу собственного убеждения. Кое-что и в Евангелии кажется высказанным скорее согласно людскому мнению, нежели согласно истине, как, например, когда мать самого господина называет Иосифа отцом Христа, говоря так согласно общераспространенному мнению и обычаю: «Я и отец твой, скорбя, отыскивали тебя» (с. 113).

Если же мы сможем доказать, что одни и те же слова употребляются различными авторами в различных значениях, то мы легко отыщем решение многих противоречий.

С помощью всех вышеприведенных способов внимательный читатель найдет разрешение спорных вопросов в творениях святых. А если случайно противоречие будет до такой степени явным, что не сможет быть разрешено ни на каком разумном основании, то следует сопоставить авторитеты и предпочесть тот, свидетельства коего более сильны, а утверждения более вески (с. 115).

Итак, когда известно, что даже сами пророки и апостолы не были совсем чужды ошибок, что же удивительного в том, если в столь многочисленных писаниях святых отцов иное по вышеуказанной причине кажется произнесенным или написанным ошибочно? И не следует обвинять святых, как бы уличенных во лжи, если, думая о чем-либо иначе, чем это есть на самом деле, они утверждали что-либо не по двоедушию, но по незнанию. Не следует приписывать злему умыслу или считать за грех все, что говорится для некоего назидания по причине любви, так как известно, что у господина все рассматривается в зависимости от намерения <...>

Следовательно, одно дело — лгать, другое — заблуждаться в речах и отступать от истины в словах в силу заблуждения, а не злого умысла. А если Бог допускает это, как мы сказали, даже по отношению к святым, то, конечно, он допускает это также и по отношению к тем, которые не наносят никакого ущерба вере; и это не бесполезно для тех, кои все делают ко благу.

Уделяя этому большое внимание, сами церковные учителя, считавшие, что и в их сочинениях есть кое-что подлежащее исправлению, дали право своим последователям исправлять это или не следовать за ними, если им что-либо не уда-

лось пересмотреть и исправить. Поэтому и вышеупомянутый учитель Августин <...> в прологе книги III «О Троице» <...> пишет: «Не пользуйся моими книгами как каноническими писаниями, но если в последних отыщешь то, чему не верил, твердо верь. В моих же книгах не забывай крепко того, что раньше не считал за достоверное, если только не поймешь, что оно достоверно» (с. 116–118).

Однако, для того чтобы не исключать этого рода писаний и не лишать последующих авторов произведений, полезных по языку и стилю для обсуждения и рассмотрения трудных вопросов, от книг позднейших авторов отделены книги Ветхого и Нового Завета, обладающие превосходством канонического авторитета. Если там что-либо поражает нас как абсурдное, нельзя говорить: «Автор этой книги не придерживался истины», надо признать, что или рукопись ошибочна, или толкователь ошибся, или ты сам не понимаешь. В отношении же трудов позднейших авторов, чьи сочинения содержатся в бесчисленных книгах, если что-либо случайно кажется отступающим от истины, потому что она понимается не так, как там сказано, читатель или слушатель имеет свободу суждения, потому что он может или одобрить то, что ему понравилось, или отвергнуть то, что ему не нравится. Поэтому не следует упрекать того, кому не понравится или кто не захочет поверить всему, что там обсуждается или излагается, если только оно не подтверждается определенным обоснованием или известным каноническим авторитетом в такой степени, чтобы считалось доказанным, что это безусловно так и есть или могло бы быть таким (с. 119).

<...> Угодно нам собрать различные высказывания святых отцов, поскольку они придут нам на память, вызывающие вопросы в силу противоречия, каковое, по-видимому, в них заключается. Это побудит молодых читателей к наибольшему труду в отыскании истины и сделает их более острыми в исследовании. <...> Сомневаясь, мы приходим к исследованию, исследуя, достигаем истины. Согласно чему и сама истина говорит: «Ищите и отыщете, стучитесь, и откроется вам».

Абеляр П. История моих бедствий. М., 1959.

СИГЕР БРАБАНТСКИЙ

Сигер Брабантский (умер около 1282) – магистр факультета искусств Парижского университета, один из основателей латинского аверроизма, противник Фомы Аквинского. В своих трудах «О вечности мира», «О необходимости и случайности», «Вопросы о разумной душе» защищал идею вечности мира, единства и бессмертия человеческого разума. Идеи Сигера дважды (в 1270 и 1277) осуждались парижским архиепископом Этьеном Тампье.

Наиболее характерная для Сигера концепция единства и вечности разума человеческого рода изложена в последнем из названных трактатов («*Questiones de anima intellectiva*»), написанном между 1270 и 1274 гг. Вероятно, он был написан Сигером в ответ на трактат Фомы Аквинского «О единстве разума против аверроистов».

Вопросы о разумной душе

I. Что мы должны понимать под словом «душа»?

Относительно этого следует знать, что под словом «душа» мы должны понимать то, благодаря чему живет одушевленное тело <...> Жить для одушевленного тела – значит питаться, расти, рождать, чувствовать, видеть и слышать, желать, мыслить, перемещаться самостоятельно, а не под влиянием чего-то внешнего. Поэтому мы называем живым и одушевленным каждое тело, которому свойственно любое из перечисленных [действий], и душа есть начало и причина названных [действий] в одушевленных телах <...>

II. Что такое душа?

Единое сущее состоит из души и тела без чего-то третьего, что было бы причиной того, что оно едино; так как форма есть всегда причина существования (*essendi*) материи, так что материя не имела бы бытия через различные причины существования, то сама форма составляет одно с материей сущее; душа же есть форма тела; и потому единое сущее состоит из тела и души.

III. Каким образом разумная душа есть осуществление (*perfectio*) тела и [его] форма?

<...> Разумная душа может быть познана только из ее действий, то есть из мышления. Мыслить же — значит быть некоторым образом соединенным с материей и некоторым образом отделенным [от нее]. Если же мышление не было бы некоторым образом соединенным [с материей], было бы неправильным утверждение, что мыслит сам человек. Мышление каким-то образом также отделено от материи, ибо в отличие от зрения в глазу оно не существует в [каком-нибудь] телесном органе, как говорит Философ⁸. Следовательно, разумная душа каким-то образом соединена с телом и каким-то образом отделена от него. Поэтому и сам Философ иногда говорит, что разум отделен от тела и не общается в материи с умопостигаемым, а иногда изображает разум актом (*actus*) тела и связанным с протяженностью (*magnitudini*), благодаря чему разумная душа соединена с телом и отделена от него.

<...> Разумная душа в бытии отделена от тела, а не соединена с ним подобно изображению на воске, как гласят многие изречения Аристотеля и показывает его рассуждение. Однако разумная душа, когда действует, соединена с телом, так как ничего не мыслит без тела и образов до такой степени, что чувственные образы не только необходимы, если исходить из принципа, приемлющего разум и знание, но даже невозможно рассматривать знание вещей без тех или иных чувственных форм, сохраненных воображением. Доказательством этого служит то, что повреждение в такой части тела, как орган воображения, ведет к утрате знания у человека, прежде обладавшего знанием; этого не случилось бы, если бы разум не зависел от тела, когда мыслит. Следовательно, разумная душа и тело едины в действии, так как сходятся в одном действии, и, хотя разум, когда мыслит, зависит от тела и [чувственных] образов, он зависит от него не как от субъекта, в котором находится мышление, а как от объекта, так как образы относятся к разуму, как чувственно воспринимаемое — к чувству <...> Разум по своей природе соединен и связан с телом и ему свойственно мыслить, исходя из [чувственных] образов тела.

Из сказанного очевидно, каким образом не только разум, но и [весь] человек наделен мышлением. Это не потому, что мышление находится в теле, и не потому, что в теле имеются [чувственные] образы. Но если человек мыслит, то это верно для той части человека, которую составляет разум, так как разум, когда мыслит, по своей природе внутренне действует по отношению к телу (внутренние же действия действительны, будучи движением или действиями без движения, приписываются сложному [существу] исходя из [наличия] внутреннего действителя и из того, по отношению к чему производятся внутренние действия).

<...> Мышление находится только в разуме, а не в теле; поэтому тело не мыслит, хотя и чувствует. Человек же сам мыслит благодаря [одной] части, как и видит, благодаря [одной] части. Однако способ соединения мыслящей части [тела] с другими частями в мыслящем как целом иной, чем способ соединения видящей части с другими [частями] в видящем как целом. Этого соединения, однако, достаточно, чтобы присущее части приписывалось целому посредством части <...>

Не следует думать, что человек мыслит потому, что разум есть двигатель человека: мышление в человеке по природе предшествует движению; человек мыслит не потому, что умопостигаемые образы соединены с нами, а потому, как прежде уже было сказано, что, когда разум мыслит, он как действительный действует без движения и соединен с телом по своей природе. <...> Мышление есть, без сомнения, действие, свойственное человеку, и в этом его счастье, как говорится в десятой книге «Этики». Ибо разум, от которого исходит мышление, есть высшая способность (virtus) человека и свойствен человеку.

VI. Каким образом разумная душа отделима от тела и какова она отделенная?

Разумная душа всегда, пока существует, совпадает в своем бытии с актом тела <...> Из тех [действий], которые она совершает, находясь в теле, не очевидно, что она полностью отделима от тела, ибо, как уже известно, никакого действия она не может произвести, согласно своей природе, без тела и [чувственных] образов <...>

VII. Умножается ли разумная душа с умножением человеческих тел?

Рассуждения об этом таковы: если бы для всех людей существовал один разум, то при наличии одного знающего все были бы знающими и не было бы так, что один был бы знающим, а другой нет <...> Но в мыслительной деятельности разум находится в единстве со знающим, а не с незнающим, так как мыслит на основе его чувственных образов [ex phantasmatis], так что один человек бывает знающим, а другой незнающим не потому, что воображение одного в большей степени мышление, чем воображение другого, и не потому, что умопостигаемый вид находится в теле одного в большей степени, чем в теле другого <...> а потому, что мышление благодаря разуму соединено, когда действует, с телом одного, а не с телом другого.

Антология мировой философии Т.1 /
Пер. Г. В. Шевкиной. М., 1969. С. 812–823.

ФОМА АКВИНСКИЙ

Фома Аквинский (1225/26–1274) — самый видный и влиятельный философ-схоластик западноевропейского Средневековья. После смерти ему был присвоен титул «ангельский доктор», а в 1323 г. решением папской курии Фома был причислен к лику святых Римско-католической Церкви. Фома Аквинский родился в семье графа Ландольфа близ местечка Аквино в Неаполитанском королевстве; учился в монастыре бенедиктинцев, затем — в Неаполитанском университете. В 1244 г. он вступил в орден доминиканцев и в следующем году отправился в Парижский университет, тогдашний центр католической мысли. Здесь он занимался под руководством Альберта Большштедта (прозванного впоследствии Великим), оказавшего на него большое влияние (вместо с Альбертом Фома четыре года провел также в Кёльнском университете). По окончании Парижского университета Фома Аквинский преподавал там теологию и написал ряд теологических трудов и комментариев к Священному писанию. В 1259–1268 гг. Фома находился в Риме при папском дворе, где он закончил начатое

еще в Париже сочинение «Сумма против язычников» (называемое также «Философской суммой»), трактовавшее философию Аристотеля в духе католического вероучения и упорно работал над главным своим теолого-философским произведением — «Сумма теологии», которое закончил в 1273 г. в Неаполе, в университете которого он преподавал с 1272 г. Фома — автор и ряда других, менее значительных произведений, а также комментариев к сочинениям Аристотеля и других философов.

В настоящем издании даются отрывки из произведений «Сумма теологии» и «Сумма против язычников».

Отрывки из «суммы теологии» и «суммы против язычников»

[Теология и наука]

Для спасения человеческого было необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на Божественном Откровении; это было необходимо прежде всего потому, что человек соотнесен с Богом как с некоторой своей целью. Между тем цель эта не поддается постижению разумом; в соответствии со словами Исаяи (гл. 64, ст. 4): «Око незрело, Боже, помимо тебя, что уготовал ты любящим тебя». Между тем должно, чтобы цель была заранее известна людям, дабы они соотносили с ней свои усилия и действия. Отсюда следует, что человеку необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума, через Божественное Откровение.

Притом даже и то знание о Боге, которое может быть добыто человеческим разумом, по необходимости должно было быть преподано человеку через Божественное Откровение, ибо истина о Боге, отысканная человеческим разумом, была бы доступна немногим, притом не сразу, притом с примесью многочисленных заблуждений, между тем как от обладания этой истиной целиком зависит спасение человека, каковое обретается в Боге. Итак, для того чтобы люди достигли спасения и с большим успехом, и с большой уверенностью, необходимо было, чтобы относящиеся к Богу истины Богом же и были преподаны в откровении.

Итак, было необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание от разума, были дополнены наукой, священной и основанной на откровении (Сумма теологии, I, q. 1, 1 c).

Хотя человек не обязан испытывать разумом то, что превышает возможности человеческого познания, однако же то, что преподано Богом в Откровении, следует принять на веру (Сумма теологии, I, q. 1, 1 ad 1).

<...> Теология, которая принадлежит к Священному учению, отлична по своей природе от той теологии, которая полагает себя составной частью философии (Сумма теологии, I, q. 1, 1 ad 2).

Священное учение есть наука <...> Священное учение есть такая наука, которая <...> зиждется на основоположениях, выясненных иной, высшей наукой; последняя есть то знание, которым обладает Бог, а также те, кто удостоен блаженства (Сумма теологии, I, q. 1, 1 ad 2).

Эта наука (теология) может взять нечто от философских дисциплин, но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений. Ведь основоположения свои она заимствует не от других наук, но непосредственно от Бога через Откровение. Притом же она не следует другим наукам как высшим по отношению к ней, но прибегает к ним как к подчиненным ей служанкам, подобно тому, как теория архитектуры прибегает к служебным дисциплинам или теория государства прибегает к науке военного дела. И само то обстоятельство, что она все-таки прибегает к ним, проистекает не от ее недостаточности или неполноты, но лишь от недостаточности нашей способности понимания: последнюю легче вести от тех предметов, которые открыты естественному разуму, источнику прочих наук, к тем предметам, которые превыше разума и о которых трактует наша наука (Сумма теологии, I, q. 1, 5 ad 2).

[Естественная теология]

Бытие Божие может быть доказано пятью путями.

Первый и наиболее очевидный путь исходит из понятия движения. В самом деле, не подлежит сомнению и подтверж-

дается показаниями чувств, что в этом мире нечто движется. Но все, что движется, имеет причиной своего движения нечто иное: ведь оно движется лишь потому, что находится в потенциальном состоянии относительно того, к чему оно движется. Сообщать же движение нечто может постольку, поскольку оно находится в акте: ведь сообщать движение есть не что иное, как переводить предмет из потенции в акт. Но ничто не может быть переведено из потенции в акт иначе как через посредство некоторой актуальной сущности; так, актуальная теплота огня заставляет потенциальную теплоту дерева переходить в теплоту актуальную и через это приводит дерево в изменение и движение. Невозможно, однако, чтобы одно и то же было одновременно и актуальным, и потенциальным в одном и том же отношении, оно может быть таковым лишь в различных отношениях. Так, то, что является актуально теплым, может одновременно быть не потенциально теплым, но лишь потенциально холодным. Следовательно, невозможно, чтобы нечто было одновременно в одном и том же отношении и одним и тем же образом и движущим, и движимым, иными словами, было бы само источником своего движения. Следовательно, все, что движется, должно иметь источником своего движения нечто иное. Следовательно, коль скоро движущий предмет и сам движется, его движет еще один предмет, и так далее. Но невозможно, чтобы так продолжалось до бесконечности, ибо в таком случае не было бы перводвигателя, а, следовательно, и никакого иного двигателя, ибо источники движения второго порядка сообщают движение лишь постольку, поскольку сами движимы первичным двигателем, как-то: посох сообщает движение лишь постольку, поскольку сам движим рукой. Следовательно, необходимо дойти до некоторого перводвигателя, который сам не движим ничем иным, а под ним все разумеют Бога.

Второй путь исходит из понятия производящей причины. В самом деле, мы обнаруживаем в чувственных вещах последовательность производящих причин; однако не обнаруживается и невозможен такой случай, чтобы вещь была своей собственной производящей причиной; тогда она предшествовала бы самой себе, что невозможно. Нельзя помыслить и того, чтобы ряд производящих причин уходил

в бесконечность, ибо в таком ряду начальный член есть причина среднего, а средний — причина конечного (причем средних членов может быть множество или только один). Устраняя причину, мы устраняем и следствия. Отсюда, если в ряду производящих причин не станет начального члена, не станет также конечного и среднего. Но если ряд производящих причин уходил бы в бесконечность, отсутствовала бы первичная производящая причина; а в таком случае отсутствовали бы и конечное следствие, и промежуточные производящие причины, что очевидным образом ложно. Следовательно, необходимо положить некоторую первичную производящую причину, каковую все именуют Богом.

Третий путь исходит из понятий возможности и необходимости и сводится к следующему. Мы обнаруживаем среди вещей такие, для которых возможно и быть, и не быть; обнаруживается, что они возникают и гибнут, из чего явствует, что для них возможно и быть, и не быть. Но для всех вещей такого рода невозможно вечное бытие; коль скоро нечто может перейти в небытие, оно когда-нибудь перейдет в него. Если же все может не быть, когда-нибудь в мире ничего не будет. Но если это истинно, уже сейчас ничего нет, ибо не-сущее не приходит к бытию иначе, как через нечто сущее. Итак, если бы не было ничего сущего, невозможно было бы, чтобы что-либо перешло в бытие, и потому ничего не было бы, что очевидным образом ложно. Итак, не все сущее случайно, но в мире должно быть нечто необходимое. Однако все необходимое либо имеет некоторую внешнюю причину своей необходимости, либо не имеет. Между тем невозможно, чтобы ряд необходимых сущностей, обуславливающих необходимость друг друга, уходил в бесконечность (таким же образом, как это происходит с производящими причинами, что доказано выше). Поэтому необходимо положить некую необходимую сущность, необходимую самое по себе, не имеющую внешней причины своей необходимости, но самую составляющую причину необходимости всех иных; по общему мнению, это есть Бог.

Четвертый путь исходит из различных степеней, которые обнаруживаются в вещах. Мы находим среди вещей более или менее совершенные, или истинные, или благородные;

и так обстоит дело и с прочими отношениями того же рода. Но о большей или меньшей степени говорят в том случае, когда имеется различная приближенность к некоторому пределу; так, более теплым является то, что более приближается к пределу теплоты. И так, есть нечто в предельной степени обладающее истиной, и совершенством, и благородством, а следовательно, и бытием; ибо то, что в наибольшей степени истинно, в наибольшей степени есть, как сказано во II кн. «Метафизики», гл. 4. Но то, что в предельной степени обладает некоторым качеством, есть причина всех проявлений этого качества; так, огонь как предел теплоты есть причина всего теплого, как сказано в той же книге. Отсюда следует, что есть некоторая сущность, являющаяся для всех сущностей причиной блага и всяческого совершенства; и ее мы именуем Богом.

Пятый путь исходит из распорядка природы. Мы убеждаемся, что предметы, лишенные разума, каковы природные тела, подчиняются целесообразности. Это явствует из того, что их действия или всегда, или в большинстве случаев направлены к наилучшему исходу. Отсюда следует, что они достигают цели не случайно, но будучи руководимы сознательной волей. Поскольку же сами они лишены разумения, они могут подчиняться целесообразности лишь постольку, поскольку их направляет некто одаренный разумом и пониманием, как стрелок направляет стрелу. Следовательно, есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе; и его мы именуем Богом (Сумма теологии, I, q. 2, 3 с).

[Метафизическая теория бытия и теория познания]

Мы полагаем Бога как первоначало не в материальном смысле, но в смысле производящей причины; и в таком качестве он должен обладать наивысшим совершенством. Если материя, поскольку она является таковой, потенциальна, то движущее начало, поскольку оно является таковым, актуально. Отсюда действующему первоначалу приличествует быть в наивысшей степени актуальным и потому

в наивысшей степени совершенным. Ведь совершенство предмета определяется в меру его актуальности; совершенным называют то, что не испытывает никакой недостаточности в том роде, в котором оно совершенно (Сумма теология, I, q. 4, 1 с).

<...> Познание самого субстанциального бытия свойственно лишь интеллекту Бога и превышает возможности какого бы то ни было сотворенного интеллекта, ибо никакое творение не есть свое собственное бытие», но участвует в бытии. Итак, сотворенный интеллект не может созерцать Бога в его сущности, кроме как в меру того, что Бог по своей милости соединяется с сотворенным интеллектом как предмет, открытый разуму (Сумма теология., I, q. 12, 4 с).

Наше естественное познание берет свое начало от ощущения. Отсюда следует, что наше естественное познание может простираться до тех пределов, до которых им руководит чувственное восприятие. Но от чувственных ощущений наш интеллект не может прийти до созерцания сущности Бога, ибо чувственно воспринимаемые творения — суть следствия Божественной силы, неадекватные своей причине. Потому сила Бога не может быть познана во всей своей полноте из познания чувственно воспринимаемых вещей, из чего следует, что его сущность не может быть созерцаема. Поскольку, однако, творения — суть следствия, зависимые от причины, то мы можем от них прийти до познания в отношении Бога того, что он есть, а также того, что с необходимостью ему приличествует как всеобщей первопричине, превосходящей всю совокупность своих следствий (Сумма теологии, I, q. 12, 12 с).

Поскольку мир возник не случайным образом, но сотворен богом через посредство активного интеллекта, как то будет показано ниже, необходимо, чтобы в Божественном уме была форма, по подобию которой сотворен мир. А в этом и состоит понятие «идеи» (Сумма теологии, I, q. 15, 1 с).

Истинное, как было сказано, в своем исходном смысле находится в интеллекте. В самом деле, коль скоро всякий предмет может быть истинным постольку, поскольку имеет форму, соответствующую его природе, с необходимостью следует, что интеллект, поскольку он познает, истинен в меру того, насколько он имеет подобие познанного предмета,

которое есть его форма, коль скоро он есть интеллект познающий. И потому истина определяется как согласованность между интеллектом и вещью. Отсюда познать эту согласованность — означает познать истину. Но последнюю чувственное восприятие не познает никоим образом. В самом деле, хотя зрение обладает подобием зримого, однако же сравнения узрренной вещи и того, что оно от этой вещи восприняло, оно не познает. Интеллект же в состоянии познать свою согласованность с постигаемой вещью, однако он не воспринимает ее в том смысле, что познает некоторое неразложимое понятие, но, когда он высказывает о вещи суждение, что она такова, какова воспринятая им от нее форма, лишь тогда он познает и высказывает истину (Сумма теологии, I, q. 16, 2 с).

Истина состоит в соответствии интеллекта и вещи, как то сказано выше. Но такой интеллект, который есть причина вещи, прилагается к вещи как наугольник и мерило. Обратным образом обстоит дело с интеллектом, который получается от вещей. В самом деле, когда вещь есть мерило и наугольник интеллекта, истина состоит в том, чтобы интеллект соответствовал вещи, как то происходит в нас. Итак, в зависимости от того, что вещь есть и что она не есть, наше мнение истинно или ложно. Но когда интеллект есть мерило и наугольник вещей, истина состоит в том, чтобы вещь соответствовала интеллекту; так, о ремесленнике говорят, что он сделал истинную вещь, когда она отвечает правилам ремесла (Сумма теологии, I, q. 21, 2 с).

Коль скоро бог есть всеобщий распорядитель всего сущего, должно отнести к его провидению то, что он дозволяет отдельным недостаткам присутствовать в некоторых частных вещах, дабы не потерпело ущерба совершенство всеобщего блага. В самом деле, если устранить все случаи зла, то в мироздании недоставало бы многих благ. Так, без убийства животных была бы невозможна жизнь львов, а без жестокости тиранов — стойкость мучеников (Сумма теологии, I, q. 22, 2 ad 2).

Есть люди, которых Бог отвергает. Ведь выше сказано, что предопределение есть часть Провидения. Между тем в Провидение входит допущение некоторых недостатков в подчиненных Провидению вещах, как то сказано выше. Отсюда следует, что, коль скоро люди через Божественное Провидение

определяются к вечной жизни, равным образом к Божественному Провидению относится и то, что оно допускает, чтобы некоторые люди не достигали этой цели, что и называется отвержением (Сумма теологии, I, q. 23, 3 с).

Бог есть первопричина всех вещей как их образец. <...> Определенность форм должно возвести как к своему первоначалу к Божественной премудрости, замыслившей миропорядок, состоящий в различности вещей. И потому должно сказать, что в Божественной премудрости пребывают предначертания всех вещей, каковые мы называли идеями или образцовыми формами в уме Бога. Однако эти последние хотя и расщепляются во множество в применении к вещам, однако же не суть нечто реально отличное от Божественной Сущности, подобию которой могут быть причастны различные вещи различным образом. Итак, сам Бог есть первичный образец всего. Однако же и среди сотворенных вещей некоторые могут именоваться образцами других в соответствии с тем, что одни из них следуют подобию других либо в силу принадлежности к тому же роду, либо в силу аналогии некоторого подражания (Сумма теологии, I, q. 44, 3 с).

Самый порядок, существующий в вещах, которые так сотворены Богом, обнаруживает единство мироздания. В самом деле, мироздание именуется единым от единой упорядоченности в том смысле, что каждая вещь соотносена с другими. Все, что от Бога, соотносено между собой и с самим Богом, как то показано. Отсюда необходимо, чтобы все принадлежало единому мирозданию (Сумма теологии, I, q. 47, 3 с).

Как утверждалось выше, совершенство Вселенной требует, чтобы в вещах присутствовало неравенство, дабы осуществились все ступени совершенства. И одна ступень совершенства состоит в том, что некоторая вещь совершенна и не может выйти из своего совершенства; другая же ступень совершенства состоит в том, что некоторая вещь совершенна, но может из своего совершенства выйти. Эти ступени обнаруживаются уже в самом бытии, ибо есть вещи, которые не могут утратить своего бытия и потому вечны, а есть вещи, которые могут утратить свое бытие и потому бренны. И вот, подобно тому как совершенство Вселенной требует, чтобы были не только вечные, но и бренные сущности, точно так

же совершенство Вселенной требует, чтобы были и некоторые вещи, которые могут отступить от своей благодати; потому они и в самом деле время от времени делают это. В этом и состоит сущность зла, т[о] е[сть] в том, чтобы вещь отступала от блага. Отсюда явствует, что в вещах обнаруживается зло, как и порча, ибо и порча есть некоторое зло (Сумма теологии, I, q. 48, 2 с).

Однако в Боге нет никакого несовершенства, но высшее совершенство, как то было показано. Поэтому зло, состоящее в несовершенстве действия или проистекающее от несовершенного действия, не может быть возведено к Богу как к своей причине. Но зло, состоящее в порче каких-либо вещей, восходит к Богу как к своей причине. И это очевидно как в делах природы, так и в делах воли. Между тем, очевидно, что форма, которую прежде всего имеет в виду Бог в своих творениях, есть благо целокупного миропорядка. Но целокупный миропорядок требует, как то сказано выше, чтобы некоторые вещи могли впасть в несовершенство и время от времени впадали в него. И таким образом Бог, обуславливая в вещах благо целокупного миропорядка, в качестве следствия и как бы акцидентально обуславливает порчу вещей (Сумма теологии, I, q. 49, 2 с).

<...> Нет единого первичного начала зла в том смысле, в котором есть единое первичное начало блага. Ибо, во-первых, единое первичное начало блага есть благо по своей сущности, как то было показано. Ничто, однако, не может быть по своей сущности злом. В самом деле, мы видели, что все сущее в той мере, в какой оно есть сущее, есть благо и что зло существует лишь в благе как своим субстрате.

Во-вторых, первичное начало блага есть высшее и совершенное благо, которое изначально сосредоточивает в себе всю благодать других вещей, как было показано выше. Но высшего зла не может быть, ибо, как было показано, зло хотя и всегда умаляет благо, однако никогда не может его вполне уничтожить; и, поскольку, таким образом, благо всегда пребывает, ничто не может быть целокупно и совершенно злым. По этой причине Философ утверждает, что, «если бы нечто было целокупно злым, оно разрушило бы само себя» («Этика», IV, гл. 5), ибо с разрушением всякого

блага, что необходимо для целокупности зла, разрушилось бы и само зло, субстрат которого есть благо.

В-третьих, понятие зла противоречит понятию первичного начала, и притом не только потому, что зло, в согласии со сказанным выше, обусловлено благом, но и потому, что зло не может быть для чего-либо причиной иначе как акцидентально. И потому оно не может быть первопричиной, ибо «акцидентальная причина вторична по отношению к причине, которая является таковой сама по себе», как то очевидно («Физика», II, гл. 6) (Сумма теологии, I, q. 49, 3 с).

Ряд причин зла не уходит в бесконечность, ибо всяческое зло может быть возведено к некоторой благой причине, из которой зло проистекает акцидентальным образом (Сумма теологии, I, q. 49, 3 ad 6).

Чувственное восприятие не схватывает сущности вещей, но только их внешние акциденции. Равным образом и представление схватывает всего лишь подобия тел. Лишь один интеллект схватывает сущность вещей (Сумма теологии, I, q. 57, 1 ad 2).

Познание истины двояко: это либо познание через природу, либо познание через благодать. И то познание, которое происходит через благодать, в свою очередь двояко: первый вид познания исключительно умозрителен, как то, когда некоторому лицу открываются некоторые божественные тайны; другой же род познания связан с чувством и производит любовь к Богу. И последнее есть особое свойство дара мудрости (Сумма теологии, I, q. 64, 1 с)

Начало интеллектуальной деятельности, которое мы именуем человеческой душой, есть некоторое бестелесное и самосущее начало. Ведь очевидно, что через посредство интеллекта человек способен познавать природы всех тел.

Итак, само интеллектуальное начало, которое именуется умом или интеллектом, осуществляет действие через себя само, и тело здесь не участвует. <...> Человеческая душа, именуемая интеллектом или умом, есть нечто бестелесное и самосущее (Сумма теологии, I, q. 75, 2 с).

Ввиду того что чувственное ощущение есть некоторое действие человека, хотя и несобственное, очевидно, что человек есть не одна только душа, но нечто составленное из души

и тела. Платон мог утверждать, что человек есть душа, пользующаяся телом, лишь потому, что он считал чувственное восприятие свойством души (Сумма теологии, I, q. 75, 4 с).

Необходимо сказать, что интеллект, который есть начало интеллектуального действия, есть форма человеческого тела. Действительно, то начало, через которое непосредственно происходит некоторое действие, есть форма вещи, которой действие приписывается; так, начало, через которое тело пребывает здоровым, есть здоровье, а начало, непосредственно через которое душа познает, есть знание, — откуда здоровье есть форма тела и знание есть форма души. Но очевидно, что начало, непосредственно через которое тело живет, есть душа. И поскольку жизнь обнаруживается через различные действия на разных уровнях живых существ, то начало, через которое мы прежде всего совершаем каждое из этих действий жизни, есть душа; прежде всего благодаря душе мы питаемся, чувствуем, движемся в пространстве; и равным образом прежде всего благодаря ей мы мыслим. Следовательно, то начало, прежде всего благодаря которому мы мыслим, называть ли его интеллектом или мыслящей душой, есть форма тела. Это доказательство дает Аристотель во 2-й кн. «О душе» (2-я гл.) (Сумма теологии, I, q. 70, 1с).

Утверждение, будто интеллект у всех людей един, совершенно несостоятельно. Это явствует само собой, если, как утверждал Платон, человек есть сам интеллект. В таком случае из допущения, будто Сократ и Платон вместе имеют лишь один интеллект, вытекает, что Сократ и Платон суть один и тот же человек и ничем друг от друга не отличаются, кроме свойств, лежащих за пределами сущности того и другого. И в таком случае различие между Сократом и Платоном будет таким же, как между человеком в тунике и человеком в плаще, что совершенно нелепо (Сумма теологии, I, q. 76, 2 с).

<...> Интеллект есть некоторая потенция души, а не сама сущность последней. Но только применительно к Богу умопостигающая деятельность совпадает с бытием. Поэтому только в Боге интеллект есть его сущность; во всех прочих умопостигающих существах интеллект есть некоторая потенция умопостигающего лица (Сумма теологии, I, q. 79, 1с).

[Затруднения]

Между тем человеческая душа именуется умопостигающей потому, что она участвует в способности умопостижения; свидетельство этому то, что она не вся в целом оказывается умопостигающей, но лишь в некоторой своей части. Далее, она доходит до постижения истины путем умозаключений в поисках и изменении. Далее, она обладает несовершенной способностью умопостижения: во-первых, она постигает не все; во-вторых же, в тех вещах, которые доступны ее постижению, она движется от потенции к акту. Следовательно, с необходимостью должен быть некоторый высший интеллект, который помогает душе в умопостигающей деятельности (Сумма теологии, I, q. 79, 4 с).

Для познания тех истин о Боге, которые могут быть добыты разумом, необходимо уже заранее обладать многими знаниями, ибо почти все изыскания философии подчинены цели богопознания; именно по этой причине метафизика, занимающаяся тем, что относится к Божеству, в ряду философских дисциплин изучается последней (Против язычников, I, 4).

Если бы к богопознанию вела одна лишь дорога разума, род человеческий пребывал бы в величайшем мраке неведения: в таком случае богопознание, которое делает людей в высшей степени совершенными и добрыми, приходило бы лишь к немногим, да и к ним лишь по прошествии долгого времени (Против язычников, I, 4).

Когда человеку предлагаются некоторые истины о Боге, выходящие за пределы разума, то через это в человеке укрепляется мнение, что Бог есть нечто превышающее все, что можно помыслить (Против язычников, I, 5).

Никакое движение, имеющее своей целью нечто переходящее из потенции в акт, не может быть вечным, ибо с переходом цели в акт движение затихает. Но если перводвижение вечно, необходимо, чтобы оно имело своей целью нечто неизменно и всецело актуальное. Но таковым не может быть ни тело, ни какая-либо способность тела, ибо все тела и способности тел изменчивы сами по себе или по своим акциденциям. Итак, цель перводвижения не есть ни тело, ни способность тела. Но цель перводвижения есть перводвигатель,

к которому влечется [все] как бы в любовном томлении. Но это есть Бог. Следовательно, Бог не есть ни тело, ни способность тела (Против язычников, I, 20).

Если что-либо относящееся к творениям совместно наблюдают философ и верующий, то их объяснения будут исходить из различных оснований. Ведь философ будет опираться в своих рассуждениях на собственные причины вещей, верующий же – на первопричину, т[о] е[сть] он будет говорить: «Так дано в откровении», или: «Это относится к славе Божией», или: «Могущество Божие беспредельно». Отсюда вера, коль скоро она созерцает высочайшую причину, может быть названа высшей мудростью в соответствии со словами Писания (Второзак., IV, 6): «Это есть мудрость ваша и разумение перед лицом народов». И потому человеческая мудрость берет на себя услужение этой мудрости, признавая ее превосходство.

Антология мировой философии. Т. 1 /
Пер. С. С. Аверинцева. М., 1969. С. 823–862.

РАЗДЕЛ II

КАТОЛИЧЕСКАЯ АСКЕЗА

ПАПА ИННОКЕНТИЙ III

Папа Иннокентий III (1198–1216 гг.) в своей деятельности следовал доктрине о примате папской власти над властью светской. Он ликвидировал автономию Рима, был инициатором IV крестового похода; в 1202 г. санкционировал основание Ордена меченосцев для христианизации Прибалтики; в 1209 г. призвал к крестовому походу против альбигойцев. Он был беспощаден в преследовании ереси и способствовал организации инквизиции.

Папа Иннокентий III последовательно отстаивал авторитет Римской Церкви в руководстве внешней политикой европейских монархов. Защищая интересы Папства, он без колебаний подвергал отлучению от церкви, как было, например, с английским королем Иоанном Безземельным.

Идеолог теократии, образованный теолог он разработал учение о тяжких грехах, судьей в которых должен быть только Святой Престол. В целях усиления идеологического влияния на общество Папа Иннокентий III учредил нищенствующие Ордена святого Франциска и святого Доминика, при нем были открыты университеты в Париже и Оксфорде.

До начала своего понтификата Иннокентий III – Лотарио Конти, граф Сеньи – в Париже получил философско-теологическое образование, и в Болонье – юридическое. Он является автором нескольких теологических трактатов и среди них – трактат «О ничтожности человеческой судьбы» («О ничтожестве человеческого состояния», в переводе Н. И. Девятайкиной), или «О презрении к миру» (в трех книгах), написанный между 1194 и 1195 г. В этом труде Иннокентий III выражает одобрение и дает теоретическое, богословское обоснование аскезе как наиболее полному выражению люб-

ви к Богу. Морально-аскетический аспект сочинения заключается в доказательствах обреченности человека на скорбь, труды, ужас смерти и мирские мучения. Он живописует ничтожество человеческого состояния ссылками на античных авторов, христианских писателей и Библию.

О презрении к миру

Книга первая

Глава 1. О жалких условиях человеческого рождения

«Для чего из утробы матери я вышел, чтобы видеть труды и скорби и чтобы дни мои исчезали в бесславии?» (Иер., 20, 18)⁹. Если такое о себе сказал тот, кого Бог освятил в утробе (Иер., 1, 5), что скажу о себе я, тот, которого мать родила в грехе? О, скажу, мать моя, зачем ты родила меня, сына горечи и скорби? «Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева? Зачем приняли меня колени? Зачем было мне сосать сосцы?» (Иов, 3, 11). «Мне, рожденному в нечестии и уготованному стать пищей для огня?» (Ис., 9, 5). «О, если бы я погиб в утробе, чтобы мать моя была гробом и чрево ее осталось вечно беременным!» (Иер., 20, 17). «Кто же даст очам моим источник слез?» (Иер., 9, 1), чтобы оплакал я жалкое человеческое рождение и постыдную человеческую смерть?»

Итак, я рассмотрел со слезами, откуда произошел человек, что он собой представляет и каково его будущее. В самом деле, созданный из земли, зачатый в грехе, рожденный для наказаний, человек делает дурное — то, что непозволительно и позорно, то, что не должно и бесполезно, то, что не нужно. Станет он пищей для огня, едой для червей, гниющей массой.

Я растолкую это яснее, изложу полнее. Сотворен человек из пыли, из грязи, из пепла, а также из отвратительного семени, что еще более ничтожно. Зачатый в зудящей похоти, в опьянении страсти, в разнузданном зловонии и — что еще хуже — в позоре греха, человек рожден для трудов, для скорбей, для страха и, наконец, что ужаснее всего, для смерти. Он делает дурное, чем оскорбляет бога, вредит ближнему, вредит

самому себе; он делает позорное, чем пятнает славу, пятнает совесть, пятнает себя самого; он делает бесполезное, из-за чего пренебрегает важным, пренебрегает полезным, пренебрегает необходимым.

Будет он добычей огня, который вечно горит и беспрестанно мучает; будет он пищей червей, которые беспрестанно гложут и вечно пожирают; будет он гниющей массой, всегда нечистой и зловонной.

Глава 2. О ничтожности материи самого человека

Итак, сотворил Господь Бог человека из праха земного, который ничтожнее прочих элементов, как подтверждено в Библии (Быт., 2, 8). Планеты и звезды Господь Бог сделал из огня, ветер и бури — из воздуха, рыб и пернатых сотворил из воды, людей и скот — из праха. Сравнивая себя с обитателями воды, человек обнаруживает, что он ничтожен, рассматривая небесных тварей, познает, что еще более ничтожен; рассматривая сотворенных из огня, приходит к мысли, что ничтожнее его нет. Он не смеет сравнивать себя с небесными тварями, не отваживается поставить себя впереди земных. Он полагает себя равным только выючным животным и узнает в любом из них себе подобного.

«Участь сынов человеческих и участь животных — одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все — суета. Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах» (Еккл., 3, 19, 20). Слова эти принадлежат не какому-нибудь безвестному человеку, но мудрейшему Соломону. Что же иное человек, если не грязь и пепел? По этой причине человек и говорит Богу: «Вспомни, что ты, как глину, обделал меня и в прах обращаешь меня?» (Иов, 10, 9). Поэтому и Бог сказал человеку: «Прах ты и в прах возвратишься» (Быт., 3, 19). Иов также говорит: «Он бросил меня в грязь, и я стал как прах и пепел» (Иов, 30, 19).

Грязь сотворяется из воды и праха, и то, и другое остается в ней; пепел же образуется из дерева и огня, когда и то, и другое распадается. Таинство творения известно, но все-таки должно быть разъяснено лучше. Что же ты гордишься грязью, из какого праха ты возвышаешься? Почему ты хочешь прославить пепел?

Глава 3. Различие зачатия

Возможно, ты ответишь, что сам Адам был сотворен из грязи земной, ты же рожден из адамова семени. Да, и он был сотворен из земли, но девственной, ты же порожден из семени, но нечистого. «Кто же родится чистым от нечистого?» (Иов, 14, 4). Есть ли такой человек, рожденный земной женщиной, который был бы незапятнанным и праведным? «Вот я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс., 50, 7). И не в одной такой несправедности, и не в одном прегрешении, но во многих несправедностях и прегрешениях как собственных, так и чужих.

Глава 4. О зачатии детей

Зачатие имеет двойной характер: одно — в семени, другое — по природе. Есть два рода зачатия: одно — порочное, другое — естественное. Первое совершается в прегрешениях, второе — в намеренном соитии, ибо в первом случае родители думают о наслаждении, во втором — о рождении потомства. Кто же не знает, что супружеское соитие никогда не случается без зуда желания, без разнузданной горячности, без омерзительной похоти? Поэтому-то оплодотворенные семена и оскверняются, и обезображиваются, и становятся порочными. Из-за этого, в конце концов, и душа навлекает на себя позор греха, пятно вины, грязь несправедности: так же, как портится жидкость, излитая из испорченного сосуда, соприкасаясь с грязью, душа сама становится грязной.

Душа имеет три естественные способности или три естественные силы. Разум — чтобы отличать добро от зла, гнев — чтобы отвергать зло, желание — чтобы стремиться к добру. Эти три силы изначально повреждаются тремя пороками. Сила разума — невежеством, которое не отличает добра от зла, сила гнева — яростью, отвергающей добро, сила желания — вожделением, которое жаждет зла. Первое порождает ошибки, последнее — грехи, среднее — и ошибки, и грехи. Поскольку ошибка — когда не делаешь того, что должно быть сделано, грех — когда делаешь то, чего нельзя.

Эти три порока укореняются в нас из-за поврежденной плоти через три естественных соблазна. В плотском соединении усыпляется взор разума, отсюда рассеиваются семена

невежества, в нем разжигается зуд похоти, отсюда возрастает страсть, а само утоление жажды удовольствия порождает вожделение. Страсть — тирания плоти, закон тела, источник греха, слабость природы, пища смерти: без нее никто не рождается, без нее никто не умирает. Если кто и желает не грешить в мыслях, все равно грешит в деяниях. И «если мы говорим, что не имеем греха, обманываем и самих себя, и истины нет в нас» (I Иоан., 1, 8). Прежде чем мы согрешили, мы грехом связаны: и прежде чем мы допустим прегрешение, в нас есть прегрешение. «Одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (Рим., 5, 12).

Глава 5. О том, какой пищей питается зародыш в утробе

Но подумайте, чем питается зародыш в утробе? Конечно, менструальной кровью, которая прекращает истекать из женщины после зачатия, чтобы ею питался зародыш. Эта кровь, как известно, настолько ужасна и нечиста, что, если она попадает на семена, они не произрастают, кустарники засыхают, травы увядают, деревья лишаются плодов. Если собаки слизнут эту кровь, они впадают в бешенство. Зародыш — плод порочного семени, и из-за этой порчи рождаются прокаженные и пораженные слоновой болезнью.

Поэтому и говорит Второй закон Моисеев: считать нечистой женщину в период менструаций (Лев., 15, 19); и если кто приблизится к такой женщине, должно лишить его жизни. Вследствие ежемесячной нечистоты предписано также, что если женщина произведет на свет мальчика, то она не должна входить в храм 40 дней, если девочку — 80 (Лев., 12, 5—6).

Глава 6. О слабости детей

«На что дан страдалцу свет и жизнь огорченным душой?» (Иов, 3, 20). Счастливы те, кто умирают прежде, чем появляются на свет. Счастливы прежде ощутившие смерть, чем познавшие жизнь. Ведь некоторые рождаются настолько уродливыми и странными, что кажутся не людьми, а скорее какими-то мерзостями. Возможно, лучше было бы предусмотреть, чтобы подобных никогда не производить на свет, чтобы

не видеть монстров и не показывать чудищ. Многие рождаются с неразвитыми членами или помраченным рассудком, принося печаль друзьям, бесславие родителям, чувство стыда близким.

Но что я говорю здесь о некоторых частных случаях, если вообще мы рождаемся без знаний, без умения говорить, без добродетелей. Люди — немощные, бессильные, недалеко ушедшие от неразумных тварей существа, имеющие гораздо меньше полезных свойств, чем животные, и достойные лишь оплакивания. Ведь звери, как только появятся на свет, сразу начинают ходить, мы же не только не держимся на ногах прямо, но даже не можем ползать на четвереньках.

Глава 7. О тягостях родов и воплях детей

Все мы рождаемся с плачем, чем выражаем наше несчастье. Только что родившийся мальчик издает звук «А-а», девочка же — «Е-е». Произносящие «Е» или «А» всякий раз рождаются от Евы. Что иное означает Е-ва, если не «О!», «А - ах»? И то, и другое — междометия, выражающие скорбь, показывающие силу страданий. Ибо до прегрешения она — дева, после прегрешения заслужила имя «Ева» и услышала сказанное ей: «В муках будешь рожать детей» (Быт., 3, 6).

Известно, что боль при родах нельзя сравнить с иной болью. Рахиль, которая умерла после родов из-за чрезмерных болей, назвала, отходя, своего сына Бенони, то есть Сын страданий (Быт., 35, 18). Жена Финей, охваченная внезапными болями, родила ребенка и тотчас умерла, в последнюю минуту назвав своего сына Ихавод, то есть Бесславный (I Цар., 4, 20—21).

Но женщина подобна терпящему кораблекрушение: пока рождает, терпит скорбь, а когда появится младенец — уже ничего не помнит от радости, потому что родился человек в мир (Ин., 16, 21). Итак, зачинает женщина с бесстыдством и похотью, рождает со скорбью и страданиями, кормит с трудами и заботами, оберегает с усердием и страхом.

Глава 8. О наготы человека

Нагим выходит человек в мир и нагим возвращается. Бедным вступает и бедным уходит. «Наг, — говорит Иов, — я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь в землю» (Иов,

1— 21). «Ибо мы ничего не принесли в мир, явно, что ничего не можем вынести из него» (I Тим., 6, 7). Если же кто родился в рубашке, пусть вспомнит, какую он выносит оболочку. Постыдно о ней говорить, еще постыднее слышать, самое постыдное — видеть. Мерзкая шкурка, залитая кровью. Это и есть та ограда, о которой Фамарь сказала при родах: «Как ты расторг эту преграду себе?» И по этой причине она назвала сына Фарес, что значит Разделение (Быт., 38, 29).

Глава 9. Какие плоды производит человек

О, ничтожная гнусность человеческого состояния, о гнусное состояние человеческого ничтожества! Рассмотрим травы и деревья. От них — цветы, листья, плоды, а от тебя - о! — вши и глисты. Растения изливают благовоние, масло, вино, а ты — плевки, мочу, кал. Они испускают приятные запахи, а ты — омерзительное зловоние. Следовательно, каково дерево, таков и плод. «Не может дерево худое приносить плоды добрые» (Мф., 7, 18).

Что же представляет собой человек в смысле формы, если не нечто противоположное дереву? Волосы — это корни, голова с шеей — начало ствола, грудь с животом — сам ствол, бедра с голеньями — ветви, пальцы с суставами — листья. Человек — лист, срываемый ветром, травинка, иссушаемая солнцем (Иов, 13, 25).

Глава 10. О тягости старости и краткости жизни человека

В первоначальном состоянии людям было назначено жить 900 лет и больше (Быт., 5, 6), но, понемногу изменяя жизнь людей, Господь сказал Ною: «Не вечно Духу моему быть пренебрегаемым человеками сими, потому что они плоть; будут дни их 120 лет» (Быт., 6, 4). Что, однако, можно знать о конце жизни большего, чем то, что он — время покаяния? И потом очень редко случалось, чтобы люди прожили дольше, так как, напротив, человеческая жизнь все больше и больше сокращается, о чем сказано псалмопевцем: «Дней лет наших — 70 лет, а при большей крепости — 80 лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь» (Пс., 89, 10). «Не малы ли дни мои?» (Иов, 10, 20). «Дни наши скорее пройдут, чем упадет

стрела, пущенная из лука (Иов)¹⁰. «Человек, рожденный женщиной, краткодневен и пресыщен печальями: как цветок, он выходит и опадает, убегает, как тень, и не останавливается» (Иов, 14, 1–2). Немногие доживают теперь до 40 лет, еще меньше — до 60.

Глава 11. О тягости старости

Если кто доживет до старости, тотчас сердце его расшатывается, голова начинает трястись, дух ослабляется, дыхание становится зловонным, лицо покрывается морщинами, фигура делается согбенной, глаза слепнут, колени подгибаются, из носу течет, волосы выпадают, осязание ослабляется, желания пропадают, зубы крошатся, уши глухнут.

Старец легко возбуждается, трудно успокаивается; быстро принимает на веру, медленно разуверяется. Он скареден, алчен, печален, склонен к жалобам, болтлив; с трудом умеет выслушать, но без труда — разгневаться; хвалит старое, хулит новое, поносит настоящее, приукрашает прошедшее, вздыхает и тревожится, ослабевает и теряет силы. Послушайте поэта Горация: <...> Многие неудобства докучают в старости. Конечно, не следует прославлять стариков по сравнению с молодыми и молодых превозносить по сравнению со стариками, так как они были тем, что мы суть теперь, а мы будем тем, что они теперь.

Глава 12. О трудах смертного

«Птица рождается для полета, а человек рождается для трудов» (Иов). Все его дни полны работами и мучениями, и даже ночью не отдыхает ум его. И что это, если не суета? Без трудов никого нет под солнцем, без недостатков — никого под луной, без суеты — никого под временем. Земное время — краткий отрезок переменчивых дел.

«Суета сует, — говорит Екклезиаст, — и всяческая суета» (Еккл., 1, 2). О сколь разнообразны устремления людей, сколь различны занятия! Однако один у всех конец, один и тот же исход: терзания и томления духа. «Все человеки обречены на многие труды, ярмо тяжелое на сынах Адама со дня выхода из материнского чрева до дня захоронения во всеобщую мать» (Еккл.).

Глава 13. О занятиях ученых людей

Ученые заняты исследованиями: изучают небеса, определяют величину земли, глубину морей, рассуждают об одних вещах, обдумывают другие. Всегда или учатся, или обучают. Но что проистекает от этих занятий, кроме трудностей, и скорби, и уныния духа? Подтвердил это собственным опытом тот, кто сказал: «Предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это — томление духа; потому что во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл., 1, 17). И пусть это необходимо, чтобы многие бодрствовали, потя над исследованиями, и не спали из-за упорных трудов, едва ли, однако, есть что-либо — пусть незначительное, пусть легкое, — каковое смог бы воспринять и до конца понять человек с полной ясностью: только то может быть совершенно известно, что ничего нельзя познать полностью и любое тотчас можно опровергнуть.

И, конечно, «тленное тело отягощает душу, и эта земная хранина подавляет многозаботливый ум» (Прем., 9, 16). Послушай, что затем говорит Соломон: «Все вещи — в труде: не может человек пересказать всего» (Еккл. 1, 1). «...Человек ни днем, ни ночью не знает сна, но не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. И чем больше он будет искать, тем меньше найдет» (Еккл., 8, 16—17). Итак, пусть ищущий откажется от поиска, и тогда дух его возвысится, и Бог в нем возвеличится. Ибо ученый человек заводится в тупик славой. Кто больше размышляет, больше сомневается: и тот кажется себе более мудрым, кто более безумен. Следовательно, удел знания — знать, что ничего не знаешь. «Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы» (Еккл., 7, 29).

Глава 14. О различных занятиях людей

Спешат, бегут смертные туда и обратно через ограды и тропинки, взбираются на горы, перебираются через холмы, переплывают реки, пересекают Альпы, переправляются через ямины, преодолевают пропасти, исследуют недра земли, глубину морей, тайны рек, густые леса, непроходимые пустыни, интересуются ветрами и дождями, громами и молниями, волнами и бурями, обвалами и пропастями.

Плавят руду и куют металл, высекают и полируют камни, срубают и обтесывают деревья, ткнут ткани, кроют и шьют одежду, строят дома, рассаживают сады, пахут поля, взрыхляют виноградники, разжигают печи, сооружают мельницы, ловят рыбу, охотятся, ловят птиц.

Обдумывают и рассуждают, советуются и рассматривают, жалуются и спорят, волнуются и сердятся, обманывают и торгуют, состязаются и сражаются, и... делают бесчисленное множество подобных вещей, чтобы увеличивалась сила, чтобы множились доходы, чтобы росла прибыль, чтобы больше воздавалось почестей, чтобы росло достоинство, чтобы умножалась власть.

И все это — только труды тяжкие и томление духа. Если не верите мне, то поверьте Соломону. «Я предпринял, — говорит он, — большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья; сделал себе водоемы для орошения из них рощей, приобрел себе слуг и служанок, много домочадцев было у меня; также крупного и мелкого скота у меня было больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; собрал себе серебра и золота и драгоценностей от всех царей и областей; завел у себя певцов и певиц и для услаждения сынов человеческих — разные музыкальные орудия. И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме... И оглянулся я на дела свои, которые сделали руки мои и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем» (Еккл., 2, 4—11).

Глава 15. О различных страхах

О, какие страхи тревожат смертных, какие сокрушают заботы, какое беспокоит волнение, какая пугает боязнь, какой потрясает трепет, какой сжимает ужас, какая сокрушает скорбь, какая расстраивает печаль, какое омрачает смятение!

Богатый и бедный, раб и господин, женатый и холостой, и, наконец, добрый или злой — все сокрушаются мирскими мучениями. Поверь учителю, знающему истину: «Если я виновен — горе мне, и если прав — не осмелюсь поднять головы моей. Я пресыщен унижением; взгляни на бедствие мое: оно увеличивается» (Иов, 10, 15—16).

Глава 16. О несчастиях богатых и бедных

Бедные придавлены нуждой, мучаются тяжким трудом, голодом, жаждой, наготой, холодом: опускаются, чахнут, презираются и пребывают в печали. О, несчастная участь бедняков! Если бедняк просит подавание — сторает со стыда, а если не просит — доходит до истощения от голода; принуждается нищенствовать необходимостью. Он возводит обвинение на Бога, что тот несправедлив и неправильно разделяет [блага]. Он обвиняет ближнего в черствости, в том, что тот не приходит на помощь. Он негодует, он ропшет, он проклинает.

Знай же высказывание мудреца: «Лучше умереть, чем нищенствовать» (Еккл.). «Бедный ненавидим даже ближними своими» (Притч., 14, 20). «Для бедняка плохи все дни: бедного ненавидят все братья его, тем паче друзья его удаляются от него» (Притч., 19, 7). Ведь

...не сосчитать друзей, пока благоденствие длится,

Если же небо твое хмурится, ты одинок¹¹.

О стыд! Личность ценится соответственно имуществу, а ведь скорее имущество должно оцениваться соответственно личности. Настолько хорошим считается человек, насколько он богат, настолько дурным, насколько беден, а ведь скорее богатым должен настолько почитаться, насколько добродетелен, и настолько бедным, насколько злонравен.

Богатый изнеживается от пресыщения, дает волю хвастливости, спешит удовлетворить прихоти, бросается к недозволенному; использует для наслаждения даже то, что для другого было бы наказанием. Дух его всегда в томлении: его тревожит и смущает тяжкий труд наживания богатства; накопив его, он еще больше страшится, а потеряв — скорбит без меры. «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф., 6, 21).

Но полнее об этом мы скажем в дальнейшем.

Глава 17. О несчастиях рабов и господ

Раб прислуживает, терпит побои, но меньше испытывает страха, меньше тревожится вестниками, меньше лишается богатства; если господин чего-то не имеет — жаждет заполучить, если раб что-то имеет — [господин] стремится у него

отнять. Господин виновен — наказывают раба; вина раба — добыча для господина:

...Сходят владыки с ума, а спины трещат у ахейцев¹².

Как лев охотится в пустыне за онагром (диким ослом), так и богатые — за бедняками. О несчастное состояние рабства! Природа произвела всех свободными, но судьба превратила в рабов (Еккл.). Раба заставляют терпеть, и никто не может выразить ему сострадание; он скорбит, и никому не разрешается выразить ему сочувствие. Он, как никто другой, не принадлежит сам себе. Несчастливы и те, кто служит на военной службе, так как играть роль чужой добычи — несчастье.

Жестокоего господина следует страшиться из-за подлости по отношению к подвластным ему людям, но если господин мягок — его будут презирать из-за заносчивости подвластных. Итак, сурового боятся, мягкого унижают пренебрежением. Жестокость порождает ненависть, снисходительность — презрение.

Что касается слуги — его утомляют заботы и отягощает домашняя суета. Господин должен быть ко всему готов, со всех сторон защищен, чтобы предостеречься от козней зловерных людей, отразить несправедливые нападения, поправить врагов, защитить граждан. Коварство по отношению к нему не довольствуется днями, но навлекают муки дни дней и вызывают беспокойство ночи ночей (Пс., 18). Следовательно, дни он проводит в муках и вслед за такими днями — бессонные ночи.

Глава 18. О несчастиях женатых и неженатых

Может ли огонь не жечь? Так и плоть не может не вождельть со страстью, так как сколько бы она ни наказывалась, этот дьявол не может быть изгнан:

...Вилой природу гони, она все равно возвратится¹³.

«Не все, — говорит евангелист, — понимают слово это, но те, кто может понять, пусть поймут» (Мф.). Например, когда сам Господь приказывал относительно определенных церковных одежд, в которые Моисей и Аарон должны одевать своих сыновей, то ничего не предписал только насчет штанов, но сказал, что все они должны надевать их, когда входят в шатер для свидетельствования. Апостол говорит: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию,

на время, для упражнения в молитве и посте, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (I Кор., 7, 5–8).

Итак, сражается ангел против козней сатаны, который соблазняет плотским и тяжело бьет, раздувая пламень природы ветром, подливая масла в огонь, подыскивая поводы, подстраивая удобные случаи. Бывает, что только увидит кто-нибудь чье-то лицо и фигуру, и тотчас страстно возжаждет. Давид, гуляя во дворе царского дома после полудня, увидел Вирсавию, себя омывавшую, «возжелал ее, и имел ее, и спал с нею: была эта женщина прекрасна» (2 Цар., 12, 24).

Тот, кто женат, продолжает думать о других женщинах. Он расстраивается из-за многих затруднений, испытывает различные беспокойства, разыскивая и доставляя необходимое дочерям и жене, рабам и служанкам. «Скорби всякого рода из-за плоти имеют» (I Кор., 7). Жена стремится иметь драгоценные украшения и различные предметы для дома, и часто покупает больше нарядов, чем позволяет состояние мужа. К тому же она дни и ночи шумит, в чем-то все подозревает, тараторит, ворчит.

Три вещи мешают человеку оставаться дома: дым, капанье воды и плохая жена. Такая жена говорит с завистью, что другие женщины появляются в обществе в украшениях и вызывают всеобщее восхищение, она же одета хуже всех и не смеет глаз поднять; все смеются над ней. Такая жена хочет, чтобы уважали и восхваляли только ее; полагает, что если хвалят другую, значит, ее ненавидят, если любят другую, значит, ее считают безобразной. Должно быть любимо все, что она избирает, должно быть ненавидимо все, что она ненавидит; она хочет быть победительницей, даже если не имеет ни одного шанса на победу. Она хочет всего, но ничего не может добиться. Если она красива — легко воспламенится страстью, если безобразна — с трудом откажется от безграничных желаний. Но трудно уберечь то, что многими желается, и тягостно владеть тем, что никто не считает достойным. Один восхищается внешностью, другой — умом, третий — кокетством, четвертый — свободой поведения: и так она со всех сторон атакуется, что чем-нибудь да зацепится.

Лошадь и осел, бык и собака, одежда и постельное белье, даже чаши и кувшины сначала испытываются, потом покупаются. Невеста же проявляет свои качества лишь после того, как на ней женятся. И как бы ни сложились у мужа отношения с ней — деться некуда, приходится терпеть ее присутствие. Муж не может отказаться от жены, даже если она ужасна, отвратительна, слабоумна, высокомерна, даже если она имеет какие-то пороки. Только прелюбодеяние может побудить отказаться от жены.

Но не отказываясь, можно другую взять в жены, не отказываясь — с другой соединиться. Если кто-нибудь разведется с женой не из-за нарушения супружеской верности, то разводом может ее подтолкнуть к развратной жизни. «Если жена с мужем разведется, то должна оставаться безбрачною или примириться с мужем своим, и мужу не оставлять жены своей» (I Кор., 7, 11).

Груз брака очень тяжел, ибо, как говорит Соломон, «глуп и нечестив тот, кто нарушает супружескую верность» (Прем., 18). И тот действует постыдным образом, кто скрывает грех жены. Если он сам к тому же допускает супружескую измену, то будет наказан только за свой грех, так как его жена (а ведь она живое существо) вынуждена воздерживаться. Поэтому и говорили ученики Христа: «Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Мф., 19). Кто мог когда-либо невозмутимо терпеть соперника? Одна подозрительность ревнивцев имеет убийственную силу. Хотя и было написано «и будут два одна плоть» (Быт., 2, 24), однако ревность мужа не стерпит двоих в одной плоти.

Глава 19. О несчастьях добрых и злых

Нельзя нечестивцам радоваться, — говорит Господь, — так как из-за чего грешит человек, из-за того и мучается (Исайя). Червь совести никогда не умрет, огонь разума не будет погашен. «Как я видал, то оравшие нечестье и сеявшие зло пожирают его; от дуновения божия погибают и от духа гнева его исчезают» (Иов, 4, 8).

Нечестивцев разжигает высокомерие, снедает ненависть, подстегивает жадность, возбуждает гнев, мучает чревоугодие, расслабляет роскошь, связывает ложь, бесчестит и позорит

убийство. И то, что для человека является удовольствием греха, в глазах Бога — орудие наказания:

...Сохнет завистник, когда у другого он видит обилье, но:

...Пытки другой не нашли сицилийские даже тираны, Хуже, чем зависть¹⁴.

По свидетельству Апостола, порок портит природу. Он говорит: «Осуетились в умствованиях своих и омрачилось немысленное их сердце» (Рим., 1, 21). Кроме того, «предал их Бог в похотях сердец их, в нечистоте, так что они осквернили сами свои тела... И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства» (Рим., 1, 23, 28).

«Да и все желающие жить благочестиво — во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим., 3, 12). Ведь и святые не были защищены от издевательств и плетей. Более того, могли быть брошены в темницы и тюрьмы, где их замуровывали и мучили до смерти: ради Христа они и смерть от меча принимали. Они... «скитались в овечьих шкурах, козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр., 11, 38). «В опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях на море, в опасности между лжебратьями. Труд и изнурение, часто в бдении, в голоде, в жажде, часто в посте, на стуже, в наготe» (2 Кор., 11, 27).

Поистине «отвернись от себя» (Ев. от Луки), распни «плоть со страстями и похотями» (Гал., 5, 24), чтобы для (праведников) был распят мир и они — для мира. «Они не имеют постоянного града, но ищут будущего» (Евр., 13, 14). Они переносят человеческий век как изгнание, несут замок на теле как в тюрьме. «Странник, — говорит, — я у тебя и пришлец, как и все отцы мои» (Пс., 38, 13). «Горе мне, что я пребываю у Мосоха, у шатров Кидарских. Долго жила душа моя с ненавидящими мир» (Пс., 119, 7). «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся» (2 Кор., 11, 29). Ибо прегрешения ближних — сухой хворост для праведных. Не сухое лишь то, что Халеб дал в приданое своей дочери Аксе (Ис.).

Глава 20. О врагах человеческих

Жизнь человека на земле есть война (Иов). И разве жизнь не настоящая война, если со всех сторон постоянно осаждают многочисленные враги, чтобы захватить; они преследуют нас, чтобы умертвить — демон и человек, мир и плоть. Демон с пороками и вожделениями, человек с тварями, мир с элементами, плоть с чувствами. «Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти» (Гал., 5, 17).

Поистине, «наша брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф., 6, 12). «Противник ваш диавол, как лев рыкающий ходит, ища, кого поглотить» (I Пет., 5, 8). Воспламеняются огненные копья диавола. «Смерть входит в наши окна» (Иер., 9, 24), глаз опустошает душу, сражается земля обетованная против безрассудных, «восстает народ на народ, и царство на царство; будут большие землетрясения по местам, и голоды, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба» (Лк., 21, 11).

Земля произрастит «тернии и волчцы» (Быт., 5, 18), вода — волны и бурю, воздух — ураганы и громы, огонь — сверканье и молнии. «Проклята, — говорит Господь, — земля за тебя, тернии и волчцы произрастит она тебе; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт., 3, 19).

Насаждена была виноградная лоза, но «лесной вебрь подрывает ее, и полевой зверь объедает ее» (Пс., 79, 14). Волк и медведь, онагр (дикий осел) и крокодил, тигр и гриф, змей и червь, василиск и ехидна, змеи и драконы, скорпионы и гадюки; но и гниды, и вши, муравьи и блохи, мошки и мухи, шершни и осы, птицы и рыбы: ибо Тот, Кем мы были сотворены, чтобы повелевать рыбами морскими и птицами небесными, и всеми живыми существами, которые движутся по земле, отдает нас им в добычу, на съедение. Написано же: «Зубы зверей я пошлю на них, крутящихся и извивающихся на земле».

Глава 21. О темнице души, то есть теле

«Бедный человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим., 7, 24). Действительно, кто не хочет покинуть тело — не хочет выйти из тюрьмы. Ибо тело — тюрьма для души.

Об этом говорится в псалме: «Выведи из темницы душу мою» (Пс., 141, 7). Никакого нет спокойствия и тишины, никакого мира, никакой безопасности, но со всех сторон — страх и содрогание, со всех сторон — тяготы и скорби. Плоть, пока живет, будет скорбеть и душа оплакивать сама себя.

Глава 22. О краткости человеческих радостей

Кто провел когда-либо хотя бы один день с приятным удовольствием, кого к вечеру не мучили бы угрызения совести, не возбудил бы порыв гнева или волнение вожделений? Кого не стали бы терзать недоброжелательность зависти, или огонь жадности, или спесь высокомерия? Кого не удручила бы какая-то утрата, или обида, или страдание? Кого, наконец, не поразил бы чей-нибудь взгляд, или молва, или поступок?

Веселье, словно черный лебедь, — редкая птица на земле. Послушайте еще высказывание мудреца: «От утра до вечера изменяется время» (Еккл.). «Заняты многообразными размышлениями и ум их спешит к противоположному» (Иов).

«Восклицают под голос тимпана и цитры и веселятся при звуках свирели; проводят дни свои в счастье и мгновенно нисходят в преисподнюю» (Иов, 21, 12).

Глава 23. О внезапной скорби

Все мирские радости внезапно сменяет печаль. И что начинается в радости, заканчивается в печали. Самое большое счастье облито многими горечами. Знает это тот, кто сказал: «Смех будет перемешан со скорбью, и радости в конце концов сменяются печалью». Детям Иова было испытание: когда они ели и пили вино в доме первородного брата своего, из пустыни внезапно налетел жестокий вихрь и охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков и всех придавил (Иов, 1, 19). И сказал отец верное слово: «И цитра моя сделалась унылою, и свирель — голосом плачевным» (Иов, 30, 31). «Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира» (Еккл., 7, 2).

Размысли над полезным советом: «В дни веселья пусть помнит о днях темных, которых будет много» (Еккл., 11, 8). «Вспомни свои недавние грехи, и ты вовек не согрешишь» (Еккл.).

Глава 24. О близости смерти

Всегда последний час – самый ближний и никогда в ближний день последний не исчисляется. Так все время должно жить, словно в любой момент можно умереть. Написано же: «Помни, что смерть не медлит» (Еккл.). Время летит и смерть приближается. Тысяча лет перед глазами умирающего, словно день вчерашний. Всегда будущее родится, всегда настоящее – умирает: все, что преходяще – мертво. Мы постоянно умираем, пока живем, и только тогда перестаем умирать, когда перестаем жить. Следовательно, лучше умереть для жизни, чем жить для смерти: поскольку смертная жизнь есть ни что иное, как живая смерть. Отсюда Соломоновы слова: «И ублажил я мертвых, которые давно умерли, больше живых, которые живут доселе; а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал...» (Еккл., 4, 2–3).

Жизнь бежит быстро и не может задержаться, смерть спешит навстречу столь же быстро и нет силы, которая помешала бы ей. Это – то самое Диво, каковое насколько больше возрастет, настолько именно и уменьшается: ведь чем больше жизнь идет, тем больше к концу приближается.

Глава 25. О страхах сновидений

Время, что отведено для покоя, не проходит спокойно: ибо нас страшат сны и тревожат видения. И хотя нет видимых причин для печали, или тревог, или забот, которые охватывают во сне, однако [люди] по-настоящему печалятся, беспokoятся и истомляются настолько, что иногда рыдают во сне, а проснувшись – очень часто испытывают беспокойство. Но вот если увидят что-нибудь приятное, пробудившись, ничуть не меньше печалятся, хотя во сне и не было ничего печального.

Внемли, что говорит Элиас Теманит об этом: «Ночью, когда человека обычно одолевает крепкий сон, меня терзают видения, страх, и дрожь, все мои нервы предельно напряжены. И когда мой дух переносится в явь, волосы на моей голове стоят дыбом».

Послушай сказанное Иовом: «Когда думаю: утешит меня постель моя и унесет горечь мою ложе мое, ты страшишь меня снами и пугаешь меня видениями» (Иов, 7, 13–14).

Навуходоносор увидел сон, который сильно его устранил, видения мозга его растревожили его (Дан., 2, 1). За многими заботами следуют сны, и где много снов, еще больше суеты. Многих сны вводят в заблуждение, обманывают тех, кто в них верит. Часто во сне появляются безобразные образы, из-за которых не только плоть оскверняется, но и душа пятнается. Поэтому Господь говорит в Левите: «Если будет между вами человек, который осквернился в ночном сне, пусть уйдет из лагеря и не возвращается, прежде чем вечером омоется водой. И тогда после захода солнца пусть возвратится в лагерь» (Лев.).

Глава 26. О чувствах по отношению к друзьям

О сколько мы испытываем скорби, каким ужасом бываем охвачены, когда думаем о потере друзей и страшимся гибели родителей. Порою здоровый больше страдает из-за боязни, чем больной из-за болезни. Чувством скорби по собственной воле человек подавляется больше, чем страдает от утомления тот, кто сопротивляется. Истинно у Овидия:

Любовь — вещь, полная беспокойного страха.

Когда близкого друга или родственника постигнет болезнь или смерть, найдется ли такая каменная душа, найдется ли такое железное сердце, из которых не вырвались бы стенания и слезы и не было бы выражено сострадание терпящему и скорбящему.

Иисус сам, когда увидел Марию и иудеев, которые пришли с ней к надгробному камню и плакали, возопил духом, растревожил самого себя и пролил слезы: скорее не из-за того, что сам мертв, а из-за того, что вспомнил несчастья земной жизни.

Известно, что достойным порицания образом жесток и жестокого порицания достоин тот, кто оплакивает плотскую смерть своего друга, но не оплакивает духовную смерть своей души.

Глава 27. О внезапных бедах

Внезапно, когда человек вовсе не ожидает этого, приходит беда, обрушивается несчастье, поражает болезнь, лишает жизни смерть, от которой никто не спасется. Поэтому не похваляйся завтрашним днем, не зная, что он принесет. «Ибо не знает человек времени своего. Как рыбы попадают в па-

губную сеть, как птицы запутываются в силках, так и сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них» (Еккл., 9, 12).

Глава 28. О бесчисленности болезней

До сих пор не удалось выяснить, сколько болезней может выпасть на долю человека. Мы сказали бы: выносливая невыносимость болезней или лучше — невыносимая выносливость. А всего вернее — объединить и то, и другое. Ибо болезни невыносимы из-за мучительности страданий и выносимы из-за неизбежности терпения: человеческая природа портится больше и больше день ото дня.

Вследствие этого средства, которые когда-то приводили к исцелению, нынче губительны из-за ослабления природы. Мир — и тот и другой, и макрокосм и микрокосм (то есть большой и малый) — уже постарел. И чем дальше затягивается старость того и другого, тем больше ухудшается природа того и другого.

Глава 29. О различных мучениях

Что я скажу о несчастных, на которых обрушиваются различные страдания? Их бьют палками и закалывают мечами, сжигают на огне и побивают камнями, отсекают члены тела орудиями пытки, вздергивают на виселицах, отдают на растерзание тиграм, напускают на них скорпионов, заключают в темницы и душат петлями, бросают в тюрьмы и изводят голодом, низвергают и топят, сдирают кожу и четвертуют, оскопляют и сажают на кол. Кто обречен на смерть — иди на смерть, и кто под меч — иди под меч, и кто на голод — на голод, и кто в плен — в плен.

Ужасный приговор, безумное наказание, скорбное зрелище: отдаются на пожирание птицам небесным, зверям земным и рыбам морским. Ох-хо-хо, несчастные матери, которые столь несчастны, породив сыновей (Иер., 15, 2–3).

Глава 30. Об ужасном поступке, а именно: как некая женщина пожрала свое дитя

Нужно вспомнить то событие, которое описал Иосиф Флавий в сочинении об осаде Иудеи.

Некая женщина, богатая и благородного рода, пришла с другими в Иерусалим и вместе со всеми переносила

несчастья осады. Все, что она сумела прихватить из дома, отобрали правители. А то, что оставалось от больших богатств, служило ей для скудного пропитания. Но однажды вторглись грабители и похитили все дочиста. Из-за невыносимых страданий и негодования женщину вскоре после этого охватило некое безумие, так что порою ее брань и проклятия побуждали грабителей, которые нападали на ее дом вновь и вновь, к желанию ее убить. Они продолжали отнимать у женщины даже ту случайную пищу, которой ей удавалось разжиться, так что у нее ничего не оставалось.

Страшный голод проник не только до ее чрева, но до мозга костей. А голод вынуждает к иступлению, оно же подталкивает к самым худшим решениям и борется уже с самими законами природы.

У нее был маленький сын, и однажды, глядя на него, женщина сказала: «Ты принадлежишь несчастной матери. Для кого тебя, несчастного сына моего, я сохраню в голоде войны и среди разбоя? Ведь если и можно надеяться на жизнь, то ты будешь в ярме римского рабства. Поди же сюда, кровинка моя, утоли голод матери, назло грабителям. Ты станешь преданием века, среди несчастий которого не доставало только иудейских».

Сказав так, она задушила сына и изжарила на огне. Половину съела, а остальное припрятала.

Учуяв запах жареного мяса, тотчас ворвались грабители и стали грозить смертью, требуя немедленно отдать им приготовленное жаркое. Тогда женщина сказала: «Я сохранила для вас лучшую часть». И подала им куски тела ребенка. Тех внезапно обуял дикий ужас, все их члены содрогнулись, в глотках застрял крик, да и то из-за жестокосердия. А она в безумной злобе говорит: «Эта часть — тоже моя, ведь сын-то мой и преступление мое. Нате, ешьте, ведь я первая начала есть того, которого породила. Не будьте лучше матери и человечней женщины. Ну, а если в вас проснется что-то человеческое, вы проклянете эту пищу, а я ее уже ела и еще буду есть». Грабители, потрясенные до глубины души, попятились назад, оставив несчастной матери из всех богатств только эту пищу.

Глава 31. Чем и в какой степени будет наказан невинный и от чего освобожден виноватый

«Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (I Кор., 10, 12). Ведь часто невинные наказываются, а преступные освобождаются, благочестивые страдают, а грешные окружаются почестями; Иисус был распят на Кресте, а Варавва освобожден. Никто не может быть уверен, что он освободится от наказания, даже если он считает, что свободен от прегрешений.

Сегодня считается опасным справедливым и благоразумный муж, благочестивый кажется лицемером, простой — глупцом. «Посмешищем становится человек праведный» (Иов, 12, 4). Те, кто печется о богатстве, презирают лампаду.

Итальянский гуманизм эпохи Возрождения.
Ч. II / Пер. Н. И. Девятайкиной. М., 1988. С. 117–130.

ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ

Франциск Ассизский (настоящее имя и фамилия — Джованни Бернардоне) (1182–1226) был родом из купеческой семьи. В юности он вел разгульный образ жизни, но тяжелая болезнь привела его к душевному перелому. Отказавшись от богатства, он посвятил себя проповеди евангельской бедности, при этом, однако, сохранял лояльность по отношению к Католической Церкви. В 1207–1209 гг. он основал Братство миноритов, при содействии папства превратившееся в монашеский Орден францисканцев. В качестве странствующего проповедника Франциск Ассизский побывал в Испании, Южной Франции, Египте, Палестине, и везде, после его проповедей складывались организации последователей Франциска Ассизского. По возвращении с Востока (где он пытался распространять христианство среди мусульман) в 1220 г., противясь перерождению францисканцев в обычный монашеский орден, Франциск отошел от его руководства. В 1228 г. Франциск Ассизский был канонизирован. Рассказы, легенды о нем собраны в анонимном сборнике «Цветочки Св. Франциска Ассизского».

Цветочки св. Франциска Ассизского

Глава I. Как господин наш святой Франциск в начале существования Ордена своего избрал двенадцать товарищей, так же, как Христос – двенадцать апостолов; из этих двенадцати апостолов один удавился – то был Иуда, так же и один из двенадцати товарищей святого Франциска повесился – брат Иоанн с шапкой, сам надевший веревку себе на шею

В самом начале надо обратить внимание на то, что преславный святой Франциск во всех деяниях своей жизни был подобен Христу, ибо как Христос в начале Своей проповеди избрал двенадцать апостолов, чтобы они презрели все мирское и последовали за ним в бедности и других добродетелях, так и святой Франциск при основании своего ордена избрал двенадцать товарищей, наставников возвышенной бедности. И подобно тому, как один из двенадцати Христовых апостолов, проклятый Богом, кончил тем, что повесился, так же и один из двенадцати товарищей Франциска, по имени брат Джованни делла Капелла, отрекся от него и в конце концов повесился. И это великий пример для избранных и основание для смирения и страха, ибо никто не может быть уверен, что он пребудет до конца в милости у Бога. И подобно тому, как святые апостолы, исполненные Духа Святого, поражали весь мир своею святостью, так и святые товарищи святого Франциска были такой святости, что со времен апостольских мир не имел таких святых и удивительных людей. Один из них был вознесен до третьего неба, подобно святому Павлу, – это был брат Эгидий. К устам другого, брата Филиппа Длинного, ангел прикоснулся пылающим углем, как к устам пророка Исайи. Третий, брат Сильвестр, подобно Моисею, говорил с Богом, как друг беседует с другом. Четвертый проникновенным духом возносился к свету Божественной мудрости, как орел, то есть евангелист Иоанн, – это был смиреннейший брат Бернард, который толковал Священное Писание вплоть до его сокровеннейших тайн. Один из них был избран Богом и причислен к лику святых на небе, пока еще жил на земле, –

это был брат Руффин, знатный человек из Ассизи. И каждый из них был отмечен особою печатью святости, что будет видно из дальнейшего повествования.

Честь и слава Христу.
Аминь.

Глава V. Как брат Бернард основал обитель в Болонье

Святой Франциск и товарищи его были призваны и избраны Богом, чтобы словом, делом и помышлением проповедовать Крест Христов; и поэтому они были будто распятыми и в одежде, и в суровой жизни, и во всех деяниях и поступках своих; поношение и позор ради Христа были им дороже мирских почестей, славы или пустых восхвалений. Они даже радовались поношениям и печалились о почестях; так проходили они в мире, как странники и чужеземцы, не беря с собой в дорогу ничего, кроме распятого Христа. И так как они были истинными ветвями истинной лозы, т[о] е[сть] Христа, то и получали великую и добрую жатву душ, обратившихся к Богу.

Случилось однажды, в самом начале существования ордена, что святой Франциск послал брата Бернарда в Болонью, чтобы с помощью благодати, которую он имел от Бога, собрать там достойные плоды. И вот брат Бернард, осенив себя Крестным Знамением в знак святого послушания, отправился в путь и пришел в Болонью. Дети, увидев его необычную и жалкую одежду, стали издеваться над ним и оскорблять его, будто безумного. Брат Бернард это терпеливо и радостно переносил ради Христа. Он нарочно садился на городской площади, чтобы быть на виду у всех; дети и взрослые собирались вокруг него, и один дергал его за плащ сзади, другой — спереди, тот осыпал его пылью, а этот бросал в него камнями, кто толкал его в одну сторону, а кто — в другую. Брат Бернард терпеливо и радостно, без перемен и жалоб много дней подряд возвращался на то же место, чтобы испытать то же самое.

Терпение есть дело совершенства и залог добродетели; поэтому один ученый законовед, видя, что постоянство и добродетель брата Бернарда никак не изменились от оскорблений

и преследований в течение стольких дней, сказал себе: — Не может быть, чтобы он не был святым человеком.

И, подойдя к нему, спросил: — Кто ты? И для чего пришел сюда?

В ответ на это брат Бернард вынул устав святого Франциска и дал ему прочесть. Прочтя устав, ученый муж понял его совершенство и, повернувшись к друзьям, с изумлением и благоговением сказал: — Поистине я не встречал еще такого великого благочестия. Этот человек и его товарищи — самые святые люди на земле, истинные друзья Бога, достойные всякого почитания, и оскорблять их — великий грех.

И сказал он брату Бернарду: — Для спасения своей души я охотно уступаю тебе место, где ты можешь устроить обитель, чтобы в ней достойно служить Богу.

А брат Бернард ответил: — Господин, я думаю, что сам Господь внушил вам эту мысль, и охотно принимаю ваше предложение во славу Христа.

Тогда ученый муж, а он был судьей, с великою радостью и любовью повел брата Бернарда в свой дом, а после этого дал ему обещанное место и все приготовил и устроил, не жалея денег. С этого дня он стал отцом и заступником брата Бернарда и его товарищей.

И весь народ стал так почитать брата Бернарда за его святую жизнь, что счастливым считал себя тот, кто мог его увидеть или дотронуться до него. Но он, как истинный и смиренный ученик Христа и святого Франциска, стал опасаться, как бы мирские почести не помешали миру и спасению души его; поэтому он ушел из Болоньи и вернулся к святому Франциску, а, возвратившись, сказал ему: — Отец, в городе Болонье создана обитель; пошли туда братьев, чтобы они там остались и берегли ее; я же не могу быть ей полезен. Боюсь даже, что больше потерял, чем приобрел из-за излишних почестей, оказанных мне.

Тогда святой Франциск выслушал по порядку все, что Бог сотворил через брата Бернарда, и возблагодарил Господа, умножившего число бедных последователей Креста. И он послал товарищей в Болонью и в Ломбардию, и они основали много обителей.

Честь и слава милостивому Христу.
Аминь.

Глава VII. Как святой Франциск постился сорок дней у озера Перуджи и съел только полхлеба

Достохвальный раб Божий святой Франциск, порою представлялся как второй Христос, посланный в мир для спасения людей. Поэтому Бог Отец во многом уподобил его Сыну Своему Иисусу Христу. О том свидетельствует и число двенадцати товарищей его, и чудесная тайна крестных знаков на его теле, и непрерывный пост в течение святой Четырнадцатницы, который он проводил следующим образом.

Однажды святой Франциск проводил последний день Масленицы в доме одного преданного ему человека на берегу озера Перуджи, и Бог внушил ему провести великий пост на одном из островов этого озера. Тогда святой Франциск попросил своего хозяина, ради любви ко Христу, перевезти его в ночь на День Пепла, чтобы никто не заметил их, на необитаемый остров. И человек этот из великого благоговения, которое он питал к святому Франциску, поспешил выполнить его просьбу и перевез его на остров.

Святой Франциск ничего не взял с собой, кроме двух маленьких хлебов. Когда они прибыли на остров, святой убедительно просил друга никому не открывать его местопребывания и самому явиться за ним только в Страстной четверг. Тот вернулся домой, а святой Франциск остался один. Так как на острове не было никакого жилища, он вошел в густой лес, в котором из терний и кустарника получилась как будто избушка или логовище; там он стал на молитву и погрузился в созерцание Божественного. Пробыл там он в течение всего поста, ничего не вкусив, кроме половины одного хлеба: когда его почитатель вернулся за ним в Страстной четверг, он нашел один нетронутый хлеб и половину другого. Вторую половину святой Франциск съел, как полагают, для того, чтобы не равняться с Христом благословенным, который постился сорок дней и сорок ночей, ничего не вкушая. Так он избежал отравы самовосхваления и по примеру Христа постился сорок дней и сорок ночей.

Впоследствии на том месте, где святой Франциск проявил это удивительное воздержание, Господь сотворил много чудес,

и люди стали селиться там и строить дома. В скором времени там воздвигли большой и прекрасный замок, а братья устроили обитель, которая называется обителью Острова; и до сих пор мужчины и женщины этого замка питают великое благоговение к месту, на котором святой Франциск постился всю Четыредесятницу во славу Христа.

Аминь.

Глава XIII. Как святой Франциск, по дороге во Францию, поднял своим дуновением брата Массео на воздух и опустил его перед собою

Подобно тому, как Христос, согласно Святому Евангелию, послал Своих учеников по двое по всем городам и местечкам, куда лежал Его путь, так и чудесный раб и последователь Христа, святой Франциск, чтобы полностью уподобиться Христу, призвал двенадцать товарищей и рассеял их по двое по всей земле для проповеди.

Чтобы дать им пример истинного послушания, он сам пошел первым, по примеру Христа, сперва творившего, а потом поучавшего. Поэтому, определив товарищам другие страны, сам он отправился во французскую землю, взяв с собою брата Массео. Дойдя до одного города, они очень проголодались и пошли, согласно уставу, просить хлеба ради Христа. Святой Франциск пошел в одну сторону, а брат Массео в другую. Но святой Франциск, маленького роста и внешне невзрачный, собрал только несколько ломтиков сухого хлеба, потому что его приняли за жалкого нищего; а брат Массео, который был красив собой и высок ростом, получил много больших и хороших кусков свежего хлеба.

Собрав подаяние, они встретились за городом, на берегу чистого ручья; рядом был прекрасный широкий камень, на который они положили собранную милостыню. Святой Франциск, увидев, что куски хлеба брата Массео были и больше, и лучше, чем его, обрадовался и сказал: — О, брат Массео, мы не достойны такого сокровища.

И когда он несколько раз повторил эти слова, брат Массео возразил: — Дорогой отец, как же можно назвать сокровищем такую бедность, когда мы терпим нужду в самых необходимых

вещах? Здесь нет ни скатерти, ни ножа, ни блюда, ни тарелки, ни дома, ни стола, ни слуги, ни служанки.

Ответил ему святой Франциск: — Это я и почитаю за великое сокровище, что у нас нет ничего, сделанного людьми, но то, что мы имеем — от Промысла Божьего: и собранный хлеб, и прекрасный каменный стол, и этот прозрачный ручей. Поэтому мы должны молить Бога, чтобы Он дал нам всем сердцем любить благородное сокровище святой бедности, служителем которой является сам Бог.

После этих слов они напитались телесно и, помолившись, отправились во Францию. Проходя мимо одной церкви, святой Франциск сказал товарищу: — Зайдем помолиться в эту церковь.

И пошел святой Франциск за престол и стал на молитву. И во время этой молитвы Господь воспламенил его душу такой любовью к святой бедности, что лицо его зарделось, и, казалось, от него начали исходить огненные лучи любви. Весь охваченный этим огнем он подошел к товарищу и трижды сказал ему: — О, брат Массео, отдай мне себя.

И на третий раз святой Франциск своим дуновением поднял брата Массео на воздух и бросил его перед собою на расстояние целого посоха. Брат Массео необычайно удивился. Позже он рассказывал товарищам, что, когда святой Франциск поднял его своим дуновением, он почувствовал в душе своей такую сладость и такое утешение от Духа Святого, как никогда в жизни.

После этого сказал святой Франциск: — Дорогой товарищ, пойдем к святым Петру и Павлу и помолимся им, чтобы они нас вразумили и помогли нам хранить безмерное сокровище святой бедности. Ведь это такое великое и божественное сокровище, что мы — недостойные и презренные сосуды для него. Эта небесная добродетель заставляет нас попирать ногами все земное и преходящее и снимает с души все путы, мешающие ей свободно слиться с вечным Богом. Эта добродетель позволяет душе еще на земле беседовать с ангелами на небесах; она последовала за Христом на Крест; она была погребена со Христом, со Христом воскресла и вознеслась с Ним на небо; она позволяет влюбленной в нее душе взлетать на небо, ибо она охраняет

истинное смирение и любовь. И поэтому помолимся святым Христовым апостолам, истинным обладателям этой евангельской жемчужины, чтобы их посредством Господь наш Иисус Христос в Своем милосердии удостоил нас быть последователями и смиренными учениками драгоценной, возлюбленной ангельской бедности.

Беседуя так, они достигли Рима и вошли в церковь святого Петра. Святой Франциск стал молиться в одном углу церкви, а брат Массео — в другом. После долгой, благоговейной и слезной молитвы святому Франциску предстали во всей пышности святые апостолы Петр и Павел и сказали: — Ты желаешь хранить то, что соблюли Христос и святые апостолы, поэтому Господь Иисус Христос посылает нас, чтобы объявить тебе, что молитва твоя услышана и что тебе и твоим последователям вручается сокровище святой бедности. И еще от Его имени говорим тебе, что, кто по твоему примеру последует этому желанию, тот унаследует блаженство жизни вечной, и ты, и все твои последователи будут благословлены Богом.

После этих слов они исчезли, наполнив душу святого Франциска утешением.

Он встал с молитвы, подошел к товарищу и спросил его, не имел ли он откровения от Бога, и тот ответил, что нет. Тогда святой Франциск рассказал, как ему явились святые апостолы, и что они ему открыли. И, исполненные радостью, они решили вернуться в долину Сполето, отказавшись от странствия во Францию.

Во славу Христа.

Аминь.

Глава XVI. Как святой Франциск посылал спрашивать совета у святой Клары и святого Сильвестра, что ему делать: проповедовать ли или только пребывать в молитве

Смиренный раб Божий святой Франциск вскоре после своего обращения, когда он уже принял в братство многих товарищей, впал в глубокое сомнение, не зная, что ему делать: пребывать ли только в молитве или и проповедовать тоже. Он очень хотел узнать волю Божию, но из святого смирения

своего, не полагаясь на себя и на свои молитвы, он решил узнать волю Божию через молитвы других. Он призвал брата Массео и сказал ему так: — Пойди к сестре Кларе и скажи ей от меня, чтобы она с самыми благочестивыми сестрами усердно молила Бога, чтобы Ему угодно было явить мне Свою волю: должен ли я проповедовать или только молиться. После отправляйся к брату Сильвестру и скажи ему то же самое.

Это был тот самый брат Сильвестр, который увидел, как из уст святого Франциска исходил Крест, касавшийся небес и обнимавший весь мир. Брат Сильвестр был такой святости, что получал от Бога все, о чем просил, и часто говорил с Ним; поэтому святой Франциск относился к нему с большим благоговением.

Брат Массео пошел и, по повелению святого Франциска, передал его слова сначала святой Кларе, а потом брату Сильвестру. Последний немедленно начал молиться и, получив в молитве ответ от Бога, вернулся к брату Массео и сказал ему: — Так сказал Господь: «Скажи брату Франциску, что Я призвал его не только для него самого, но для того, чтобы он собрал жатву душ и чтобы многие спаслись с его помощью».

Получив этот ответ, брат Массео пришел к святой Кларе, и она ответила, что и она, и ее сестры получили от Бога тот же ответ, что и брат Сильвестр. Тогда брат Массео вернулся к святому Франциску, который принял его с великой любовью, омыл ему ноги и приготовил ему пищу. После трапезы святой Франциск позвал брата Массео в лес, преклонил колена перед ним, обнажил голову, скрестил руки и спросил его: — Что повелевает Господь мой Иисус Христос?

Брат Массео ответил: — И брату Сильвестру, и сестре Кларе с другими сестрами Христос ответил и открыл, что Ему угодно, чтобы ты шел в мир с проповедью, потому что ты призван не для себя одного, но и для спасенья других.

Святой Франциск, услышав волю Христову, встал и, сказав: «Идем во имя Господа», отправился в путь, взяв в товарищи брата Массео и брата Аньоло, святых мужей. Они шли, в духовном порыве не разбирая дороги или тропы, и дошли до замка Кармано. Там святой Франциск начал проповедовать, повелев щебетавшим ласточкам молчать, пока он не закончит. Ласточки повиновались ему, и он проповедовал

с таким огнем, что все мужчины и женщины замка хотели последовать за ним и покинуть замок, но святой Франциск запретил им это, сказав: — Не торопитесь и не уходите. Я скажу, что вы должны делать для спасения души.

И с этого дня он стал помышлять об основании третьего ордена для всеобщего спасения. Оставив их утешенными и расположенными к покаянию, он отправился оттуда в Беванио.

Подняв очи, он увидел деревья на дороге и на них множество птиц, и святой Франциск удивился и сказал своим спутникам: — Подождите меня здесь на дороге, а я пойду проповедовать сестрам моим птицам.

Он пошел в поле и начал проповедовать птицам, сидевшим на земле, и внезапно те, которые были на деревьях, прилетели к нему, и все они не шевельнулись, пока святой Франциск не закончил своей проповеди, и не разлетелись, пока он не благословил их.

Брат Массео рассказал впоследствии брату Иакову из Массы, что святой Франциск ходил среди них и касался их своей одеждой, и ни одна не тронулась с места. Проповедь же его вкратце была такова:

«Сестрички мои птички, вы многим обязаны Богу, вашему Творцу, и всегда и везде должны хвалить Его, ибо Он дал вам двойную и тройную одежду, и Он позволил вам свободно летать, куда вы хотите, и семя ваше сохранил в Ноевом ковчеге, чтобы порода ваша не пропала в мире. И еще вы обязаны Ему за воздух, который Он дал вам в удел. Ведь вы не сеете и не собираете в житницы, а Бог кормит вас и дарит вам реки и ручьи для питья, горы и долины для убежища и высокие деревья для гнезд. Хотя вы не умеете ни прясть, ни шить, Бог одевает вас и детей ваших. Создатель очень любит вас, поэтому так щедро благодворит вам. Потому берегитесь, сестры мои, греха неблагодарности, но всегда старайтесь славословить Бога».

При этих словах святого Франциска все птицы начали открывать клювы, вытягивать шею, раскрывать крылья и почтительно склонять голову до земли, показывая движениями и пением, что слова святого отца доставляли им большую радость. Святой Франциск радовался вместе с ними, удив-

ляясь такому множеству птиц, их красоте и разнообразию, вниманью и кротости. За все это он благоговейно хвалил Творца. Наконец святой Франциск осенил их Крестным Знаменем и разрешил удалиться. Тогда все птицы поднялись в воздух с чудесным пением и по Знаменю Креста, совершенному святым Франциском, они разделились на четыре части, и одна часть полетела на восход, другая — на закат, третья в полуденную сторону, четвертая в полуночную; и каждая стая летела с чудесными песнями.

Во славу Христа.
Аминь.

**Глава XVIII. Как святой Франциск создал
общий капитул в Ассизи, на котором
присутствовало более пяти тысяч братьев,
и проповедовал перед ними**

Святой Франциск однажды создал общий капитул у Божией Матери Ангельской, на который собралось не менее пяти тысяч братьев. Святой Доминик, глава и основатель ордена братьев-проповедников, находясь на пути из Бургундии в Рим, услышал о капитуле, собранном святым Франциском в Порциункуле, и с семью братьями своего ордена пришел посмотреть на него. Присутствовал на капитуле также один кардинал, относившийся с большим благоговением к святому Франциску. Святой предсказал ему, что он станет Папой, что и случилось впоследствии. Этот кардинал специально прибыл в Ассизи из Перуджи, где находился папский двор. Каждый день он посещал святого Франциска и его братьев и служил иногда обедню или проповедовал. И он находил великое утешение, посещая это святое собрание. Братья собирались по пятьдесят, по сто, по двести, а то и по триста человек вокруг церкви и проводили время в разговорах о Боге, молитвах, слезах и делах милосердия. И соблюдали при этом такую тишину и такую сдержанность, что не слышно было никакого шума.

Кардинал удивился такому порядку при подобном множестве собравшихся и со слезами на глазах сказал: — Поистине это стан и дружина Божьего воинства.

Не слышно было в такой толпе ни пустых слов, ни шуток. Братья либо молились, либо отправляли службу, либо оплакивали свои грехи и грехи благодетелей своих, либо говорили о спасении души. Хижины их были покрыты ивовыми прутьями или тростником, поэтому и капитул был прозван Ивовым. Постелью им служила голая земля, редкий брат имел немного соломы, вместо подушки они подкладывали камень или кусок дерева.

Слава об их святости так разнеслась, а благоговение к ним так возросло, что из папского двора в Перудже и из окрестных земель приходили многие графы, и бароны, и рыцари, и прочие дворяне, и простой народ, и кардиналы, и епископы, и аббаты со всем клиром, чтобы видеть такое великое, святое и смиренное собрание, какого дотоле не было в мире.

И в особенности они приходили, чтобы увидеть главу и святого отца всех этих святых мужей, захватившего такую великую добычу у мира и собравшего такое прекрасное и благочестивое стадо, чтобы следовать по стопам истинного Пастыря Иисуса Христа.

Когда собрался весь капитул, святой отец и глава ордена святой Франциск предложил им слово Божие и начал проповедовать то, что внушал ему Дух Святой. В основу своей проповеди он положил следующие слова: — Дети мои, многое мы обещали Господу, но несравненно больше обещал нам Бог, если мы исполним обещанное нами, и мы с уверенностью можем ожидать исполнения обещаний Божиих. Наслаждение мира кратко, но последующая мука вечна, ничтожна скорбь этой жизни, но бесконечна слава жизни будущей.

И, с благоговением говоря такие слова, он ободрял и призывал всех братьев к послушанию, к почитанию Святой Матери Церкви, к братской любви и умолял их быть терпеливыми в скорби и умеренными в радостях жизни, сохранять ангельскую чистоту и целомудрие, быть в мире и согласии с Богом и с людьми и со своею совестью, любить и соблюдать святую бедность. И он прибавил: — Повелеваю святым послушанием всем собравшимся здесь, чтобы никто из вас не думал и не заботился о еде, питье или чем-либо потребном телу; лишь молитесь и хвалите Бога, предоставив всю заботу Ему, кто вас особо хранит.

И все приняли это повеление с радостным сердцем и веселым лицом, и после окончания проповеди святого Франциска все стали на молитву.

Святой Доминик, присутствовавший при этом, удивился повелению святого Франциска и счел его неразумным. Он не мог себе представить, как будет жить такое множество людей, не заботясь о хлебе насущном. Но Верховный Пастырь, благословенный Христос, желая показать, как Он заботится о своих овцах и как особо благоволит к своим беднякам, внушил жителям Перуджи, Сполето, Фолиньо, Ассизи и всех окрестных земель, чтобы они снабдили пищей и питьем это святое собрание. И внезапно со всех сторон пришли люди с лошадьми, ослами, телегами, груженными хлебом, и вином, и горохом, и сыром, и прочею снедью, необходимой нищим во Христе. Вместе с этим они привезли скатерти, и кувшины, и стаканы, и другую утварь — столько, сколько нужно было для такого множества народа. И счастливым себя считал тот, кто мог больше принести или лучше услужить. Даже рыцари, бароны и другие знатные люди, находившиеся там, смиренно служили братьям.

Святой Доминик, увидев это, понял, что Божественный Промысел заботится о братьях, и смиренно признал, что он несправедливо порицал святого Франциска за его повеление. Преклонив перед ним колена, он смиренно покаялся и прибавил: — Поистине Господь особо хранит этих святых бедняков. Я не знал этого, но с этого дня я даю обет соблюдать евангельскую бедность и проклинаяю от имени Бога всех братьев моего ордена, которые пожелают иметь какую-либо собственность.

Так святой Доминик был вразумлен верой блаженнейшего Франциска, послушанием и бедностью такого великого и согласного собрания Божественным Промыслом и обилием всех благ земных.

На том же капитуле святой Франциск узнал, что многие братья носили на голом теле кольчуги и железные обручи, которые причиняли многим болезни и даже смерть и всем мешали при молитве. Тогда святой, как заботливый отец, повелел святым послушанием, чтобы всякий, носивший кольчугу или обруч, снял их и положил перед ним. Так и было

сделано. И собрали около пятисот кольчуг и много больше обручей, так что они образовали целый холм, и святой Франциск повелел оставить их там.

По окончании капитула святой Франциск, укрепив братьев в добре и наставив их, как избежать греха в этом порочном мире, отпустил их с Божиим и со своим благословением, исполненных радости духовной.

Во славу Христа.

Аминь.

Глава XXIV. Как святой Франциск ехал за море проповедовать христианскую веру перед султаном и сарацинами

Святой Франциск, побуждаемый верой Христовой и жаждой мученичества, однажды отправился за море с двенадцатью самыми святыми товарищами, чтобы предстать перед вавилонским султаном. Когда они добрались до сарацинских краев, которые охранялись такими свирепыми людьми, что ни один проникавший туда христианин не избегал смерти, Богу угодно было, чтобы их не убили, а только схватили, избили, связали и привели к султану.

В его присутствии святой Франциск, по внушению Духа Святого, стал так убежденно проповедовать веру христианскую, что готов был за нее пойти в огонь. Благодаря твердости его веры и презрению к прелестям мира, ибо, несмотря на полнейшую нищету, святой отказался от всяких подарков, султан отнесся к нему с почтением. А больше всего султан был поражен его жаждой мученичества. С этого дня султан охотно слушал святого Франциска и часто призывал его к себе. Он позволил ему и его товарищам свободно проповедовать, где они захотят, и дал он им значок, чтобы никто не мог обидеть их.

Получив такое разрешение, святой Франциск отправил своих избранных товарищей по двое в разные сарацинские страны на проповедь веры Христовой. Себе он тоже выбрал дорогу, взяв одного спутника с собой, и по пути зашел в гостиницу, чтобы отдохнуть. Была там одна женщина, прекрасная по виду, но порочная душой, и принялась соблазнять его.

Тогда святой Франциск сказал: — Я согласен, пойдем и возляжем. Она повела его к себе в горницу. Святой Франциск подвел ее к большой печи, которая топилась в ее горнице, разделся донага и лег у огня на раскаленные плиты и предложил и ей скинуть одежды и лечь с ним на этом прекрасном пуховом ложе. Он долго пролежал так с радостью и весельем на лице, даже не обжигаясь. Женщина, устрешенная чудом, не только раскаялась в своем грехе и в дурных помыслах, но и обратилась в веру Христову и достигла такой святости, что благодаря ей многие души были спасены в этих странах.

По прошествии некоторого времени святой Франциск, вдохновленный свыше, увидел, что его дальнейшее пребывание среди неверных приносит слишком малые плоды, и решил вернуться со всеми товарищами в христианские земли. Собрав братьев, он пришел к султану попрощаться. Тогда султан сказал ему: — Франциск, я охотно принял бы веру Христову, но я боюсь сделать это сейчас. Если об этом кто-нибудь узнает, то и я, и ты со всеми твоими товарищами будем убиты. А так как ты должен сделать еще много добра и мне предстоят дела большой важности, я хочу избежать подобной участи. Но научи меня, как мне спастись, и я готов выполнить все, что ты повелишь.

Тогда святой Франциск ответил: — Господин, я покину вас, но, когда я вернусь в свою страну и, если угодно будет Богу, попаду на небеса после смерти, я пошлю к тебе двух моих братьев, от которых ты и примешь Святое Крещение и будешь спасен, как это было открыто мне Господом моим Иисусом Христом. А ты тем временем постарайся освободиться от всего, что тебя связывает в жизни, чтобы с верою и благочестием принять Божью благодать, когда она явится.

После этого святой Франциск вернулся на родину со своими святыми товарищами и через несколько лет скончался. В это время султан заболел и стал ждать исполнения обещания святого Франциска. Он поставил стражу у границ, приказав немедленно привести к нему двоих братьев во францисканской одежде, как только они появятся.

Тогда святой Франциск явился двум братьям и повелел им без промедления идти к султану и спасти его душу, как ему было обещано. Эти братья отправились в путь, переплыли

море и были приведены стражей к султану. Увидев их, султан обрадовался и сказал: — Я воистину вижу теперь, что Бог послал рабов своих для моего спасения, как это было обещано мне святым Франциском по откровению свыше.

И, будучи наставлен братьями в вере, он умер во Христе, и душа его спаслась благодаря молитвам святого Франциска.

Во славу Христа.

Аминь.

Глава XXV. Как святой Франциск исцелил душу и тело прокаженного

Святой Франциск, истинный ученик Христа, старался во всем следовать Ему, Учителю совершенства. Поэтому часто случалось, что, когда он исцелял тело, Бог в тот же час исцелял душу, как написано о Христе. И он не только сам охотно служил прокаженным, но повелел и братьям своим делать то же из любви ко Христу, который ради нас принял на Себя проказу греха. Случилось однажды, что братья служили прокаженным и немощным неподалеку от той обители, где жил святой Франциск. И был там один прокаженный, настолько нетерпеливый, грубый и невыносимый, что все считали его одержимым бесом. Так оно и было в действительности. Он не только злобно бранил, но и жестоко бил всякого, кто приходил к нему с помощью. И, что хуже всего, он проклинал Христа и Его Святую Матерь, поэтому никто не хотел служить ему.

Хотя братья старались терпеливо переносить свои собственные обиды, упражняясь в терпении, но совесть их не могла переносить хулу на Христа и Его Матерь. Поэтому они решили оставить его, но прежде рассказать все по порядку святому Франциску. Узнав об этом, святой пошел к этому безбожному прокаженному и, подойдя к нему, приветствовал его такими словами: — Мир Господень с тобой, дорогой брат мой.

Прокаженный сердито ответил: — Какой для меня мир, если Бог отнял у меня и покой, и всякое благо, и я весь прогнил и стал зловонным.

Святой Франциск ответил: — Сын мой, имей терпение, ведь телесные недуги посылаются нам Господом для спасения души. И это большая заслуга наша, если мы терпеливо переносим их.

Тогда больной спросил: — Как могу я спокойно переносить такую муку и днем и ночью? Ведь ее мне причиняет не только недуг, но еще более те братья, которых ты мне дал в услужение. Они не служат мне, как должно.

Тогда святой Франциск понял, что этот прокаженный одержим бесом, и принялся горячо молить Бога за него. Помолвившись, он вернулся к больному и сказал: — Сын мой, я сам буду служить тебе, если ты недоволен другими. — Я согласен, — ответил больной, — но что ты можешь сделать, чего не делали другие?

Святой Франциск пообещал: — Я сделаю все, что ты пожелаешь.

Тогда больной сказал: — Я желаю, чтобы ты меня всего обмыл, потому что издаю такое зловоние, что сам не могу терпеть.

Святой Франциск немедленно велел согреть воду, положив туда много благовонных трав; потом он снял с больного покрывало и начал его обмывать своими руками, а другой брат подавал воду. И там, где святой Франциск прикасался своими святыми руками, проказа исчезала, а тело становилось совершенно здоровым. И с исцелением тела началось исцеление души. Прокаженный, чувствуя себя здоровым, вдруг почувствовал великое раскаяние в своих грехах и горько заплакал. Так что, пока тело снаружи очищалось от проказы водой, внутри душа очищалась от греха покаянием и слезами.

Полностью исцелившись душой и телом, он смиренно обвинял себя и восклицал в слезах: — Горе мне, я заслужил ада своим богохульством, нетерпением, оскорблениями и обидами, которые я наносил братьям.

И в течение пятнадцати дней он горько оплакивал свои грехи, молил прощенья у Бога и во всем покаялся священнику.

Святой Франциск, видя такое чудо, которое Бог сотворил через него, возблагодарил Господа и ушел оттуда в другие края. Потому что из смирения он избегал всякой мирской славы и во всех делах искал только честь и славу Божию, а не собственную.

После пятнадцати дней покаяния этот прокаженный, исцеленный душой и телом, заболел, по Божьей воле, другой

болезнью. Сподобившись Святых Тайн, он благочестиво умер, и душа его пошла в рай. После этого он явился святому Франциску, который стоял на молитве, и спросил его: — Ты узнаешь меня? — Кто ты? — удивился святой Франциск.

А тот ответил: — Я прокаженный, которого благословенный Христос исцелил по твоим заслугам, и теперь иду в жизнь вечную, и за это я приношу благодарность Богу и тебе. Благословенна душа твоя и плоть твоя, и благословенны слова твои и дела твои, ибо через тебя спасутся многие души в этом мире. Знай, что нет ангела или святого, который не славил бы Бога за святые плоды, которые ты и братство твое приносите по всей земле. Поэтому укрепись духом и поблагодари Господа и будь благословен.

С этими словами он улетел на небо, а святой Франциск утешился.

Во славу Христа.
Аминь.

Глава XXXII. Как брат Массео вымолил у благословенного Христа совершенную добродетель смирения

Первые товарищи святого Франциска устремляли все усилия на то, чтобы быть бедными на земные блага и богатыми на добродетели, благодаря которым достигаются истинные и вечные небесные сокровища.

Случилось однажды им собраться вместе для беседы о Боге, и один из них привел такой пример: — Был человек великим другом Господа и имел милость жизни деятельной и созерцательной, но вместе с тем было в нем такое глубокое смирение, что он считал себя величайшим грешником. Это смирение святило его и укрепляло в милости, умножало его добродетели и дары Божии и никогда не позволяло впадать в грех.

Брат Массео, услышав столь удивительные вещи о смирении и зная, что это сокровище жизни вечной, так воспламенился любовью к добродетели смирения, что, подняв лицо к небу, дал обет не знать в этом мире веселья до тех пор, пока не почувствует, что эта добродетель всецело вошла в его душу. С той поры почти беспрестанно он пребывал взаперти в келье,

изнуряя себя постами, бдением, молитвами и обильными слезами перед лицом Божиим, пытаюсь вымолить у Него эту добродетель, без которой он считал себя достойным ада.

И вот брат Массео много дней пребывал в таком состоянии, и случилось ему однажды войти в лес. Шел он по лесу, роняя слезы, вздохи и слова, и в пламенной жажде своей просил у Бога эту божественную добродетель. А так как Бог охотно внимает молитвам смиренных и сокрушенных сердцем, то до брата Массео в этом состоянии дошел голос с неба, окликнувший его дважды: — Брат Массео, брат Массео!

А он, узнав духом, что это был голос Христа, ответил так: — Господь мой, Господь мой!

А Христос промолвил: — Что готов ты дать, чтобы получить испрашиваемую тобою милость?

Брат Массео ответил: — Господи, я готов дать очи главы моей.

На что Христос сказал:

— А Я хочу, чтобы у тебя были и милость, и очи.

После этого голос умолк, а брат Массео исполнился милости желанной добродетели смирения и света Божьего настолько, что с тех пор всегда пребывал в радости. Часто, когда молился, он издавал однообразный звук ликования, наподобие глухого воркования голубя, — «У! У! У!» — и стоял так в созерцании с весельем в лице и радостью в сердце. Вместе с тем, став смиренным, он считал себя самым ничтожным из всех людей мира.

Когда брат Якопо из Фалероне спросил его, почему не проходит его радость, он весело ответил, что, когда он что-нибудь одно считает хорошим, нет нужды это менять.

Во славу Христа.
Аминь.

**Глава XL. Как меньший брат святой
Антоний Падуанский проповедовал
в Римини перед рыбами морскими,
и рыбы чудесным образом внимали ему**

Благословенному Христу угодно было показать великую святость вернейшего раба своего, святого Антония, и то, с каким благоговением даже неразумные твари слушали его проповедь и его святое учение. Один раз он пристыдил

безрассудство неверных еретиков на примере рыб, подобно тому, как в Ветхом Завете устами ослицы укорил Бог Валаамово невежество.

Святой Антоний находился в Римини, где было великое множество еретиков. Стремясь привести их к свету правой веры и вывести на путь истинный, он много дней проповедовал и спорил с ними о вере Христовой и Священном Писании. Но так как они не только не соглашались с его святыми речами, но в ожесточении и упорстве своем не желали даже слушать святого Антония, то однажды он, по вдохновению Божию, пошел к устью реки к самому морю и, стоя на берегу, между морем и рекой, от имени Господа, словно проповедуя, произнес: — Слушайте Слово Божие, вы, рыбы морские и речные, раз еретики избегают слушать его.

И едва он так сказал, внезапно к берегу подплыло такое множество рыб, больших, малых и средних, какого никогда никто не видал во всем том море и реке. Все эти рыбы держали головы над водой, внимательно глядя на лицо святого Антония в тишине, послушании и порядке. Прямо перед ним, ближе всех к берегу, стояли маленькие рыбки, за ними стояли рыбы среднего роста, а позади всех, где вода была глубже, стояли самые большие рыбы. И вот, когда рыбы разместились в таком порядке, святой Антоний торжественно начал проповедь и сказал: — Братья мои рыбы, вы обязаны, по мере возможности, воздавать благодарность нашему Творцу, который дал вам для жилья столь благородную стихию. Вы, по своему вкусу, можете жить в пресной или в соленой воде, можете прятаться от бури во множестве укромных мест. Господь дал вам светлую и прозрачную стихию для жизни и прекрасную пищу для того, чтобы эту жизнь поддерживать. Учтивый и благосклонный Творец ваш Бог, создавая вас, повелел вам расти и множиться и дал вам Свое благословение. Когда случился Великий потоп, все другие животные умерли, лишь вас одних сохранил Бог от гибели. Затем Он дал вам плавники, чтобы передвигаться, куда вы пожелаете. Вам, по Божьему повелению, дана была честь уберечь пророка Иону и после трех дней выпустить его на землю живым и невредимым. Вы же дали Господу нашему Иисусу Христу монету для подати, ибо Ему как бедняку нечем было платить. Затем вы

послужили Вечному Царю Иисусу Христу пищей перед воскресением и после, по особой тайне. За все это вы обязаны славословить и благословлять Того, Кто дал вам столь великих милостей больше, чем другим тварям.

В ответ на эти и подобные речи и наставления святого Антония рыбы начали открывать рты и наклонять головы, и такими, доступными им знаками почтения, принялись славословить Бога.

Тогда святой Антоний, увидев у рыб такое почтение к Богу Творцу, возрадовался и сказал громким голосом: — Да будет благословен Бог Вечный. Рыбы водные Его чтут больше, нежели люди-еретики, и лучше внимают Его речам неразумные твари, нежели неверные люди.

И чем больше проповедовал святой Антоний, тем больше собиралось рыб, и ни одна не покидала своего места. На это чудо стали сбегаться жители города и среди них даже еретики. Последние, увидев столь дивное и явное чудо, сокрушенные, все бросились к ногам святого Антония, чтобы внимать его проповеди. Тогда святой Антоний начал проповедовать о католической вере, и проповедь его была так благородна, что он обратил всех тех еретиков и заставил их вернуться к правой вере Христовой. А все верные пребывали в великой радости и укрепились в вере.

После того святой Антоний отпустил рыб с благословением Божиим, и все они удалились, удивительным образом проявляя свою радость. Разошелся и народ. После того святой Антоний оставался много дней в Римини, проповедовал и собрал большую духовную жатву.

Во славу Христа.
Аминь.

Глава XLI. О великой святости брата Симона из Ассизи

В начале существования Ордена, еще при жизни святого Франциска, вступил в братию один юноша из Ассизи, которого звали братом Симоном. Бог наделил его такой великой милостью, силой созерцания и полетом мысли, что он, по словам тех, кто долгое время жил с ним, всю свою жизнь был

зерцалом святости. Редко встречали его вне кельи. Если же он иногда и бывал с братьями, то говорил только о Боге. Он не учился грамматике, но тем не менее так проникновенно и возвышенно говорил о Боге и о любви ко Христу, что его речи казались сверхъестественными.

Однажды вечером, встретившись с братом Якопо из Массы в лесу, чтобы поговорить о Боге, они в сладчайшей беседе о Божественной любви простояли всю ночь. И утро, показалось им, наступило очень скоро,— так рассказывал мне брат Якопо.

Брат Симон воспринимал Божественные прозрения и полные любви посещения Духа Святого так кротко, что не раз, чувствуя их приход, ложился на постель; ибо спокойная сладость от наития Духа Святого требовала от него не только отдохновения мысли, но и тела. Во время таких Божиих посещений он бывал много раз восхищен и тогда становился совершенно нечувствительным к телесным явлениям. И вот однажды, когда он был таким образом восхищен в Боге и, став нечувствительным к миру, пылал внутри Божественной любовью, а своими телесными чувствами не ощущал ничего, некий брат захотел проверить это и посмотреть, действительно ли брат Симон такой, каким кажется. Он взял горящий уголь и положил его брату Симону на босую ногу. Тот ничего не почувствовал, и уголь не оставил ему никакого следа на ноге, хотя пролежал там долгое время,— он даже потух сам собой.

Садясь за стол, брат Симон, прежде чем принять телесную пищу, принимал сам и раздавал другим пищу духовную, беседуя о Боге. Его благочестивая беседа обратила однажды к Богу одного юношу из Сан-Северино, который в миру был самым пустым и светским человеком благородной крови и нежного телосложения. Брат Симон, приняв этого юношу в Орден, оставил его мирскую одежду при себе, а тот пребывал с братом Симоном, чтобы учиться у него соблюдать устав. Демон, который старается вредить всякому доброму делу, вложил в этого юношу такое сильное возбуждение и настолько пылкое искушение плоти, что тот никак не мог противостоять ему. Он пошел к брату Симону и сказал ему: — Верни мне мою одежду, которую я носил в миру, — я не могу больше противостоять телесному искушению.

Брат Симон, сжалившись над ним, сказал ему: — Посиди тут немного со мною, сын, — он начал говорить ему о Боге, и искушение ушло.

Позже, когда со временем искушение опять пришло, и юноша вновь потребовал свою одежду, брат Симон еще раз отогнал это искушение беседой о Боге. И после того как это случилось много раз, наконец, однажды ночью искушение напало на юношу с такой силой, что он, бессильный противостоять мирскому соблазну, пошел к брату Симону и опять попросил у него свою мирскую одежду, потому что не было у него сил оставаться. Тогда брат Симон, по своему обыкновению, посадил его рядом с собой и завел беседу о Боге; юноша же в тоске и грусти положил голову на колени брату Симону. И брат Симон из великого сострадания к нему поднял глаза к небу и в благоговейной молитве за него Богу был восхищен, и Бог услышал его.

Когда он пришел в себя, юноша почувствовал себя полностью свободным от того искушения, словно никогда его и не испытывал. Пыл искушения даже превратился в пыл Духа Святого. Ведь он сидел рядом с горящим углем — с братом Симоном — и весь воспламенился любовью к Богу и ближнему.

Однажды поймали некоего злоумышленника и должны были ему выколоть глаза. Тогда брат Симон, из сострадания, бесстрашно отправился к наместнику на заседание суда и со слезами на глазах почтительно попросил, чтобы один глаз выкололи у него, а другой у злоумышленника так, чтобы тот не оказался совсем лишенным зрения. Но наместник и суд, увидев в этом брате великий пыл милосердия, отпустили и того, и другого.

Раз стоял брат Симон в лесу на молитве и чувствовал великое утешение в душе своей, а стая ворон принялась докучать ему своим карканьем; тогда он Христовым Именем повелел им улететь и не возвращаться больше на то место; и птицы эти улетели, и с той поры их никогда не видели ни в том месте, ни во всей округе. Это чудо стало известно всей области Фермо, где находилось то место.

Во славу Христа.
Аминь.

Глава XLII. О многих святых братьях и о множестве содеянных ими чудес

Провинция Марка Анкона издревле была, как небо звездами, украшена святыми братьями примерной жизни. Они, как светила небесные, озаряли и украшали Орден святого Франциска и весь мир поступками и речами.

Среди них был брат Лючидо Древний, который поистине светился своей святостью и пылал Божественным милосердием. Его славные речи, внушенные Духом Святым, приносили удивительные плоды, когда он проповедовал. Был еще брат Бентиволья из Сан-Северино, которого брат Массео видел в лесу поднявшимся на воздух во время молитвы на большое расстояние. Из-за этого чуда брат Массео, тогда еще священник, оставил свой приход и стал меньшим братом. Он прожил святую жизнь и сотворил много чудес при жизни и после смерти.

Брат Бентиволья жил однажды один в Тревебананти, присматривая и ухаживая за неким прокаженным. В это время он получил от прелата повеление уйти из того места и отправиться в другое, в пятнадцати милях оттуда. Не желая оставлять этого прокаженного одного, он положил его себе на плечи и за время от заката до восхода солнца прошел с ним все пятнадцать миль пути вплоть до Монте-Саничино — места, куда его направили. Будь он даже орлом, он не смог бы пролететь этот путь в такое короткое время. Во всей стране от этого Божественного чуда было великое изумление.

Был еще брат Петр из Монтичелло. Брат Серводео из Орбино, в ту пору гвардиан в старой Анконской обители, видел Его однажды поднявшимся от земли на пять или даже на шесть локтей, до подножия церковного Распятия, перед которым он стоял на молитве. Этот брат Петр, держа однажды с великим благоговением пост святого архангела Михаила, в последний день поста стоял в церкви на молитве, а один юный брат, который спрятался под большим алтарем, чтобы увидеть какое-нибудь проявление его святости, подслушал, как тот беседовал со святым архангелом Михаилом.

А речи, которые они говорили, были таковы. Святой Михаил сказал: — Брат Петр, ты, как верный, потрудился ради

меня и изнурил свое тело: теперь я пришел утешить тебя и сказать, чтобы ты просил милости, какой хочешь, — я вымолю ее тебе у Бога.

Отвечал брат Петр: — Святейший вождь небесного воинства и вернейший ревнитель Божией чести и жалостливый защитник душ, я прошу у тебя такой милости: вымоли мне у Бога прощение моих грехов.

Отвечал святой Михаил: — Проси другой милости, а эту я и так тебе без труда вымолю.

А так как брат Петр не просил ничего другого, то архангел сказал в заключение: — За твою веру и почтение ко мне, я вымолю тебе эту милость, о которой ты просишь, и много других.

И по окончании их беседы, длившейся долгое время, святой архангел Михаил исчез, оставив его в великом утешении.

В одно время со святым братом Петром жил еще один брат Коррадо из Оффиды, принадлежавший вместе с ним к Форанской обители в Анконской кустодии. Брат Коррадо пошел однажды в лес, чтобы созерцать там Бога, а брат Петр тайком пошел за ним, чтобы посмотреть, что случится. И вот брат Коррадо стал на молитву и начал благоговейно и с рыданиями молить Деву Марию, чтобы она вымолила для него у своего благословенного Сына милость почувствовать немного той Божественной сладости, какую испытал в день Сретения Господня святой Симеон, держа на руках благословенного Спасителя Иисуса. После этой молитвы милосердная Дева Мария вняла ему.

И вот Царица Небесная появилась с благословенным Сыном Своим на руках в великой лучезарности и, приблизившись к брату Коррадо, положила ему благословенного Сына Своего на руки. Тот принял Его с благоговением, обнял, поцеловал и, прижимая Его к груди, весь растаял в Божественной любви и неизъяснимом утешении.

Брат Петр, видевший все это из потаенного места, почувствовал величайшую сладость и утешение в душе. А когда Дева Мария ушла от брата Коррадо, брат Петр немедленно вернулся в свое жилище, чтобы его не заметили.

Брат Коррадо вернулся веселым и радостным, и брат Петр сказал ему: — О, небесный, ты получил сегодня великое утешение.

Ответил брат Коррадо: — Что такое ты говоришь, брат? Что ты знаешь про меня? — Уж я знаю, знаю, — говорил брат Петр, — как к тебе приходила Дева Мария с благословенным Сыном Своим.

Тогда брат Коррадо, который, будучи поистине смиренным, хотел сохранить в тайне милости Бога, попросил брата Петра не говорить об этом никому. С тех пор была между ними такая великая любовь, что, казалось, у них была одна душа и одно сердце.

Однажды в Сирольской обители брат Коррадо избавил от демона одну одержимую женщину, молясь за нее всю ночь. А наутро убежал, чтобы народ не отыскал его и не воздал ему почестей.

Во славу Христа.
Аминь.

Глава III. Как Христос показал и дал уразуметь брату Иоанну из Верны высочайшую Троицу и все святые и дивные тайны, какие Святая Церковь приняла от Божества

Вышеназванный брат Иоанн из Верны полностью отрекся от всякого наслаждения, от всего мирского и преходящего и возложил на Бога все свое упование и всю свою радость. Божественная благодать давала ему удивительные утешения и откровения, особенно в праздники Христовы.

Однажды, когда приближался праздник Рождества Христова, он ожидал от сладостного человечества Иисуса Христа Божественного утешения. Святой Дух вложил в душу его столь великую и безмерную любовь и пыл умиления ко Христу, Который унизился до принятия нашей человечности, что поистине ему казалось, будто душа у него извлечена из тела и пылает, как горнило. Не в силах выносить такого пыла, он томился и таял. И не мог из-за порыва к Духу Святому и великого пыла любви удерживаться от крика. И тем же путем, каким приходил к нему этот безмерный пыл, приходила такая сильная и верная надежда на спасение, что он совсем не верил, что ему надлежало пройти через чистилище, если бы он умер тогда. И эта любовь длилась в нем целых полгода; хотя

этот безмерный пыл не был в нем постоянно, но приходил в определенные часы.

И тогда, и после он был удостоен многократных посещений Бога и много раз бывал восхищен, как это видел брат, первый написавший об этом. Однажды он так был вознесен и восхищен в Боге, что видел в Нем, Творце, все творения Его, и небесные, и земные, и все их совершенства, и степени, и различные порядки. Он ясно понял тогда, как каждое творение являло своего Творца, и то, как Бог пребывает и над, и внутри, и вне, и вокруг всех творений. После он познал единого Бога в трех лицах и три лица в едином Боге, и ту бесконечную любовь, с которой Сын Божий воплотился из послушания к Отцу. В конце концов, он познал в этом видении, что не было никакого другого пути, чтобы идти душе к Богу для получения жизни вечной, как через благословенного Христа. Он же и путь, и истина, и жизнь души.

Аминь.

Цветочки святого Франциска Ассизского /
Пер. А. Печковского. М., 2000.

ЯКОПО ПАССАВАНТИ

Якопо Пассаванти родился в конце XIII или начале XIV в. в старинной и знатной флорентийской семье; тринадцати лет он вступил в Доминиканский орден и обучался в монастыре Санта Мария Новелла, затем для продолжения обучения был послан в Париж. Вернувшись в Италию, Пассаванти преподавал философию и теологию в Пизе, Сиене и Риме; занимал различные церковные должности в Ломбардии и Тоскане. В 1345 г. он стал викарием флорентийской епархии, настоятелем родного монастыря, был известен среди сограждан, оказывал услуги правительству Флорентийской республики. Умер в 1357 г.

«Зерцало истинного покаяния» — это проповеди флорентийского монаха, одно из многочисленных аскетических произведений Средневековья из ряда трактатов, зеркал и сумм. С теологической точки зрения, Пассаванти не разработал проблему покаяния, а изложил, следуя традиционной

логике, уже известную доктрину, хотя в его трактате можно заметить отголоски богословских споров. Записывая проповеди на бумаге, Пассаванти ушел от первоначальной темы, включив в сочинение несколько вставных трактатов — «О гордыне», «О смирении», «О тщеславии», «О науке», «О сновидениях». Само «Зерцало» осталось незавершенным. Особенно примечательны «Примеры» (из жизни или вымышленные), включенные автором почти в каждую главу трактата.

Выбор наиболее показательных глав сочинения Пассаванти, позволяющих проследить за ходом его рассуждений и составить представление о предмете и способе изложения, сделан по изданию: *Lo Specchio delta vera penitenza*. Firenze, 1856.

Зерцало истинного покаяния

Начинается пролог книги, названной «Зерцало истинного покаяния»

Преподобный учитель церкви мессер святой Иероним говорил: «*Poenitentia est secunda tabula post naufragium*», — покаяние есть вторая доска после кораблекрушения¹⁵.

Святой ученый муж не все уподоблял покаяние доске. Если в кораблекрушение попадает осторожный и предусмотрительный человек, то при первой же опасности он крепко хватается за любую отлетевшую от корабля доску и благодаря ей даже в сильнейшую бурю в открытом море не утопает и среди бушующих волн не погибает, а благоуспешно достигает до берега или до тихой гавани и избегает тем самым опасностей бурного моря.

То же происходит и в море нашей жизни, которую мы называем морем, поскольку и в ней беспрестанное движение и переменчивая погода, и в ней происходят бурные несчастья, и в ней подстерегают грозные опасности, и большинство людей в них погибает. И так уж устроено море нашей жизни, что невозможно плыть по нему без приложения труда: удержаться на воде не позволяет нам и тяжесть нашей плоти, и груз первородного греха, и греха нынешнего, что лежит на плечах сыновей Адамовых, и сила роковых волн соблазна, и мирские и плотские испытания¹⁶.

Лишь нашему Спасителю Богочеловеку Иисусу Христу было дано легко пересечь это море. Повествуется в Писании, что к ученикам своим в страшную непогоду и в сильный противный ветер плывшим в лодке в море Галилейском, Он пришел без труда по волнам бурного моря; чего не мог совершить святой Петр и ко дну пошел бы, если бы не простер к нему свою добродетельную десницу Иисус Христос. Из этого евангельского рассказа надлежит понять, что всякий утонет в грозных водах житейского моря, если не снизойдет к нему десница благодати Божьей¹⁷.

Во спасение рода человеческого благодать Божия измыслила легкий и прочный челн, а Христос Спаситель сотворил его своими руками: из святого крестного дерева своего сложил, острыми гвоздями страстей своих сбил, драгоценной кровью своей омыл и окрасил. Этот челн есть не что иное, как невинность во крещении, в которую входит каждый, крестимый крещением Христовым. Целым и невредимым он приведет в гавань вечной жизни того, кто станет его хорошо вести и править и радеть о нем будет, как истинный и праведный христианин.

В этом едином и крепком челне через море нашей жизни проплыла Пресвятая Богородица Пречистая Дева Мария, проплыл в нем святой Иоанн Креститель, проплыли в нем и другие святые, освященные еще во чреве материнском и хранимые благодатью Божией и убереженные ею от впадения в слабость смертного греха¹⁸.

Проплавают в нем и все, нареченные невинными. Невинные суть те, которые, не научившись еще по состоянию своему различать доброе и злое и потому не впавшие в губительное зло греха (а к нему гораздо более, нежели к творению добрых дел, склоняется человек по порочной природе своей), сразу после принятия благодатного таинства крещения бывают поглощены естественной смертью или же принужденной обстоятельством телесной жизни. Но не их заслуга, что без малейшей помехи и благовременно достигают они до надежной гавани вечного небесного града, поскольку не могут желать и уметь смотреть вперед и вести прекрасный челн благодати Божьей. Заслуга эта принадлежит Хозяину и Творцу челна: это Он своей благодатью и своим пребыванием ведет и правит его.

Иногда (и настолько, насколько простираются возможности свободной воли) небесный Господин препоручает человеку и управление, и заботу о движении, и ведение этого челна. Самого человека всеблагой Бог делает кормчим тогда, когда тот достигает такой степени возраста, что может и желает усердно грести веслом и выносить все тяготы охранения и ведения столь драгоценного судна.

Но из небрежения или из невежества, из пустого удовольствия или из порочной похоти, из самонадеянности или из неосторожности, или из дерзновенных помыслов — словом, из-за своего малого провидения — человек забывает о премудростях осторожного и осмотрительного управления и гоняет без удержу это судно по бескрайнему морю. И челн невинности безвозвратно гибнет либо измотанный противными ветрами, либо пробитый острыми камнями, либо выброшенный на коварную мель, либо увлеченный стремительным потоком, либо заверченный свирепым смерчем, либо опрокинутый буйной волной, либо раздавленный тяжелым валом, либо поглощенный морской пучиной, либо сбившийся с пути в ночной темноте, либо испугавшийся лютых чудовищ, либо опьяненный сладкоголосыми сиренами, либо захваченный жестокими разбойниками, либо обманутый ложными друзьями.

В перечисленном надлежит увидеть корни пороков и грехов. А еще понять, что грехи и пороки подтачивают и разрушают челн чистой невинности. И чем тяжелее и сквернее они, тем скорее рушится и гибнет он. И тогда человек лишается милости и блага; и нечем залатать пробоины, и не вернуть былую прочность; и остается закоренелый грешник наг и одинок посреди бурного моря, и последний луч надежды гаснет, и неоткуда ждать помощи¹⁹.

Одно только спасительное прибежище создал человеколюбивый и милосердный Бог, ибо Он не желает человеку гибели, даже когда тот по своей вине губит измышленный для него благодатью Божией крепкий и легкий челн невинности. Это прибежище и есть покаяние, за которое каждый потерявший святую невинность и думающий о спасении должен ухватиться и крепко держаться. Об этом прибежище и думал блаженный учитель наш святой Иероним, когда уподоблял его

второй доске после кораблекрушения, то есть после разрушения и гибели судна первой святой невинности. <...>

Так, после потери первой невинности, за вторую доску покаянную, в которой единой спасение и духовное здравие человеческого рода, предусмотрительно ухватилась Мария Магдалина, ухватился святой Павел; ухватившись за нее, спасаются все, кому милостью нашего Ходатая отпускаются их греховные деяния.

Задумаемся, возлюбленные братья, как и нам, грешным, взойти в их круг, дабы избежать погибели в грозящем потопить нас зыбком и тревожном мире временной жизни, ибо выбросило нас из единого и прочного судна первой невинности, и мы тонем в пучине тварного мира и плутаем в волнах греховной запутанности. Отвергнем же и мы, грешные, всякое небрежение и невежество и в пламенном и едином стремлении к нашему духовному спасению станем предусмотрительными, протянем руки и ухватимся за покаяние, как потерпевший кораблекрушение хватается за спасительную доску и всеми силами своего существа за нее держится, если хочет спастись; она вынесет нас из бездны греха и препроводит в гавань божественной благодати²⁰, и я, меньший из братьев-проповедников²¹ флорентиец Иаков Пассаванти, движимый сугубым попечением о спасении грешных душ и верный предписаниям моего ордена, который видит первейшую из своих обязанностей в пробуждении людей от греховного усыпления, замыслил особый трактат о покаянии.

Побуждаем я был и многими благочестивыми и добродетельными людьми. Зная, что вот уже много лет — и особенно в Великий Пост нынешнего года, одна тысяча триста пятьдесят четвертого от Рождества Христова — я читаю проповеди о покаянии, они призывали меня, к пользе их и утешению, также к пользе утешению всех, кто пожелал бы их прочесть, изложить мои проповеди на бумаге в строгом порядке и на нашем народном флорентийском наречии, поскольку на народном наречии они произносились. Не желая отказывать в том, что долг милосердия велит исполнить к вящей славе Господней, и отвечая на дружеские побуждения, пишу этот трактат, как и прошено было, на народном наречии — дабы понятен был простым людям, и на латыни — дабы

полезен был людям духовного звания, а, следовательно, и не только им, но и всем, кого они станут поучать, или кому станут читать проповеди, или кого станут наставлять на путь истинный, или чьи исповеди станут слушать²².

Уповаю при этом на величайшего из проповедовавших покаяние, отца всех братьев-проповедников, мессера святого Доминика²³. Смиранные надежды возлагаю на труды великого учителя церкви мессера святого Иеронима, чьи житие и учение являют образец совершенного и истинного покаяния и отражают его, как чистейшее из зеркал.

Смиренно прошу читающего эти строки вознести ко Господу кроткое моление о рабе Божиим Иакове Пассаванте, поведать Ему о моих проповеднических трудах и о бдении над этой книгой о покаянии и просить Всевышнего, чтобы даровал мне милость до конца дней моих жить в усердном и ревностном покаянии и ниспослал мне в мой смертный час Свою благодать и спасение. Аминь.

Итак, теперь перейдем к книге, в которой мы намерены показать, что надлежит делать для истинного покаяния и чего надлежит остерегаться. Названа эта книга «Зерцало истинного покаяния»²⁴.

Часть первая

Глава I. В соответствии с избранным порядком расскажем прежде всего, что такое покаяние

Святой Амвросий говорил: «*Poenitentia est main proeterita plangere, et plangenda iterum non committere*», что значит: покаяние есть оплакивание прошлых злодеяний, то есть содеянных грехов, и несовершение впредь того, о чем придется горько плакать. Подобно говорил и святой Григорий: «*Poenitere est ante acta peccata flere, et fienda iterum non committere*» — мысль святого Григория подобна изречению святого Амвросия. А святой Фома, разъясняя эту мысль, разделил ее на два суждения²⁵. Первое — касательно прежнего греха: надлежит оплакивать прежние грехи. И второе — касательно греха, который принесет время: надлежит бежать грехов, которые придется горько оплакивать. Второе суждение святого Фомы предусматривает крепкое намерение имеющего в сердце ис-

тинное покаяние и горько сокрушающегося о содеянных грехах впредь исправиться и уберечь свою душу от повторного впадения в грех.

Если же грешник повторно согрешает, первое его покаяние все же следует считать действительным, а в каждом новом грехе следует каяться каждый раз заново. Хотя, похоже, есть люди, которые утверждают обратное и ссылаются, как Магистр сентенций, на слова святого Августина, святого Исидора, святого Григория и некоторых других, о которых упоминается и в декрете, и в трактате о покаянии²⁶.

Когда наши Святые Отцы говорили, что совершенный грех надлежит оплакивать и иметь твердое намерение не совершать более греховных деяний, они говорили не про единожды совершаемое покаяние, но про покаяние, разнесенное во времени. Верно, когда человек сокрушается и плачет о грехе, он должен не просто не совершать, но даже не помышлять о совершении подобного или другого тяжкого греха. Но если случится, что несмотря ни на что, человек все же впадает в грех такой же или другой, и первое, и второе, и все покаяния до самой его телесной смерти будут действительными и должны считаться таковыми.

Человек слаб, и поэтому милостью Божией ему дано единожды принять Святое Таинство Крещения, но многожды — Святое Таинство Покаяния. Дано ему столько раз приносить покаяние, сколько раз согрешать будет. Не об этом ли говорил Иисус Христос святому Петру, когда тот приступил к нему с вопросом: «Quoties peccabit in me frater meus, et dimittarn ei? usque septies? — Non dico tibi usque septies, sed septuagies septies». Вопросил святой Петр: сколько раз должно прощать грехи и достаточно ли семи раз? А всещедрый и милосердный Иисус отвечал ему: не семь, но семьдесят раз по семь. Вот и выходит, что Господь завещал столько раз прощать грешнику, сколько раз согрешит или согрешить сможет, лишь бы каждый раз тот преисполнялся покаянным чувством до самой глубины своего сердца.

Если после покаяния человек совершает повторное грехопадение, то оно гораздо тяжелее прежнего. Причин тому множество, но первойшая из первыхих коренится в человеческой неблагодарности. По порочной природе своей

человек не может благодарно внимать ниспосланной ему благодати. И хотя прежде оплаканный грех не возвращается, как прощенный в искренне высказанном покаянии, последствия этой неблагодарности безмерно тяжелы, гораздо тяжелее, чем последствия прежнего грехопадения. Ибо говорил Иисус Христос в Евангелии: «Cum immundus spiritus exierit ab homine ets., et adducit alios septem spiritus nequiores se ets., et fiunt novissima hominis illius peiora prioribus». Говорил Он, что злонравный дух, исторгнутый покаянием и возвращенный новым грехопадением, семикратно злонравен, а положение падшего хуже прежнего. Об этом же Он говорил одержимому болезнью, им излеченному: «Vade, et amplius noli peccare ne deterius tibia liquid contingat» — «Иди, и не хоти больше грешить, дабы с тобой не случилось худшее». Видите, Христос сказал «noli» и не сказал «non pecces» — «не согреси». А смысл в этом заключен такой: чтобы покаяние было действительным, достаточно иметь твердое намерение не хотеть более грешить, даже если после все же согрешаешь. <...>

Часть вторая

Глава II, в которой говорится о том, что страх Божий подвигает нас к покаянию

Второй причиной, подвигающей нас к покаянию, мы называли страх Божий, то есть боязнь суда Божиего, ибо каждого, кто в телесной жизни не обеспокоится и не очистится от греховной скверны, по смерти ожидает суровый и беспощадный суд Божий.

Для очищения нам дано единое средство, и это средство — покаяние. Покаянием единым человек себя судит, осуждает и наказывает за свои злодеяния. Покаянием единым человек избегает небесного судилища, ибо сказано в Писании: «Да не будет наказано дважды одно злодеяние». Об этом говорил мессер апостол святой Павел: «Si nosmetipsos judicaremus, non utique judicaremus» — «Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы». А святой Григорий говорил: «Всесильный Господь и милосердный судья охотно принимает наше покаяние и скрывает от Своего суда наши грехопадения». Святой Августин учил нас: «Воссядь в уме своем на трон судии

и поставь себя, преступного, перед собою, своим судиею. И не хоти стать позади себя, ибо Бог ставит тебя перед Собою». Итак, человек должен сам себя судить покаянным судом, чтобы не осудил его Господь своим суровым и беспощадным судом. Ибо говорил премудрый Екклезиаст: «Si poenitentiam non egerimus, incidemus in manus Domini» – «Если не покаемся, падем в руки Божии». Сказано в Евангелии Иисусом Христом: «Nisi poenitentiam habueritis, simul omnes peribitis» – «Если не покаетесь, все погибнете. А святой Августин предупреждал: «Кто истинно кается, тот не оставляет безнаказанным злодеяние свое; и кто сам себе прощения не дает, получает его от Бога, ибо никому не суждено избежать суда Божиего!».

Не жалейте себя, грешные, столь жестокой жалостью! Не убойтесь столь малого страдания в земной жизни! Ибо придет час праведного суда Божиего, и будете осуждены на вечные муки геенны огненной!²⁷

Вот пример, о котором повествуется в книге «Семь даров»: «Один юноша из богатой и знатной семьи, привыкший к неге, довольству и холе, неожиданно для всех вступил в орден братьев-проповедников. Узнав об этом, и отец, и родня, и друзья – все воспротивились и принялись обольщать юношу и призывать вернуться в мир. Они искушали его душу лестью и обманом, они говорили ему, что он, мол, такой нежный, хрупкий и слабый, что он не сможет перенести все тяготы монастырской жизни. Но юноша им ответил: “А я вступил в орден потому, что понял, что слишком нежен, хрупок, слаб. Если я страдаю от простых неудобств в земной жизни, как же я буду страдать в аду от бесконечных и неисчислимых мук? Нет! Уж лучше пострадать немного здесь, на земле, чем гореть в аду! И я не отступлю от своего решения!” Нечего было возразить на такие слова. Пришлось и отцу, и родне, и друзьям оставить того юношу в покое» <...>²⁸.

**Глава V, в которой говорится о том, что к покаянию
нас подвигают трудности приступления к нему
после долгого коснения в грехе**

Пятая причина, подвигающая к скорому покаянию, есть трудность приступления к нему после долговременной привычки коснеть в грехе. Святой Августин говорил: «Если

не противоборствовать привычке, она станет потребностью». Привычка, по всем известному выражению, вторая натура; потому склонные к злодейству и пороку не могут удержаться от греховного соблазна. Их разум затуманен гнусными пристрастиями и подвластен им, а свободная воля несвободна и устремиться к благу без нисшествия особой благодати не может. Такие люди не в состоянии преодолеть греховную томительно-болезненную суету и подобны больным, в которых закоренели тяжкие недуги: лечить их поздно, а вылечить совсем нельзя. Поэтому свой греховный недуг следует сразу лечить лекарством покаяния, а не дожидаться, пока он разрастется, пустит корни и застарее.

Святой Григорий говорил: «Грех, не отмытый покаянием, своей тяжестью к новому греху склоняет». Грех к греху, растет бесчестие, и много бед наживает себе грешник. Первейшая из этих бед такая: чем дольше грешит человек, тем более отдаляется он от Бога и тем большим временем придется возвращаться к Нему. Кто же до смерти или до старости откладывает свое покаяние, тот сам у себя крадет драгоценное время! Правда, Господь даровал спасение некоторым грешникам, покаявшимся перед самой смертью. Но, скажите, зачем испытывать терпение Божие? Ведь говорил святой Иероним: «Льгота для немногих не есть закон для всех». И святые учат, что не являет Господь Свою благодатную помощь тем по смерти, кто в жизни ее попирает.

Вот пример, о котором повествует святой Григорий: «Один человек умер после тяжелой болезни. А перед самой смертью он видел, что за его душой явилось множество чертей во главе с самим диаволом. Они тянули его душу из тела, а он что было сил кричал: “Подождите! Дайте срок! Ну, хоть до утра!”. Напрасно: черти его не слушали. Наконец, они вытянули душу и поволокли ее в пекло. И грешник умер, стеная, рыдая и мучась»²⁹.

Другая беда состоит в том, что чем долее человек откладывает свое покаяние, тем больший грех он совершает. А чем больший грех он совершает, тем сильнее тяготит его греховное бремя. Оно непрерывно растет и достигает таких размеров, что может раздавить грешника. Потому проникнись советом, данным святым Павлом: «Deponentes omne pondus,

et circumstans nos peccatum» — «Свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех».

Вот пример, о котором повествуется в «Жизнеописании Отцов»: «Святому Арсению послышался однажды голос: “Иди, я укажу тебе дела людские”³⁰. Святой Арсений послушал, пошел и увидел человека, рубящего дерево. Нарубит, наложит, вознамерится поднять и не может: слишком велико бремя, а сил таких нет, и обратно на землю кладет, и снова рубит, подкладывает, тщится поднять и не может, и опять рубит, и опять добавляет, и опять хочет поднять и падает. Голос сказал святому Арсению: “Те это, которые к грехам грехи добавляют, и унести не могут, и гибнут под их тяжестью”. Потом святой Арсений увидел всадников, везущих бревна поперек седла и желающих въехать в храм, и не могущих. Голос сказал: “А это те, которые праведность своих дел несут в гордыне”. Еще увидел святой Арсений: на берегу бескрайнего моря стоит человек и без отдыха черпает воду и льет ее в бочку, а та вся в дырах и трещинах, и вода выливается обратно в море. И снова сказал голос: «А это те, которые имеют добрых дел малость и топят их во множестве злых».

Да не увеличим грехов наших! Да убудет их тяжесть! Ибо об этом греховном бремени вопиял пророк Давид³¹: «*Quoniam iniquitates meae supergressae sunt caput meum, et sicut onus gravatae sunt super me*» — «Беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне». Безрассудны те люди, которые оставляют старости и смерти свое греховное бремя, ибо ни старость, ни смерть удержать его на себе не могут.

Еще одна беда состоит в том, что чем долее человек грешит, тем сильнее он искривляется и затвердевает и тем труднее ему склоняться и распрямляться. Так, старое трухлявое дерево скорее рассыплется или сгорит, чем согнется и распрямится. Внемлем же совету святого Петра: «*Poenitemini igitur, et convertimini, ut deleantur peccata vestra*» — «Покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши». Скорее это надо делать, как учил пророк Иоиль³²: «*Nunc convertimini ad Dominum Deum vestrum, quoniam benignus et misericors est*» — «Теперь без промедления обратитесь ко Господу Богу вашему, ибо Он благ и милосерд». А святой Августин, объясняя

псалом, говорил: «Твое покаяние, дабы плоды принесло, не должно опоздать. Ныне исправься, грешник! Ибо тот, кто завтра будет твоим судьей, Иисус Христос, ныне твой защитник». Ибо благовествовал святой Иоанн³³: «Advocatum habemus apud patrem lesum Christum iustum» — «Перед Отцом Небесным мы имеем истинного ходатая в лице Иисуса Христа». На него мы возлагаем нашу веру и веруем, что Его милостью в нашу сторону склонится судная чаша.

Посему, возлюбленные братья, научимся призывать Христа в милосердные Ходатаи, чтобы Он предъявил за нас Свои крестные страдания, которыми искупил все наши непотребства, а всемилостивый Бог простил нам наши падения и принял в Свое милостивое внимание нашу естественную слабость и обвинил врагов наших. Да не отложим покаяние, а углубимся в него с плачем, ибо придет суровый судия и учинит праведный суд нашим беззакониям.

Часть третья

Глава II, в которой говорится о том, что страх отвращает человека от покаяния

Второе препятствие покаянию есть страх, то есть малодушная боязнь всерьез ворошить свою жизнь и налагать на себя телесную муку.

Люди своевольные, склонные к мирским утехам, забавам и плотскому сладострастию, страшатся потерять даже часть своих незаконных наслаждений, отвергнуть которые велит самое таинство святого покаяния. Но падким на наслаждения обязательно надо испытать духом и плотью хоть немного страданий, чтобы уравновесить непотребства своего тела и беззакония своего ума и понять, что своевольничая — грешат³⁴.

Против этой суетной, отвращающей от покаяния боязни есть единое средство: проникнуться мыслью, что ни один грех не остается незамеченным Богом, что всякий грех будет непременно наказан, а кара Божия неизбежно настигнет грешника либо в этой жизни, либо в иной. В этой жизни наказанием служит епитимия³⁵, налагаемая вслед за покаянием, в иной — наказание назначает суд Божий. И воистину, уж лучше какой-нибудь час помучиться покаянными муками

здесь на земле, чем всю жизнь, а может, и всю вечность мучиться невыносимыми и страшными муками в аду. Ибо в аду муки наивысшие, беспредельные и всеобъемлющие.

Не мудро поступает тот, кто пренебрегает недолгой покающейся мукой на земле и идет в ад на вечные пламенные муки. А что муки ада вечны, неизбежны и нестерпимы, тому нас научают и назидания Священного Писания, и святых пророков, и многие примеры, нами слышанные и виденные. Вот назидательный пример из «Жизнеописания Отцов»: «В праведных странствиях по пустыне святой Макарий³⁶ однажды набрел на череп человека. Он ткнул его посохом и спросил, заклиная ответить, чьей головой он был. Череп ответил святому Макарию, что при жизни был головой языческого священника, а вот теперь обречен на вечную муку. “А что за наказание тебе дано?” – спросил святой Макарий. Череп ответил: “Все пространство, какое ни есть от земли и до неба, заполнено для меня одним испепеляющим огнем, и жар от него никогда не ослабевает. Куда ни глянь – и снизу и сверху – только один огонь. И я не один так страдаю, но все, как и я, не ведавшие всемогущего Бога. Под нами же, в еще большем огне, страдают тьмы скверных христиан. И наказание их ужаснее нашего”».

Подобное же назидание содержится и в следующем примере: «Повествуется, что в Париже жил некий учитель логики и философии по имени Серло, у которого было много учеников. Один из них, выделявшийся большой сообразительностью и умением тонко вести ученый спор, как впрочем, и непомерной гордыней и порочным образом жизни, умер. И вот однажды ночью, спустя несколько дней после смерти ученика, когда учителю Серло совсем не спалось и он даже решил подняться и сесть за занятия, ему явился образ умершего. Серло узнал его и очень испугался. Однако набрался сил и спросил, что с ним случилось после смерти. “Я осужден”, – отвечало видение. Серло снова спросил, правда ли, что тяжелы мучения в аду. Ученик ответил, что бесконечно тяжелы, гораздо тяжелее, чем думают люди, и не хватит никаких слов, чтобы описать их, но знак их тяжести он может показать. “Смотри, – он сказал, – какое на мне платье. Кажется, что оно соткано из софизмов. Оно давит на меня так, будто я держу

на своих плечах самую большую башню Парижа или самую большую в мире гору. А самое ужасное — я никогда не смогу снять с себя этот груз. Это наказание назначено мне Божественным судилищем за мое тщеславие. И по заслугам: мне всегда казалось, что я знаю больше всех, что я лучше других умею складывать тонкие софизмы, то есть аргументы для победы в споре. Наказанное мне платье все полно ими, и всегда мой позор перед моими глазами, а совесть моя постоянно тяжело смущает меня”. Потом он отвернул полы плаща и проговорил: “Видишь, какой он изнутри? Пышет жаром и горит огнем. И ни минутки, чтобы дух перевести! Беспеременно горю и жарюсь! Это наказание дано мне за то, что я бесчестно купался в подлом плотском грехе до самой смерти. И даже на смертном одре я не пожелал принести покаяние, а в сердце у меня не было даже самого слабого намерения оставить порочное житие. Я бы и желал жить еще. Но если бы и жил, то для греха, и вновь впал бы в духовное усыпление. Воистину, по заслугам меня покарал суд Божий. Я заслужил мои бесконечные и непрерывные страдания. Бедный я человек! Только теперь я осознал, как глубоко мое падение. Только теперь я понял, что в земной жизни умел разбираться в тонкостях софистики и логики, но не понимал главного: за свои грехи человек получает на Божественном судилище бесконечные муки ада! Я не хочу, чтобы мое появление прошло для тебя без благовременного поучения, ты его получишь в благодарность за твои поучения. Дай мне руку, добрый учитель!”.

Учитель Серло протянул ему руку, и с горящего пальца умершего ученика на его ладонь упала крошечная капелька пота. Насквозь она прожгла ладонь учителя!словно остроконечная и горящая стрела, его пронзила мучительная боль. “Теперь и ты попробовал мучений ада!” — сказало видение и исчезло со скорбными криками, оставив учителя одного в ужасе и смятении. До самой смерти Серло так и не смог отыскать лекарство, чтобы залечить ужасную рану.

Для многих этот случай послужил поучительным уроком к исправлению жития. Сам учитель Серло в глубоком душевном сокрушении, вызванном видением и телесным страданием, убоявшись ужасных мучений, которые ему довелось испытать на себе, и по зрелом размышлении решил оставить

свою школу и уйти от мира. На следующее утро он вошел к своим ученикам, рассказал о видении и показал прожженную руку. А на прощание произнес им два стиха, сложенные ночью в думках об оставлении мирской суеты:

Linquo coax ranis, ora corvis, vanaque vanis;
Ad loycam pergo, quae mortis non timet ergo —

Пусть лягушки квакают, а вороны каркают, пусть суета мирская останется суетным людям;

Я же ухожу туда, где логика не боится вывода о смерти, то есть к святой религии.

Вот так он оставил все попечения, обратился к Богу и прожил в святости до конца дней своих.

Если же найдется такой человек, который скажет: «Я никогда в жизни не буду каяться, а покаюсь перед самой смертью и пройду муки покаяния в чистилище, — то этот человек глуп. Мы говорили уже, что не всякий человек, надеющийся на добрый конец, получает его. Многие, однако, тешут себя пустыми упованиями. Чаще всего бывает, что по жизни и смерти: как человек живет, так и умирает. Святой Григорий говорил: «Грешник, в жизни забывший Бога, на праведном суде забывает себя самого». Но предположим, что человек уверен в своем предсмертном покаянии. Как же глупо тогда желать проходить муки покаяния в чистилище! Святой Августин учил, что они страшнее любой из земных мук. Грешник, зачем не пострадаешь покаянной мукой здесь, на земле? Ведь покаяние само из твоей души вырастает, ты сам, по своей воле искупаешь свой грех, мука от такого искупления ничтожна. А на муки чистилища ты обречен по необходимости, и они безмерны. К тому же, в чистилище у тебя не будет ни места, ни времени стяжать себе прощение!

А что муки чистилища тяжелы, научают нас все святые. И в каком бы месте ни было назначено чистилище, будь то ближе к центру земли, где преисподняя и где душа будет очищаться тем же пламенем, что и грешники в аду, будь то в любом другом месте на земле, указанном праведным судом, — муки там будут очень тяжелы. Если чистилище будет в межземельном пространстве, где горит пламень ада, то нет никакого сомнения, что душе будет безмерно тяжело гореть

этим пламенем. Если чистилище будет определено в других местах на земле — либо для пребывания в месте совершения греха, либо для взывания к помощи родных и близких, либо для назидания живущим, либо по другому неведомому суждению Божию — бесспорно то, что и в этих местах муки будут очень тяжелы. Ведь суд Божий определяет наказание чистилищем для омовения от греховной скверны, исходя из числа и характера грехов.

Из множества примеров, подтверждающих эту истину, я приведу только один, из Элианда: «Недалеко от Ниверсы жил бедный угольщик. Был он человеком богобоязненным и добрым христианином. Однажды вечером он как обычно разжег свою угольную яму и отправился спать в сторожку, что стояла рядом. Вдруг в самую полночь раздались истошные крики. Угольщик выскочил из своей сторожки наружу и увидел страшное видение: к его яме, что есть силы, бежит нагая и растрепанная женщина, криком исходит. Следом на страшном коне вороном скачет рыцарь с кинжалом в руке. У коня из глаз, из ноздрей, из ушей вырываются языки яркого пламени. Женщина подбегает к самому краю ямы, видит раскаленные угли, отступает и бежит вокруг. Рыцарь настигает женщину, хватает за волосы и вонзает свой кинжал ей в грудь. Из раны кровь рекой, женщина падает на землю. Рыцарь хватается за окровавленные волосы и со всего размаха бросает в яму с горящими углями. И час и больше стоит над нею. Потом вытаскивает ее, всю обугленную, взваливает на коня и, безутешно рыдая, мчится прочь — туда, откуда явился.

И на вторую и на третью ночь страшное видение повторилось. Но угольщик уже не мог вынести таких страстей и отправился к своему господину графу Ниверсы, поскольку ему были известны доброта и набожность графа. Пришел и обо всем рассказал. Выслушав угольщика, граф воскликнул: «Я своими глазами хочу увидеть это видение!» — и поехал с ним. Вот уже вдвоем спрятались в сторожке. Время полночи наступило, и все случилось по рассказу: и женщина убежала, и рыцарь догонял, и все остальное тоже повторилось. Граф трепетал, но ему очень хотелось понять, отчего все так происходит, и когда безжалостный рыцарь уже отправлялся

в обратный путь со своей ношей на коне, граф вышел из сторожки и, заклиная рыцаря остановиться, обратился к нему с просьбой объяснить видение. Тот повернул своего коня и в горьком рыдании поведал: “Знай, мой граф, раз уж ты захотел узнать о наших мучениях, которые Господь пожелал открыть тебе: именем я Джуффреди, я был твоим рыцарем, у твоего стола кормился. А женщина, которую я столь безжалостно мучаю — это донна Беатриче, бывшая женой твоему славному рыцарю Берлингьеру. Знай, что нас соблазнила низменной похотью преступная любовь, и мы впали в тяжкий плотский грех. И чтобы никто не мог мешать нам предаваться постыдным удовольствиям, она убила своего супруга, твоего славного рыцаря Берлинггера. И купались мы в своем грехе, пока не настал наш смертный час. Но на смертном одре сначала эта женщина, а потом и я поплакались перед Господом, покаялись и исповедались. Всеблагой Бог принял наше предсмертное покаяние, смилостивился и простил нам вечные муки ада и назначил временные муки чистилища. Поэтому знай, мой граф, мы не обречены, и во искупление нашего греха в этом месте нам назначено чистилище. Вот что ты видел. За тяжкий грех плоти еженощно мы совершаем эту страшную погоню. А освобождены от этих ужасных мук будем, когда того пожелает Господь”.

Чтобы лучше понять смысл наказания, граф снова обратился к рыцарю за разъяснением. Тот отвечал со многими слезами и вздыханиями: “Этой женщине, поднявшей руку на своего мужа из любви ко мне, дано такое наказание: еженощно принимать смерть от моей руки, от моего кинжала. Суд Божий постановил еще, чтобы она, питавшая ко мне любовь блудливую, еженощно была мною кидаема в жаркие угли этой ямы. Ты это видел. И как прежде мы смотрели друг на друга со страстным вожделением и предвкушением греховных утех, так ныне с отвращением и ненавистью преследуем друг друга. И как один был причиной воспламенения бесчестной любви другого, так ныне один есть источник мучений другого. Ибо всякая мука, испытываемая ею, есть и моя мука. Когда вонзаю в нее свой кинжал, все вокруг обращается для меня в негаснущий огонь. Когда кидаю ее в жаркие угли, сам начинаю гореть тем же

пламенем. Конь же мой — это диавол, которому мы даны для терзаний. Таковы наши суровые кары. Как мы несчастны! Граф, прошу вас, молитесь Господа нашего, известите о нас ему в мессах, раздайте милостыню нищим. Да облегчит Он нам эти тяжкие муки!» — проговорив это, рыцарь растаял, как вспышка молнии».

Да не убудет от нас, возлюбленные мои, претерпеть на этом свете данную нам за грехи епитимью, да избавим себя от великих мук и от горьких терзаний, которые — хотим мы того или не хотим — ожидают нас по смерти³⁷.

Глава III, в которой говорится о том, что тщетное упование отвращает нас от покаяния

Третье препятствие покаянию есть упование на милость Бога. Человек говорит: «Велика милость Божия, Он любит нас, Он искупил наши грехи Своей драгоценной кровью, Он не даст нам заблудиться», — и не кается, и коснеет во грехе. Против таких людей сказано в Священном Писании: «*Maledictus omnis qui peccat in spe*» — «Проклят Богом грешащий в надежде». Размышляя об этих словах, святой Бернард говорил: «Кто грешит в надежде, у того неверная вера, достойная проклятия».

Истинно названы люди достойными проклятия, потому как богохульствуют и глумятся над безграничной милостью и великой добротой Божией. Казалось бы, в милости и доброте они должны увидеть силу и величие Божественного водительства, причину и повод для противоборствования греху. Нет! Грешат! Грешат без оглядки!

О таких людях говорил святой Павел: «*An ignoras quod benignitas Dei ad poenitentiam te adducit*» и дальше, как прежде мы говорили. Святой Павел указывал также на тяжесть подобного греха: «*Irritam quis faciens legem Moysi et spiritui gratiae contumeliam fecerit*»³⁸. В «Толковании» об этих словах так сказано: «Грешащий в надежде на милосердие Божие, дух благодатный и кровь Христову попирает и посрамляет». Человеку следует остерегаться греха, прежде всего во имя милосердного Бога, ибо еще говорил святой Павел: «Господь Бог спас нас по милости Своей». Так поступает всякий, у кого сердце возвышенное и кто бежит греха не из страха, а из

любви. Кто же поступает противно и согрешает, наказан будет, как сказано в Писании.

Кто по собственной воле впал в глубокую пропасть греха и уповает на милость Божию, тот попирает Бога, и милостью Божией тот будет обойден. Самое же страшное, что милость Божия оставит его в час наивысшей надобности, в смертный час. Свидетельствуют об этом многие примеры, почерпнутые из житий святых, из жизнеописаний Святых Отцов, из рассказов святого Григория. Мы не станем их все пересказывать, они есть и в других книгах, да и наш трактат слишком бы удлинился.

Против тщетной и высокомерной надежды сказано в Писании: «Не скажи: велика милость Господня, Он не помянет мои грехи. Знай, столь же скор Он на гнев и на мщение, сколь и на милость». Воистину, Бог милостив, но Он не желает быть попраным в доверии. Оттого и говорил святой Григорий: «Веруя, что Бог справедлив, да не оставим без покаяния грехи наши; веруя, что Он милостив, да не впадем в отчаяние». Только жаждущий исправить свою жизнь может уповать на милость Божию, но не желающий купаться в злодеяниях!

Тщетна вера человека, который питает глупую надежду жить долго и кончить свои дни в благости. И все же многие откладывают покаяние, не проникаются словами Писания, изреченными устами премудрого Екклезиаста: «*Ne tardes converti ad Dominum, et ne differas de die in diem; subito enim veniet ira illius, et in tempore iracundiae disperdet te*» – «Не опаздывай с обращением к Богу, не перекладывай со дня на день, чтобы не обрушился на тебя гнев Его и не потерял Он тебя в час гнева и мщения. Не обрекай себя в свой, смертный час, когда судим будешь», – увещевал премудрый Екклезиаст³⁹. А святой Григорий говорил: «Сразу бывает украден тот, кто долго был поддерживаем». Сразу – так скоро, что и представить невозможно, – бывает украден смертью и представлен суду Божию тот, кого долгое время Бог поддерживал выжидании к покаянию. Вот пример, о котором повествует Петр Дамьяни⁴⁰. «В городе Салерно жил благородный, по мирскому мнению, и богатый правитель. Он долгие годы купался в преходящем благополучии здравия,

богатства и плотских утех, привык к этому и любил повторять: кто имеет благо на этом свете, тот имеет его и на том свете, — понимая благо в его плотском, вещественном значении, а не так, как правильно надо понимать. Когда он достиг, по его представлению, наивысшего мирского благополучия, какого у него еще никогда не было, случилось ему однажды утром взглянуть из своего дворца на гору Этну, на Монджибелло, и увидеть, что необычайно велики вырывающиеся из горы искры и языки пламени. Тотчас он созвал свою семью; и всех слуг и объявил им: “Скоро умрет кто-то богатый и могущественный. Я видел, как Монджибелло подавал огненный знак, он ждет очередного грешника, чтобы засосать его в пекло через свою огнедышащую пасть”.

А когда Монджибелло выпускает необычайно много огня, в тех местах говорят, что вскоре должен умереть какой-нибудь богатый грешник, поэтому Монджибелло готовится принять его. Местные люди считают, что через эту гору проходит одна из дорог в преисподнюю.

Вот и князь, о котором наш рассказ, поспешил объявить о скорой смерти богатого грешника, когда увидел необычайно яркие вспышки огня. Но о том, что этот грешник он сам, и это его готовится принять подземное царство через свои огнедышащие ворота, он даже и подумать не пожелал. Поэтому ночью, как обычно, самодовольно и самоуверенно он улегся в кровать с одной из своих женщин, и в самом греховном действии, которое совершал многие годы, испустил дух! Вот так тот, кто еще накануне был жив-здоров и даже ночью не один лег в постель, утром оказался совершенно бездыханным!» <...>

Часть четвертая

Глава III, в которой говорится о том, что вызывает в нас сокрушение

Перейдем теперь к третьей части нашего рассказа о сердечном сокрушении и ответим на вопросы: что вызывает в нас сокрушение, или какими путями входит в нас сокрушение, и сколько этих путей? Святые ученые мужи утверждают, что таких путей шесть.

Первый путь – это воскрешение в памяти содеянных грехов. О нем говорил пророк Исайя в обращении к Богу: «*Recogitabo tibi omnes annos meos, in amaritudine animos meos*» – «Я подумаю и положу их все перед Тобой, все мои годы, в горечи души моей, то есть с горькой скорбью». Про этот путь мы уже говорили в других местах нашего трактата. Вспомните пример о знаменитой блуднице Таис; о блуднице, у которой от преисполнения скорбью разорвалось сердце; о рыцаре, который отрекся от Христа, но не отрекся от Богородицы.

Второй путь, следующий за воскрешением в памяти грехов, – это стыд. Царь Соломон говорил в своих притчах: «*Putredo in ossibus eius qui confusione res dignas gerit*» – «Гниют кости совершающего деяния, достойные стыда и смущения». «Гниют кости» – это внутренняя скорбь, она облегчает тяжесть последствий греховных деяний, которых человеку надлежит смущаться и стыдиться. Пророк Аввакум говорил: «*Ingrediatur putredo in ossibus mei*» – «Боль проникла в кости мои, то есть в сердечные пристрастия, и они не причастны более греху, и нечего мне стыдиться».

Третий путь, вводящий в нас сокрушение, – это низость греха, ибо грех делает человека омерзительно подлым. О низости греха, обращаясь к грешной душе, говорил пророк Иеремия: «*Quam vifis facta es, iterans vias tuas*» – «О, до чего же ты низка, когда каждый день воскрешаю в памяти пути твои!» О грешниках говорил псалмопевец: «*Corrupt! sunt, et abominabiles fact! Sunt in studiis suis*» – «Они тленны и омерзительны в занятиях своих, то есть в скверных делах, творимых с усердием».

Четвертый путь – это страх Божиего суда и вечной муки. Об этом говорил святой Петр: «*Impius et peccator ubi parebunt?*» – «Нечестивые и грешные где предстанут (словно хотел сказать: не будет им места, где достойно предстать пред гневным судьей) и смогут ли они вынести вечные невыносимые муки ада?» Вот пример: «Во Франции жил один богатый человек, любивший земные богатства и мирскую суету. Однажды он задумался, смогут ли через тысячу лет прекратиться мучения тех, кто осужден на муки ада? И сам себе ответил, что не смогут. Тогда он снова спросил сам у себя:

“А через восемьсот тысяч лет?” И вновь дал неутешительный ответ. Потом он подумал: “А через тысячу тысяч лет смогут ли освободиться грешники?” И снова сказал себе: “Нет, не смогут!” «А через столько лет, сколько капель в море?» И снова отвечал отрицательно. От таких мыслей он пришел в сильное волнение, сердце его преисполнилось скорбью, и он горько заплакал в глубоком сердечном сокрушении. Поразмыслив, он решил оставить суету этого мира и сказал: «Как глупы и как ничтожны люди: ради преходящих наслаждений в этом брэнном мире они обрекают себя на бесконечные муки в аду!»

Пятый путь, который вводит в нас сокрушение, — это скорбь от того, что теряем небесный райский град и наносим оскорбление Богу. Ибо надлежит его слушаться как Творца, почитать как Небесного Отца, любить как Ходатая и Спасителя, отдавшего за нас свою драгоценную кровь. Святой Петр и святой Иоанн говорили: «*Dilexit nos, et lavavit nos a peccatis nostris in sanguine sua*» — «Иисус Христос возлюбил нас и омыл грехи наши кровью своей». Размышление о том, что человек марает и пачкает срамотой своего греха очищенную и омытую кровью Христа душу, должно вводить в нас печаль и скорбь о грехе.

Шестой путь, вводящий в нас сокрушение, — это упование на отпущение грехов, на ниспослание благодати, ради которой избираем доброе, и на увенчание славой, к которой нас ведет Господь. О благодати и славе говорил псалмопевец: «*Gratiam et gloriam dabit Dominus*» — «Господь даст нам благодать и славу свою»⁴¹.

Выше всех путей, вводящих в нас совершенное и истинное сокрушение, вознесена горячая и преданная молитва, ибо только молением Господь ниспосылает в наше сердце дар сокрушения, а без усвоения благодати и милости Божией сокрушению не быть ни совершенным, ни истинным. Да и самое обретение сокрушения невозможно без особой благодати Божией; и вот, чтобы обрести его, человек возносит преданную молитву. Посему, всякий жаждущий благодати во имя спасения, приступи к молению и живи так, чтобы моление твое было достойным исполнения, а еще проси Господа, чтобы Он даровал тебе благодать жить в благодати и усердно молиться.

Трактат о смирении

Глава II, в которой рассказывается, сколько ступеней смирения существует

Теперь посмотрим, сколько видов смирения, или, правильнее сказать, сколько ступеней смирения существует и каковы они. В «Толковании» говорится о словах Иисуса, обращенных к Иоанну Крестителю: «Sic decet nos implero omnem iustitiam, idest omnem humilitatem»⁴² — «Совершенное смирение имеет три ступени». Первая ступень — это покоряться старшему и не возвышаться над равным. Вторая ступень — это покоряться равному и не возвышаться над меньшим. И третья ступень — это покоряться меньшему. Смирение первой ступени называется достаточным, ибо его достаёт для спасения; вторая ступень называется обильной, ибо даже превышает необходимое; третья ступень — чрезмерной, ибо не просто превышает необходимое, но и вообще означает, что большего смирения быть не может. Смирение третьей ступени явил народу Христос, когда опустил для крещения пред Иоанном Предтечей, ибо это означало покориться меньшему; это смирение — совершенное.

По-другому смирение разделяют на четыре ступени: *spernere mundum*, *spernere nullum*, *spernere sese*, *spernere se sperni* — презирать мирское, не презирать человека, презирать самого себя, презирать презрение к себе.

В «Правиле» святого Бенедикта⁴³ выделены двенадцать ступеней смирения, противопоставленных двенадцати ступеням гордыни. По разделению святого Бенедикта, первая ступень смирения — глазами и телом проявлять кротость, а взгляд устремлять долу — противостоит первой ступени гордыни, называемой любопытством, когда человек ходит с высоко поднятой головой и проявляет излишний интерес ко всему. Вторая ступень смирения — это говорить мало, рассудительно и негромко; в противоположность второй ступени гордыни — легкомыслию, когда человек болтает изрядно и произносит надменные слова. Третья ступень смирения — презирать громкий и беспричинный смех; в противоположность третьей ступени гордыни, позволяющей непристойно радоваться всему. Четвертая ступень смирения — молчание,

умение молчать, пока не спросят; в противоположность четвертой ступени гордыни — хвастовству, когда человек похвастается и болтает без надобности. Пятая ступень смирения — не выделяться среди других, придерживаясь общих правил жизнеповедения в монастыре; в противоположность пятой ступени гордыни — обособлению, когда человек стремится казаться лучше других и делает то, чего не делают другие. Шестая ступень смирения — постоянно помнить и говорить, что ты самый подлый человек; в противоположность шестой ступени гордыни — высокомерию, когда человек ставит себя выше других. Седьмая ступень — это говорить и верить, что ты существо бесполезное и недостойное; в противоположность седьмой ступени гордыни — самонадеянности, когда человек полагает себя приносящим пользу и достойным. Восьмая ступень смирения — это исповедание в грехах; в противоположность восьмой ступени гордыни — оправданию своих падений. Девятая ступень смирения — это в трудностях хвататься за покаяние; в противоположность девятой ступени гордыни, когда человек исповедуется в грехе не по простоте душевной и искренне, а лишь для того, чтобы избежать наказания, и при этом сам себя прощает. Десятая ступень — это послушание; в противоположность десятой ступени гордыни — строптивости, когда человек упорствует и не покоряется старшим. Одиннадцатая ступень смирения — это не испытывать удовольствия от своевольного действия; в противоположность одиннадцатой ступени гордыни — свободе, когда человек желает делать всё, что заблагорассудится. Двенадцатая ступень смирения — это боязнь Бога; в противоположность двенадцатой ступени гордыни — привычке грешить, когда человек попирает Бога и его заповеди⁴⁴.

Трактат о тщеславии

Глава IV, в которой говорится о том, каковы причины тщеславия и что вводит человека в этот порок

В четвертую очередь мы должны рассказать о том, что является причиной тщеславия и вводит человека в этот порок. В «Поликрате» сказано о пороке тщеславия: «Редко кто

не имеет пристрастия к тщеславию и не желает быть славимым от людей». В порок тщеславия люди впадают по нескольким причинам: одни превозносятся добродетелью или видимостью добродетели, другие превозносятся благами от судьбы, третьи — благами от рождения. Это и есть те три источника, в которых корень всякой людской похвалы и мирской славы — душа, тело, судьба.

Душа наделена как естественными, так и приобретенными благами (приобретение благ происходит вдуновением благодати святого Духа, упорным трудом либо усердным учением). Естественными благами души являются: светлый ум с тонким разумом, рассудок, свободная воля, крепкая и цепкая память и некоторые другие чувственные способности, единые для души и тела. Приобретенные блага души — это теологические и божественные добродетели, это добродетели ума и нравственности, это мудрость, наука и искусства.

Блага тела — это здоровье, сила, красота, благородство, свобода, радость; ловкость, проворность и стройность, благонаравие; это миловидность, изящество, обходительность, сильные чувства; это смелость, находчивость и осторожность; это усердие в учении, старательность и склонности к самым разным делам; это знание правил хорошего тона, приветливость и любезность, ласковость, веселость, статность и хорошее сложение; это красноречие, умение вести непринужденную беседу, говорить легко и красиво, мягким и полнозвучным голосом; это скромный взгляд и степенная походка; это все другие проявления прекрасных манер. Многие из перечисленных благ проистекают из добродетелей души и воплощаются в добродетелях тела, когда соприкасаются с внешним миром.

Блага судьбы — это явления внешнего мира, ни в нас, ни в нашей власти не соблюдаемые и потому против нашей воли каждодневно и внезапно теряемые. Это богатство, благополучие, положение, почести, чины, могущество, удовольствия, слава, милости, владения, друзья, поклонение, свита, богатая одежда, слуги; это изящная, честная, любящая, красивая, древнего рода и доброго имени жена и от нее много прекрасных чад; это великолепные дворцы с богатыми покоями, бескрайние уголья и сады. Есть люди, которые превозносятся

дорогими и красивыми книгами, богатыми одеждами, прекрасными статуями и великолепными картинами. Есть люди, которые превозносятся тем, что дают пышные обеды и накрывают столы драгоценными блюдами с дорогими кушаньями. Есть люди, которые превозносятся оружием и богатым выездом, лошадьми и кучерами. А есть и такие, которые превозносятся тем, что умеют свое дело хорошо начать и хорошо кончить или тем, что одержали славные победы над врагами и добились для себя мира и спокойствия. Вот так суетятся люди в низменном стремлении быть известными и славимыми за эти и за многие другие блага — все их перечислить понадобилось бы слишком много времени. <...>

Итак, мы рассказали о том, чем человеку свойственно величаться. Теперь следует сказать и о том, что не подобает человеку величаться перечисленными благами.

Глава V, в которой говорится о том, что человеку не подобает величаться перечисленными благами

В пятую очередь мы должны сказать о том, что человеку не подобает величаться перечисленными благами, поскольку из них проистекает и в них осуществляется грех тщеславия. Прежде всего, мы покажем общий вред этих благ, а затем рассмотрим некоторые из них в отдельности.

Человеку не подобает величаться благами души, поскольку не за наши заслуги, а по своей доброте Господь ими щедро одаряет людей. Хвалу и благодарность за милость и за щедрость возносят не тому, кто принимает, а тому, от кого они исходят. Об этом говорил святой Павел в одном из своих посланий: «*Quid habes quod non accepisti? Et si accepisti, quid gloriaris quasi non acceperis?*» — «О, человек, не получил ли ты то, что имеешь? А если получил, то зачем похваляешься, словно и не получал вовсе, а сам имел?» Размышляя об этих словах святого Павла, святой Бернард говорил: «Богу единому честь и слава! Человек, зачем ты жаждешь славы за победу, если ты не был в сражениях? Ты бесстыден, раз жаждешь славы без побед и стремишься присвоить победы без сражений!» И еще: «Если живешь в святости, помни, что Святой Дух есть святитель и животворитель. Если имеешь благодатное свойство проповедовать святое учение, не забывай прос-

тую истину: не ты говоришь, а Дух Святой. Если чудодействуешь, и эта добродетель — Божия». И о многих других благах подобно говорил святой Бернард. Эти блага Господь сотворяет в нас и для нас, ибо мы, смертные, не можем и не умеем сотворять благо, а можем и умеем только сквернить его. Святой Бернард свою мысль заключает такими словами: «Если славу или хвалу за свое благо ты принимаешь на себя, а не относишь их ко Господу, знай, что ты вор и мошенник! Дарителю благ надлежит воздавать славу и возвещать хвалу!». Вспомним еще раз слова святого Павла: «Soli Deo honor et gloria!» — «Богу единому честь и слава!» А святой пророк Исаия говорил так: «Nunquid gloriatur securis adversus eum qui secat in ea?» — «Величается ли секира пред тем, кто рубит ею?» Слово хотел сказать: «Нет, слава за добрый труд принадлежит мастеру, который искусно водит секирою!» Так и человек: он лишь орудие, которым Господь изготовляет всякое сущее благо, потому и слава — целиком главному мастеру. «Exclusa enim est gloriatio tua!» — «Заключена снаружи твоя слава!» — учил святой апостол Павел.

Человеку не подобает превозноситься и естественными благами, такими как память, ум, свободная воля и всеми другими, потому что не его заслуга в том, что он их имеет; а еще потому, что сами по себе эти блага ни добры, ни злы. Только находясь в добром или злом человеке, они направляются на добро или зло. Святой Бернард говорил: «Если человек имеет гибкий разум, светлый ум и крепкую память, он не должен ими похваляться, ибо они орудия как порока, так и добродетели».

Человеку не подобает превозноситься и благами, приобретенными постоянным упражнением или усердным занятием (а это науки, искусства и нравственные добродетели), по причинам, которые мы уже приводили или еще приведем. Святой Бернард⁴⁵ говорил: «Бог — владыка всех наук. В нем все сокровища мудрости и науки. Он — живой источник, из которого изливается все, что ни получает человек. Из Него изливается человеческое мастерство, праведность, добрая воля, светлый разум, красноречие, все остальные блага. Будешь верным рабом, если не оставишь на своих руках Господней славы, ибо она не исходит из тебя, а проходит через тебя,

если преданно произнесешь: “Не нам, Господин наш, не нам, но Имени Твоему — слава!”».

Не подобает человеку превозноситься и благами тела: здоровьем, красотой и силой. Как говорил Бозций, они так легко и так быстро могут исчезнуть. Трехдневный жар может их погубить или испортить. К тому же, блага тела почти всегда противоположны и даже враждебны добродетелям души.

Бессмысленно превозноситься и благами судьбы, которые находятся не внутри, но вне человека (богатства, почести, мирское могущество), ибо и они не принадлежат человеку. А как же! Хочет или не хочет человек, а они могут исчезнуть или потеряться! Правильно говорил Сенека: «Никто не должен похвастаться тем, что не его». О благах судьбы и о том, что они нам не принадлежат, говорил и святой Августин: «Ничего не может быть нашим, если против нашей воли может быть у нас отнято. Другому принадлежит то, чем ты плохо владеешь». И Сенека в одном из своих писем Луцилию писал, что внешние блага — не наши, и сами по себе не делают человека ни великим, ни достойным славы. Более того, Сенека называл эти блага обманом и надувательством.

О том, что в этом мире человеку не подобает величаться никаким благом, коротко и точно сказал пророк Исайя: «*Non gloriatur sapiens in sapientia sua, nec fortis in fortitudine sua, nec dives in divitiis suis*» — «Да не хвалится мудрый мудростью своею (о благах души), да не хвалится сильный силою своею (о благах тела), да не хвалится богатый богатствами своими (о благах судьбы)».

После рассказа о том, что не подобает величаться своими благами, особо следует сказать о тех благах, которыми чаще всего человек попирав от Господа Бога.

Трактат о науке

О второй науке, человеческой

Вторая наука — это наука человеческая. Ее можно понимать тремя способами: как науку, познающую предметы человеческие, как науку, найденную человеческим умом, как науку, благодаря которой люди знают то, что знают. И какой бы смысл мы ни вкладывали в слова «человеческая наука», ясно

одно: она безмерно ущербна и несовершенна. Даже философу Фемистию⁴⁶ пришлось признать, что человек знает ничтожную часть того, чего он не знает. Вся человеческая наука пронизана бесчисленными ошибками, так что, воистину, лучше не знать, чем знать! Даже Сократ⁴⁷, по словам святого Иеронима, сказал: «*Nos unum scio, quod nescio*» — «Я знаю одно, что ничего не знаю». Вторя ему, Лактанций⁴⁷ говорил: «Сократ сказал, что не знает ничего, кроме того, что ничего не знает».

Благодаря силе и свету природного разума человеческий ум научился отыскивать мельчайшие предметы, придавать им определенный порядок и строгое правило. И все это для того, чтобы уметь говорить, уметь делать или уметь воображать. В соответствии с разнообразием предметов и с правилом, им установленным, человек дал имена наукам и искусствам. Среди этого разнообразия выделяются семь основных искусств или же семь свободных наук: грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия, музыка и астрология. Об этих искусствах и о людях, их открывших, можно было бы сказать еще немало хороших и добрых слов, но нам нужно еще столько рассказать о многих полезных вещах! Не следует оставлять полезное ради приятного! Поэтому, а также чтобы не удлиннять безмерно нашу книгу рассуждениями о человеческой науке, мы скажем только вот что: наука человеческая несовершенна и ущербна, в ней много темных мест и неясностей. Поэтому человеку не следует величаться этой наукой. Лучше прислушаться к словам Соломона: «*Qui addit scientiam, addit et dolorem*» — «Кто умножает знания, умножает скорбь и страдание. Потому что, кто больше знает, тому больше нужно, тот большой груз на себя взваливает и больше познает такого, от чего одна только скорбь и одно страдание.

Итальянский гуманизм эпохи Возрождения.

Сборник текстов. Ч. II / Пер. В. В. Полева. Саратов, 1988. С. 134–151.

ЕКАТЕРИНА СИЕНСКАЯ

Екатерина Сиенская (1347–1380) была родом из итальянского города Сиены, дочь красильщика. Ее семья жила в доме, находившемся рядом с женской обителью Св. Доминика. Еще

девочкой она проявляла особую набожность и благочестие и поражала окружающих аскетическим рвением. В 14 лет Екатерина вступила в общину «кающихся сестер Св. Доминика», которая жила по очень строгому монастырскому уставу. Склонная к аскетизму Екатерина, как Невеста Христова, вела затворническую жизнь в келье в молитвах и постах, трижды в день занималась самобичеванием. В своих видениях она представляла, будто бы пила молоко из груди Девы Марии и кровь из ран Христа. Ее духовником стал доминиканский монах Реймондо, он оказал большое влияние на аскетически настроенную монахиню, подвигнув ее к широкой пропаганде аскетической морали. Будучи уже в возрасте 30 лет Екатерина научилась грамоте и начала сочинять проповеди и письма с призывами к полному отрешению от мирских чувств и дел, отказу от любви к миру. Вместо этого Екатерина предлагала избрать путь спасения через грубое поношение, испытание жаждой, голодом, нищетой и страданиями.

Письма Екатерины были обращены к Папе, кардиналам, монахам и светским лицам. Она была замечена, приглашена в Рим и несколько лет служила при дворе Папы.

По церковной традиции, Екатерина умерла от истощения во время длительных, тяжелых постов и изнуряющих молитвенных бдений. В XV в. она была канонизирована Церковью. «Житие Екатерины» написал ее духовник Раймондо.

В истории подвижников Католической Церкви образ святой Екатерины является примером величайшей святости, беспредельного страха в сердце, полного отрешения от бренного тела ради единственной цели — спасения души, ищущей умиротворения только в Боге.

Письмо монне Бьянкине Салимбени (№ 3)⁴⁹

(Т. 2. С. 25–28)

Именем распятого Христа и сладчайшей девы Марии. Дражайшая мать во Христе сладчайшем Иисусе! Я, Катарина, раба и ничтожнейшая из рабов Иисуса Христа, пишу Вам, помня о его драгоценной крови, с желанием видеть Вас, сбросившей со своего сердца и мирские одежды чувств, и себя самое, потому что иначе Вы не сможете облечься в одежды

распятого Христа (Римл., 13, 14)⁵⁰. Ибо между миром и Богом нет ничего общего (Римл., 12, 2): беспорядочное чувство любви к миру ведет к гордыне, а Бог предпочитает смирение⁵¹. Мир ищет почестей, положения, богатства, всеблагой Бог Христос их презирает, предпочитая поношение, грубое обращение, жажду, голод, бесконечный зной и подобное этому, вплоть до бесчестия на Кресте...

Мир ищет удовольствия в творениях⁵², не заботясь о том, что это неуютно Творцу; а Христос не стремится ни к чему иному, кроме как к послушанию Отцу вечному ради нашего спасения (Фил., 2, 8). Христос предпочел облачиться в одежды добровольной нищеты, а мир ищет больших богатств. Поэтому одно совершенно отделено от другого; и совершенно ясно, что, если сердце скинет божье одеяние, то оно облачится в мирское. Так сказал наш Спаситель: «Никто не может служить двум господам. Ибо одному станет усердствовать, а другому не радеть» (Мф., 6, 24). Поэтому, не медля ни минуты, мы должны отвлечь свое сердце и чувства от этой тирании мира и обратить их к Богу совершенно свободно и искренне, без всяких колебаний; и не раздваиваться и не лицемерить в любви.

Слишком большая глупость и безрассудство наше в том, что мы, будто слепцы, не ведаем страха в сердце⁵³, надеясь на время, которое имеем, не будучи уверенными, что оно есть. Знаем, что Бог нас видит и, как справедливый судья, наказывает всякую вину и вознаграждает всякое добро; но мы всегда за что-нибудь цепляемся. Бог отрубит одну ветку, мы сразу хватаемся за другую. Более всего мы боимся потерять преходящие вещи, которые улетают как ветер; увы, мы больше боимся потерять творения, чем Творца. Все это происходит из-за беспорядочной любви, которая гнездится в нас: мы удерживаем ее в себе и подчиняемся ей вопреки воле Бога.

Из-за беспорядочной любви мы в этой жизни словно уже начинаем погружаться в ад: потому что Бог предусмотрел, чтобы тот, кто беспорядочно любит, стал невыносим самому себе. В нем всегда идет война между душой и телом. Он наказан тем, что имеет имущество и боится его потерять; тем, что работает день и ночь для сохранения того, что имеет, и для его приумножения. Он наказан и тем, чего не имеет, потому что жаждет иметь и страдает, не получая желаемого.

Так, его душа никогда не бывает спокойна среди этих мирских вещей, потому что они меньше, чем сама душа. Они сотворены ради нас, а не мы ради них; мы же сотворены для Бога, чтобы наслаждаться его высшим и вечным добром. Потому что только Бог может насытить душу: в нем она умиротворяется, и в нем отдыхает; потому что она никакой вещи не может ни хотеть, ни желать, которую не нашла бы в Боге. Она находит Бога, в нем — мудрость, которая направляет к вещам, служащим для спасения.

Поэтому душа умиротворяется в Боге и ни в чем другом: ведь Он — высшее богатство, высшая власть, высшее добро, высшая красота. Он умеет, может и хочет насытить душу и исполнить святые желания того, кто вознамерится сбросить с себя груз мирских одежд и облачиться в одежды Христа (Кол., 3, 10)⁵⁴.

Дражайшая мать! Я не хочу, чтобы мы продолжали дремать, но призываю пробудиться от сна (Римл., 13, II): потому что время наше приближается к вечной смерти. Я хочу, чтобы мы только пользовались преходящими и временными вещами и всем, что сотворено, любя их и владея ими, как чем-то данным во временное пользование, а не в собственность. Если вы будете делать так, то сможете обрести чувство любви к Богу, иначе — нет.

Поверьте мне, другой дороги нет. Я повторяю, что хочу видеть сердце и чувства Ваши сбросившими груз мирских одежд. Мне кажется, что и Бог постоянно призывает Вас к этому.

Письмо к конвенту монастыря Пассиньяно
Валле Омброза (№ 67)
(Т. 3. С. 392–395)

Дражайшие братья и дети во Христе, сладчайшем Иисусе! Я, Катарина, раба и ничтожнейшая из рабов божиих, пишу вам, помня о драгоценной крови Христа; с желанием видеть вас в саду святой веры цветами благоуханными, а не зловонными.

Знайτε же, дети дражайшие, что цветок зловонный, дурной запах которого оскорбляет и Бога, и ангелов, и людей — это

тот монах, который идет против религиозного обычая, рожденного святой верой; и тогда он живет похотливо, с беспорядочными устремлениями, с раздражением относится к порядкам монашеского ордена⁵⁵.

Подобный человек заслуживает осуждения: он ведет себя самого к вечной смерти, то есть к вечным мукам ада. Стремясь к мирским богатствам, он впадает в нищету; мечтая о почестях — бесчестит себя; он желает чувственных наслаждений, возлюбив лишь себя самого и забыв о любви к богу, и тем самым ненавидит себя; желает он насытиться наслаждениями и удовольствиями мира и остается голодным, умирая от голода.

Потому что не могут насытить душу все сотворенные вещи, все удовольствия и наслаждения мира; ведь эти сотворенные вещи созданы для разумной твари, а сама тварь — для Творца.

Подобного не делают цветы благоуханные, то есть истинные монахи, блюстители порядков Ордена, а не нарушители; и потому они скорее предпочтут умереть, чем когда-либо покинуть его. Итак, повторяю, истинные монахи, каковыми и обязаны быть вы, дети мои, соблюдают порядки своего Ордена: никогда не испытывают желаний преступить через обет послушания ему и не ставят под сомнение волю того, кто стоит над ними, но просто подчиняются.

И это знак истинного смирения; потому что оно всегда послушно, а послушный всегда смирен. Послушный всегда смирен, потому что он уничтожил в себе извращенную волю⁵⁶, которая делает человека гордым.

Смиренный послушен, потому что ради любви к богу отказался от собственной воли, утопил ее, уничтожил тем самым ее иго над собой. Иными словами, он с корнем вырвал из души ее мятежную и чувственную часть, которая игом своей воли стремится противиться своему создателю. Он добровольно подчинил себя божьему произволу и игу святого послушания.

Поэтому смиренный пренебрегает богатствами, от которых собственная воля черпает гордыню, стремится к истинной и святой нищете. Ведь он видит, что добровольная бедность в этом мире обогащает душу и освобождает ее от рабства; она делает человека добродетельным и кротким, отвращает от

пустой веры в то, что можно возлагать надежды на преходящие вещи, и дает ему живую веру и истинную надежду. Он надеется на своего Создателя, а не на себя⁵⁷: ради Христа распятого он все переносит (I Кор., 13, 7). Он хорошо знает, что тот проклят, кто доверяет человеку (Иер., 17, 5), поэтому возлагает свою надежду и веру на Бога и на истинную и праведную добродетель. Он с большой радостью переносит страдания, оскорбления, насмешки, дурное обращение.

Вы понимаете, что из любви к истинному богатству он презирает пустые богатства мира и ищет бедности, желая видеть ее своей невестой во имя любви к распятому Христу, вся жизнь которого была ни чем иным как бедностью. И как нам указано, он избрал и возлюбил нищету, дабы поучать нас, несчастных и невежественных.

Мало-помалу монах и в остальном следует истинному воздержанию, поскольку тот, кто смирен и послушен, презирает богатства и мир со всеми его удовольствиями, предпочитает бедность и простую жизнь, находит удовольствие в душеспасительных беседах и в святой молитве; он сразу становится воздержанным, поскольку теперь он не только отмывается от грязи плоти, но даже мысль о ней становится ему в тягость, и он очищает самого себя; он понимает, что ему вредны беседы с развратными и падшими людьми, а еще больше — дружба и разговоры с женщинами, которых он бежит как ядовитых змей.

Он жаждет бесед о Святом Кресте и учится их вести со всеми теми рабами божьими, которые истинно любят распятого Христа. Он никогда не насытится песнопениями и молитвами и никогда от них не устанет, поскольку понимает, что они, словно мать, дарящая нам молоко Божественной сладости и кормящая грудью своих детей добродетели. И он получает от этого удовольствие. Бдения и молитва объединяют его душу с Богом, украшают его чистотой, дарят ему совершенную мудрость истинного познания самого себя⁵⁸ и доброты Бога в себе. Одним словом, дражайшие дети, он находит в святой молитве все сокровища и удовольствия, которых душа может жаждать в этой жизни.

Такие люди являются цветами благоуханными, радующими своим благовоением бога, ангелов и людей. И потому ради

любви к распятому Христу я взываю к вам: если вы до сегодняшнего дня делали противное, прекратите это и положите конец всему недозволенному. Представьте себе, будто вы — новички-послушники и будто бы только сейчас заново и с большим почтением соединяетесь с мистическим телом святой веры. Бог сделал вас достойными пребывать в евангельском состоянии. Не возжелайте же вернуться к мирскому; ведь мирянам дадено лишь обычное греховное состояние. Вы же пребываете в совершенном. И если вы откажетесь от своего особого состояния, то вернетесь не просто в мирское, но в гораздо худшее — хуже, чем состояние самых мерзких животных.

Итак, дети мои, омойтесь в крови распятого Христа; эта кровь укрепит вашу душу и снимет все ваши слабости. Беседуйте в ваших кельях о Божественном, находите наслаждение в церковном пении, будьте послушны, бегите общения с развратными людьми, усердствуйте в молитве и в бдении. И это все. Оставайтесь в святой и сладостной любви к Богу.

Письмо монне Коррадо (№ 247)

(Т. 3. С. 415–418)

<...> Благочестивая женщина любит в себе рассудок и Бога и ненавидит чувственность, которая стремится к беспорядочному наслаждению земным миром. Эта чувственность либо наслаждается своим положением и богатством, либо, основываясь на своем разумении, получает большее удовольствие от тварей, чем от Творца. Благочестивая женщина ненавидит удовольствия и наслаждения мира и всякую волю.

А сказанное выше относится к тем, кто беспорядочно и слишком чувственной любовью любит своих детей, или мужа своего, или мать свою, или отца. Эта любовь вырастает в препятствие, отгораживающее душу от Бога и не позволяющее до конца познать истину настоящей и высшей любви. Сказала же первая и сладостная Истина, то есть Христос: «Кто не оставит отца и мать, сестру и брата, и себя самое, не будет достоин меня» (Мф., 10, 37).

Истинные рабы Божьи всецело освобождают и сердца, и чувства, и души свои от мира с его великолепием и удоволь-

ствиями, и от всех тварей вне Бога; это не значит, что они не любят созданий Божиих, но любят их только ради Бога, поскольку эти создания беспредельно любимы самим создателем. Они ненавидят чувственность, восстающую в них против Бога. В них душа перестает скорбеть и волноваться относительно происходящего вокруг, познав, что все делается по провидению Божию и с величайшей любовью, <...> что не стоит беспокоиться ни из-за чего, творящегося вокруг, поскольку все случается по велению Божьему. И тогда душа сразу становится садом, полным благоухающих цветов святого желания; а в центре посажено дерево Святейшего Креста, под которым спит непорочный агнец, источающий кровь и увлажняющий сладостный и славный сад⁵⁹, и собирает он зрелые плоды истинных и праведных добродетелей <...>

Душа воспаряет над миром, поскольку презирает его. К такой душе, горящей Божественным милосердием, демоны даже не приблизятся.

Итак, дражайшая мать, я не хочу, чтобы Вы продолжали пребывать во сне непростительной нерадивости и чувственной любви; поднимитесь до чувства беспредельной и горячей любви к Богу, омойтесь кровью Христа, укройтесь в его ранах. Скажите и Коррадо, чтобы он поступил подобным образом.

Итальянский гуманизм эпохи Возрождения.

Сборник текстов. Ч. II / Пер. Н. И. Девятайкиной. Саратов, 1988. С. 130–134.

РАЗДЕЛ III

ХРИСТИАНСКАЯ ДУХОВНОСТЬ И НАРОДНАЯ РЕЛИГИЯ

ФОМА КЕМПИЙСКИЙ

Фома Кемпийский (около 1380–1471) – каноник, августинец, родом из Кемпена (около Дюссельдорфа). Жил в монастыре и занимался перепиской рукописей, богослужебных книг, проповедей, теологических трактатов, составлением биографий. Его труд свидетельствует о высокой интеллектуальной культуре западноевропейских монастырей, чистой набожности и религиозном рвении не только этого монаха, но и почитателей его таланта церковного писателя. Книга «О подражании Христу» стала широко известна уже в 1418 г., ее автор, возможно, следуя принципу монашеского смирения, себя в ней не называет. Поэтому авторство Фомы Кемпийского до сих пор остается под сомнением. Книга была очень популярной не только в середине XV в., но и позже. Она является наставлением в христианской вере, дает душе истинного христианина утешение и вдохновение в принятии и глубоком понимании Божественных истин.

О подражании христу

КНИГА ПЕРВАЯ

Наставления, полезные для духовной жизни

Глава I. О подражании Христу и о презрении к миру и суете его

1. Кто последует за Мною, – говорит Христос, наш Спаситель, – тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни. Такими словами призывает нас Иисус Христос сле-

довать учению Его и подражать жизни Его, и если мы воистину хотим просветиться и избавиться от слепоты духовной, следует посвятить все духовные поиски свои созерцанию жизни и святого учения Иисуса Христа.

2. Учение Иисуса Христа превосходит все учения святых, и кто откроет в себе Дух Его, найдет в учении Его Манну сокровенную. Но со многими бывает так, что хотя и слышат они часто (слова) Евангелия, однако обнаруживают мало желаний (постичь услышанное), ибо не имеют в себе Духа Христова. Посему тот, кто хочет уразуметь спасительные слова Христа во всей их полноте, должен стремиться к тому, чтобы жизнь свою сообразовывать с жизнью Христа.

3. Что пользы тебе рассуждать глубокомысленно о Троице, если нет в тебе смирения, и этим не угоден ты Троице? Истинно, не высокие слова делают человека святым и праведным, а жизнь праведная делает его угодным Богу. Лучше предаваться раскаянию (за грехи свои), чем знать лишь определение того, что такое раскаяние. Если знаешь всю Библию наизусть и все изречения всех философов, что пользы тебе от этого, если нет в тебе благодати, милосердия и любви? Суета сует, — все суета, за исключением любви к Богу и служения Ему Одному. Высочайшая мудрость состоит в том, чтобы через презрение к миру приближаться к Царствию Небесному.

4. Поэтому искать себе тленных сокровищ на земле и возлагать на них надежды — суета. Суета — гоняться за почестями и стремиться к высокому положению. Суета — отдаваться похотям плоти и желать того, за что придется нести тяжкое наказание. Суета — желать долгой жизни и мало заботиться о жизни праведной. Суета — беспокоиться о сиюминутном и не думать о том, что грядет. Суета — иметь пристрастие к тому, что преходяще, и не стремиться туда, где пребывает радость вечная.

5. Почаще вспоминай, что сказано: глаз не может удивляться тем, что видит, а ухо тем, что слышит. Посему, постарайся отвлечь сердце свое от любви к тому, что видимо, и направить его к тому, что незримо. Ибо тот, кто подчинен своим чувственным желаниям, оскверняет совесть и лишается благодати Божьей.

Глава II. О смиренном знании себя самого

1. Всякий человек желает обладать знанием, но много ли значит знание без страха Божия? Смиранный землепашец, слуга Божий, несомненно, стоит выше, чем горделивый философ, который, не познав самого себя, отдается изучению хода небесных светил. Тот, кто знает себя хорошо, противен себе в своих собственных глазах, и не радуют его пустые похвалы человеческие. Если бы я знал обо всем в этом мире, но не имел бы любви, что пользы мне от этого (знания) перед Богом, который будет судить меня по делам моим?

2. Отступись от неуемного желания (достичь) многого знания, ибо в нем много смятения и обмана. Те, кто (много) знают, жаждут быть на виду и слыть мудрецами. Много есть такого знания, которое приносит мало, а то и вовсе никакой пользы душе, и неразумен тот, кто занимается всяким делом, но не тем, что послужит его спасению. Множеством слов не насытитесь душа, а мысль очищается благой жизнью, и чистая совесть дает твердое упование на милость Божию.

3. Чем больше и глубже твои знания, тем строже судим будешь, если живешь не свято. Не превозносись оттого, что владеешь каким-либо искусством или знанием, а скорее страшись знания, данного тебе. Но если кажется тебе, что ты знаешь многое и имеешь какое-то разумение, помни: того, чего ты не знаешь, несравненно больше. Не считай себя знатоком возвышенного, а лучше признай свое невежество. Отчего кичишься перед другими (своей ученостью), ведь найдется (всегда) множество людей, которые учение тебя и искуснее тебя в Законе (Божьем)? Если хочешь что-либо знать или чему-нибудь с пользой научиться, научись сначала оставаться неизвестным и неприметным.

4. Высшее и самое полезное знание — знать о себе всю правду и презирать себя. Не превозносить себя, а думать о других только хорошее и возвышенное — вот великая мудрость и великое совершенство. Если видишь, что другой грешит или совершил черное дело, не думай, что ты лучше его, ибо не знаешь, долго ли сам будешь оставаться в праведности. Все мы слабы и бранны, и не считай, что кто-то слабее тебя.

Глава III. О научении истине

1. Блажен тот, кого истина учит не преходящими образами и звуками, а сама собою, (показывая, какова она есть). Наши мнения и наши чувства часто обманывают нас и (не позволяют) видеть ясно. Что пользы раздумывать о тайном и темном, о котором не спросят в Судный День: почему пренебрег этим? Великое безумие тратить столько усилий в погоне за любопытным и предосудительным, забывая о полезном и нужном. (Поистине), глаза имеем, но не видим.

2. И что пользы нам от многообразия всего в этом мире? Тот, кому дано Слово вечное, свободен от мнений, (разнящихся между собой). Все происходит от Слова, все объявляет нам об одном: вот Первоначало, обращающееся к нам. Без него нельзя ничего понять, нельзя ни о чем составить верного суждения. Тот, для кого все суть Единое, тот, кто приводит все к Единому и все видит в Едином, может быть постоянен в сердце своем и умиротворен в Боге. О Боже Истины, сделай так, чтобы я был един с Тобою в непреходящей любви! Часто, когда я (что-либо) читаю или слышу, меня охватывает скука, (ибо только) в Тебе, (Боже), заключено все, к чему я стремлюсь и чего желаю. Да умолкнут все ученые, да приутихнут все сущие перед лицом Твоим, — один Ты говори со мной.

3. Чем больше человек внутренне укрепится и чем больше он будет внутренне прост, тем глубже и тем легче он постигнет высокие тайны, ибо получит свыше свет разумения. (Человек), душа которого чиста, непорочна и не подвержена сомнениям, не тратит сил попусту на дела суетные, ибо все свои деяния он вершит во славу Божью; (такой человек) не ищет благ для себя. Что более всего мешает тебе и мучает тебя? Твои необузданные желания. Добродетельный и благочестивый человек готовит себя внутренне к тому, что он намерен совершить вовне, и дела его чисты от порока и подчинены суду праведных намерений и разума. Кому приходится вести самую тяжкую борьбу? Тому, кто стремится превозмочь себя. Нашим насущным делом должно стать стремление побеждать себя и оттого становиться сильнее и лучше.

4. Никакое совершенство в этом мире не обходится без доли несовершенства, и никакое размышление не свободно

от некоторой непроясненности. Смирненное познание самого себя — более верный путь к Богу, чем глубокие научные поиски. Не следует осуждать науку или какое-либо знание, (ведь) знание само по себе есть добро и предписано Богом, но знанию следует предпочитать чистую совесть и добродетельную жизнь. Но поскольку люди часто предпочитают знание добродетельной жизни, они часто заблуждаются, и жизнь их дает мало или вовсе никаких плодов.

5. О, если бы люди стремились к искоренению пороков и насаждению добродетелей так же настойчиво, как они стремятся к обсуждению всяческих любопытных вещей! Тогда бы не было столько зла и безобразий в народе, не было бы такой распушенности среди монастырской братии. Ведь когда придет Судный День, у нас не спросят, что мы читали, но спросят нас, что мы сделали; не спросят нас, хорошо ли мы умели излагать (свои мысли), а спросят нас, жили ли мы по вере. А теперь скажи мне, где ныне все те книжники и ученые, которые, как тебе известно, преуспевали в своей учености? Уже другие заняли их места, и не думаю, что помнят о них. Пока они были живы, их почитали, а теперь даже и не вспоминают.

6. О, как быстро проходит слава в этом мире! Боже, если бы жизнь человека соответствовала их учености, вот тогда бы они поистине обладали достойным знанием! Как много тех, кто губит себя в этом мире суетной ученостью, и мало тех, кто заботится о служении Богу! Они хотели бы стать великими, а не смиренными, и оттого растворяются в своих мудрствованиях (без следа). Истинно велик тот, кто имеет великую любовь. Истинно велик тот, кто мал в своих собственных глазах и ни во что не ставит высочайшие почести. Истинно мудр тот, кто все земное почитает за прах и тлен, чтобы обрести Христа. Истинно учен тот, кто поступает по воле Божьей и отрекается от воли своей.

Глава IV. О благоразумии в деяниях

1. Не следует верить всякому слову и всякому наущению, а следует тщательно и не спеша все обдумать и действовать согласно Божьим (установлениям). Увы, по слабости своей мы часто говорим и думаем о других злое, а не доброе. Но

совершенные мужи не легковверны и не доверяют всему тому, (что слышат), ибо знают, что человек в немощи своей склонен ко злу и ложным и неправедным словам.

2. Великая мудрость состоит в том, чтобы действовать неспешно и не ограничиваться своим собственным разумением. И мудро также не верить всяким рассказам, а если услышал и поверил, не передавать тотчас другим. Советуйся с мудрым и рассудительным человеком; ищи тех, кто лучше тебя, чтобы испросить у них совета, а не следовать своим собственным побуждениям. Добродетельная жизнь делает человека мудрым и многоопытным. Чем больше смирения в человеке, тем больше в нем мудрости и спокойствия.

Глава V. О чтении Писания

1. В Священном Писании следует искать истины, а не красоты слога. Писание надлежит читать, пребывая в том же состоянии духа, в котором оно было написано. Мы должны искать в Писании пользы, а не тонкостей изложения. Нам следует читать простые и благочестивые книги так же охотно, как мы читаем высокоученые и возвышенные. Не прельщайся авторитетом того, кто писал, и неважно, обладает ли он большим или малым разумением; пусть влечет тебя к чтению одна лишь любовь к чистой истине. Не спрашивай: кто сказал (это), а внимай тому, что сказано.

2. Люди преходящи, но истина Господня пребывает вовеки. Бог обращается к нам различными способами, невзирая на лица. Наше любопытство часто мешает нам в чтении Священного Писания, когда мы начинаем рассуждать о том и обсуждать то, что следует принять так, как оно есть. Если хочешь извлечь пользу, читай (Писание) в смирении, простоте и вере и не стремись к тому, чтобы прослыть знающим. Расспрашивай с охотой и слушай в молчании слова святых; не пренебрегай притчами ветхих (Отцов), ибо рассказаны они были не без причины.

Глава VI. О неумеренных желаниях

1. Как только человек начинает неумеренно желать чего-либо, его сразу охватывает беспокойство. Гордые и жадные не имеют покоя, бедные и смиренные духом пребыва-

ют в спокойствии и умиротворении, которые сами по себе и есть благо. Человек, который еще не полностью укротил свои чувства, легко подвержен мелким и презренным искушениям. Тому, кто слаб духом, устремлен к плотскому и привержен к чувственному, весьма трудно оторваться от земных пристрастий, и поэтому когда он пытается избавиться от них, то часто впадает в печаль и негодует на тех, кто ему перечит.

2. А если он получает то, чего так желал, его тут же начинают мучить угрызения совести, ибо он пошел на поводу у страсти своей, а страсть (никогда) не может дать ему мира и успокоения, которых он так искал. Итак, именно в противлении страстям, а не в подчинении им, обретается истинное успокоение сердца. Нет умиротворения ни в сердце плотского человека, ни в сердце того, кто предан внешнему (миру), а пребывает оно в сердце человека, исполненного духовного рвения.

Глава VIII. О том, чтобы избегать слишком близкого общения

1. Не открывай всякому человеку сердца твоего, но обсуди свои дела с мудрым и богобоязненным. Старайся избегать общения с молодыми людьми и с незнакомцами; не льсти богатым и не напрашивайся к вельможам. Окружай себя смиренными и простыми, благочестивыми и благонравными и беседуй с ними о назидательном. Не сходи близко ни с одной женщиной, но всех добродетельных женщин хвали перед Богом. Стремись быть близок лишь к Богу и ангелам Его, а близости людей избегай.

2. Любовь следует иметь ко всем, но нет никакой нужды иметь близкое общение (с людьми). Иногда случается так, что о каком-нибудь человеке, пока с ним не сведено близкое знакомство, идет добрая молва, однако стоит ему явиться перед нами, слава его тут же меркнет в наших глазах. Иногда мы полагаем, что своим присутствием (и беседой) внушим к себе расположение, но оказывается, что, напротив, мы становимся неприятны другим, когда в нас замечают недостатки и предосудительное поведение.

Глава IX. О послушании и подчинении

1. Пребывать в послушании, жить в подчинении и не быть хозяином самому себе — тяжело это, но достойно. Гораздо спокойнее подчиняться, чем начальствовать. Многие пребывают в повиновении скорее по необходимости, чем по любви; такие люди тяжело из-за этого страдают и ропщут; они не обретут свободу духа до тех пор, пока, во имя Бога, не подчинятся полностью. Можешь искать покой и здесь, и там, но найдешь его только в смиренном подчинении своему прелату. Многие обманулись, предаваясь мечтам и страсти к перемене мест.

2. Известно, что человек более склонен к тому, чтобы поступать по своему разумению, и влечет каждого более к тем, кто разделяет его взгляды и чувства. Но если с нами Христос, тогда, ради достижения мира и блага, необходимо оставить нам все свои собственные суждения. Кто из людей обладает достаточной мудростью, чтобы знать все? Никто. Посему не слишком доверяй своему разумению, а прислушивайся с готовностью к мнению других. Даже если намерения твои благие, но ты оставишь их ради (любви к) Богу и последуешь разумным предписаниям других, то будет тебе от этого большая польза.

3. Мне часто приходилось слышать, что внимать советам — дело более верное, чем давать их. Бывает, что и собственное суждение вполне разумно, однако не соглашаться с чужим мнением, когда того требует здравомыслие, — признак гордости или упрямства.

Глава XIII. О сопротивлении искушениям

1. Покуда мы живем в этом мире, мы всегда будем подвергаться искушению. Вот почему в Книге Иова сказано, что жизнь человеческая на земле есть искушение. Каждый человек должен остерегаться искушений и недреманно молиться, чтобы дьявол не нашел лазейки для оболщания, ведь враг рода человеческого не дремлет и рыщет в поисках того, кого можно было бы поглотить. Нет на земле такого совершенного и святого человека, который бы никогда не подвергался искушениям, и освободиться от них полностью нам не дано.

2. Однако же часто получается так, что искушения идут на пользу людям, хотя и тягостны они и мучительны. Борясь с искушениями, человек смиряется, очищается и научается. Все святые шли к духовному усовершенствованию через множество горестей и искушений. Те же, кто не смог преодолеть искушений, отпали от праведности и были низвергнуты в геенну. Нет такого места, сколь бы святым и уединенным оно ни было, в котором человек не подвергался бы искушениям и напастьям.

3. Нет человека в здешнем мире, который был бы на чисто лишен искушений. Источник искушений — в нас самих, ибо рождены мы в похоти. Как только избавимся мы от одного искушения или напасти, приходит другое, и нам постоянно приходится что-нибудь претерпевать. (А происходит это по причине того, что) потеряли мы блаженство первоначального состояния. Многие пытаются избежать искушений, и от этого еще глубже падение их. Одним лишь бегством нам не достичь победы, а вот благодаря терпению и истинному смирению мы можем стать сильнее любых врагов наших.

4. Не преуспеть тому, кто избегает лишь внешних проявлений искушений и не вырывает корень (этих искушений) в борении с ними; напротив, искушения тут же возвратятся к нему и будут мучить его еще сильнее, чем прежде. Искушения преодолеешь с помощью Божьей, терпением и твердостью, а не усилием (воли) и бурным порывом. Когда искушение одолевает тебя, прислушайся чаще к совету и не будь суров с теми, кто сам подвергается искушению, а давай утешение, какое и сам бы хотел получить.

5. Причиной всех злых искушений является непостоянство духа недостаток упования на Бога. Подобно тому, как судно без руля и ветрил находится во власти волн, так и человек непостоянный, легко оставляющий свои праведные намерения, подвергается множеству искушений. Железо испытывают огнем, а праведного человека — искушением. Часто мы сами не знаем, на что способны, а искушение показывает, чего мы стоим. Следует постоянно быть начеку, особенно в то время, когда искушение лишь начинается, ибо

тогда врага победить всего легче; как только он постучится во врата сердца твоего, его можно отразить, не пустив вовнутрь. Вот почему сказано: пекись о лечении в самом начале болезни, ибо потом врачевать будет поздно. Сначала приходит на ум (неправедная) мысль, потом распаляется воображение, затем (следуют) пакостные побуждения, услаждение и, наконец, полное приятие. Вот так, мало-помалу, враг лукавый, если ему не противодействовать сразу, полностью проникает в душу. И чем больше человек медлит с противодействием ему, тем слабее с каждым днем становится он, а враг, наоборот, все сильнее.

6. Одни претерпевают больше всего искушений в начале своего обращения, а другие в конце. Есть и такие, которые страдают от искушений всю жизнь. Много есть и таких, которые подвергаются малому искушению, и все это происходит по мудрому и справедливому промыслу Божьему. Бог знает (внутреннее) состояние и достоинства каждого человека и приготовляет все для спасения избранных Своих.

7. Посему, будучи одолеваемы искушениями, мы не должны терять надежды, а должны горячо молить Бога, чтобы он, по милости Своей, помогал нам во всех наших злосчастиях. Бог, по словам апостола Павла, допустит лишь такое искушение, которое пойдет нам на пользу, и которое мы сможем перенести. Итак, смирим во всех искушениях и испытаниях души свои и вверимся в руки Божьи, ибо спасет Он и вознесет смиренных духом.

8. В искушениях и напастьях испытывается человек и выясняется, насколько преуспел он в (духовном) совершенствовании; в преодолении их достоинства человека и добродетели его открываются полнее. Нет особой заслуги в том, чтобы быть благоговейным и ревностным тогда, когда ничто тебе не мешает.

9. Но если, подвергаясь напасти, человек проявляет терпение, есть надежда, что преуспеет он в (духовном) совершенствовании. Некоторые могут устоять против великих искушений, но ежедневно поддаются малым; увидев, как легко одолевают их малые искушения, они, в дальнейшем сталкиваясь с тяжкими искушениями, уже не полагаются на самих себя, (а уповают на Бога).

Глава XV. О деяниях любви

1. Не твори зла ни ради чего бы то ни было земного, ни ради любви человеческой. Иногда, если есть в том потребность, можно отложить и хорошее дело или превратить его в еще лучшее, ибо хорошее дело от этого не гибнет, а превращается в еще лучшее. Без любви внешнее деяние никому не идет во благо, но то, что делается по любви, пусть малое или совсем незаметное, всегда будет полезным. Важно для Бога не то, сколько человек делает, а то, как он это делает.

2. Тот может много свершить, кто имеет любовь великую. Тот много делает, кто делает это хорошо. Много делает и хорошо делает тот, кто служит общему (благу) более, чем своим желанием. Часто кажется: вот любовь, а на самом деле — похоть; редко деяния наши свободны от плотских влечений, собственных пристрастий, страха возмездия, стремления к собственной выгоде.

3. Имеющий любовь истинную и совершенную ничего для себя не ищет, но желает, чтобы во всем проявлялась слава Божья. Имеющий такую любовь никому не завидует, ибо не ищет никакой отдельной для себя улады и не стремится радоваться в самом себе, а превыше всего полагает блаженство в Боге. (Имеющий такую любовь) никому не приписывает что-либо доброе, а относит все доброе во всей его полноте Богу, от которого происходит все изначально и в котором все святые находят радость и завершение. О, если бы люди имели в себе хотя бы искру истинной любви, тотчас почувствовали бы, какой суеты исполнено все земное!

Глава XVI. О терпимости к чужим недостаткам

1. Следует терпеливо относиться к тому, чего не можешь исправить в себе или других, и ожидать, пока Бог не распорядится иначе. Посуди сам, для тебя же будет лучше, если будешь терпелив, ибо без проверки терпением наши добродетели мало чего стоят. Однако тебе следует молить Бога о том, чтобы на твою долю выпали такие испытания, которые ты с Его помощью мог бы преодолеть.

2. Если ты кого-то увещеваешь раз или два, но он не слушает твоих увещеваний, не настаивай, а предоставь все Богу —

да свершится воля Его и да пребудет слава Его в рабах Его: Богу подвластно превратить злое в доброе. Учись терпеливо переносить недостатки и слабости других, каковы бы они ни были, ибо и у тебя есть много такого, что в тягость другим. Если себя самого не можешь сделать таким, каким бы желал быть, как можешь изменить других так, как тебе того угодно? Нам бы хотелось, чтобы другие были совершенны, а ведь мы сами не хотим исправить свои собственные недостатки.

3. Мы желаем, чтобы других наставляли по всей строгости, но не хотим, чтобы наставляли нас самих. Нам не нравится излишняя вольность в других, но мы возмущаемся, если нам самим отказывают в том, что мы просим. Нам хочется, чтобы других сдерживали правилами, а сами не терпим, чтобы нас хоть в чем-то сдерживали. Отсюда становится ясным, сколь редко мы относимся к ближнему так же, как к себе. Если бы все люди были совершенны, что приходилось бы нам претерпевать от других во имя (любви) к Богу?

4. Но Бог так устроил, чтобы мы научались принимать на себя тяготы друг друга, ибо нет никого, кто был бы без недостатков, нет никого, кто был бы без бремени, нет никого, кто был бы достаточен сам по себе, нет никого, кому доставало бы собственного разума. Посему надлежит нам друг друга поддерживать, друг друга утешать, друг другу помогать, друг друга наставлять и увещевать. И лучше всего добродетели каждого из нас проявляются в тех невзгодах, которые не делают человека слабым, а показывают, каков он есть.

Глава XXIII. О том, что следует помнить о смерти

1. Она приходит так быстро — следи же неусыпно за тем, как ты распоряжаешься (своей жизнью). Сегодня еще жив человек, а завтра уже нет его. А как только исчезает человек из виду, тут же исчезает он и из памяти людской. О, сколь бесчувственно и черство сердце человека, помышляющего только о настоящем и мало пекущегося о будущем! А ведь тебе следовало бы вести себя и в делах, и в помыслах так, как будто предстоит тебе в ближайшем времени умереть. Если бы совесть твоя была чиста, тебе незачем было бы так страшиться смерти. Лучше бы тебе избегать греха, чем бежать от

смерти. Если ты не готов сегодня, как будешь готов завтра? Кто знает, что будет завтра, и настанет ли для тебя вообще завтрашний день?

2. Что пользы в долгой жизни, если мы так мало преуспеваем в совершенствовании? Долгая жизнь не обязательно ведет человека к совершенству, а часто приводит к умножению его недостатков. Ах, если бы хоть один день мы могли прожить в этом мире достойно! Многие подсчитывают годы, прошедшие со дня обращения, (полагая, что они прожиты достойно), но плоды обращения бывают часто столь скудны. Страшно умирать, но, возможно, жить долго еще страшнее. Блажен тот, у кого всегда перед очами час смертный, и кто каждый день готовит себя к смерти. Если приходилось тебе видеть, как умирает человек, думай об увиденном, ведь и тебе предстоит идти той же дорогой.

3. Когда приходит утро, думай о том, что, может быть, не доживешь до вечера. Когда настанет вечер, не пребывай в уверенности, что увидишь утро. Будь всегда готов к смерти и живи так, чтобы она никогда не могла застать тебя врасплох. Многие умирают внезапно, неподготовленными (к смерти), а ведь сказано: будьте же и вы готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий. И когда этот последний час придет, вся твоя прошедшая жизнь предстанет пред тобой в совсем ином свете, и будешь ты премного скорбеть о том, что жил столь беспечно и пребывал в лености. <...>

Глава XXIV. О страшном суде и наказании грешникам

1. Всегда помни о том, что ожидает тебя в конце, и думай, как предстанешь ты перед строгим Судьею, от Которого ничто не скрыто, Которого не умолишь дарами, Который не принимает оправданий и Который будет судить справедливо и беспристрастно. О, жалкий и безумный грешник, что ответишь ты Богу, знающему обо всех твоих прегрешениях, если подчас ты боишься предстать здесь (на земле) перед лицом разгневанного простого смертного? Почему не приуговливаешь себя к Судному Дню, когда никто уже не сможет оправдываться и защищаться с помощью других, ибо каждый понесет свое бремя? Ведь ныне твои труды могут быть плодотворны,

твои рыдания могут быть услышаны, а печаль твоя может быть благодетельной и очистительной.

2. Великое и спасительное очищение дается человеку, если он, терпя обиды и несправедливости от других, более скорбит о злобе человеческой, нежели страдает от этих обид; если с готовностью он молится о тех, кто восстает против него, и в сердце своем прощает им их вину; если он, (не колеблясь, сам) просит у других прощения; если он более склонен к состраданию, чем к гневу; если он, сделав над собой усилие, заставляет себя полностью подчинить плоть духу. Лучше теперь избавляться от греха и пороков, чем ожидать очищения в будущем. Однако мы сами себя вводим в заблуждение своей непомерной привязанностью к плотскому.

3. Что будет сжигать (очистительный) огонь, как не твои грехи? Чем больше будешь щадить себя теперь (в этой жизни) и чем больше будешь подчиняться своей плоти, тем более суровому наказанию будешь подвергнут потом, тем больше накопится в тебе того, что будет питать очистительный огонь. В том будет человек более всего наказан, в чем грешил он более всего. Ленивых там будут язвить раскаленные шипы, чревоугодники будут одолеваемы нестерпимым голодом и жаждою, любители роскоши и любострастия погружены будут в кипящую смолу и смрадную серу, а завистливые взвоят от боли, подобно бешеным псам.

4. Ни один грех не останется без наказания. Каждому греху будет определено свое мучение. Гордые там (в аду) будут ввергнуты в стыд и смущение, а скупые будут пребывать в самой убогой нищете. Час мучений там будет тяжелее, чем здесь сто лет самого сурового покаяния. Здесь (в этом мире) хоть иногда бывают передышки в тяжких трудах и испытаниях, хоть иногда можно получить утешение от друзей, там же низвергнутым не будет никакого успокоения, и никакого утешения осужденным. Поэтому сейчас думай и печалься о грехах своих, чтобы в день Суда избегнуть тебе опасности вместе с блаженными, ибо тогда праведник с великим дерзновением станет пред лицом тех, которые оскорбляли его и презирали подвиги его. Тогда станет судить Тот, Кто в этом мире смиренно отдавал себя на суд человеческий. Тогда бедный и смиренный обретет великую уверенность, а заносчивый гордец задрожит от страха. <...>

КНИГА ВТОРАЯ

Наставления ко внутренней жизни

Глава I. О внутренней беседе

1. Царствие Божие внутри вас, – говорит Господь наш. Обратись к Господу из глубины сердца своего, оставь этот жалкий и презренный мир, и душа твоя обретет покой. Учись презирать внешнее и предаваться внутреннему, и увидишь, как войдет в тебя Царствие Божие. Ибо Царствие Божие не пища и не питье, но праведность, и мир, и радость во Святом Духе, и нечестивцы лишены его. Христос придет к тебе и даст тебе утешение, если приуготовишь для Него достойное место внутри себя. Вся слава Его и вся красота Его внутри (тебя), и там место, которое Ему угодно. Внутреннего человека часто посещает Бог, (внутри человека) ведется сладостная беседа, даются благодатные утешения, царит покой и пребывает неизреченное ощущение (присутствия Бога).

2. Крепись, верная душа, приготовь свое сердце Жениху, дабы Он мог прийти и обитать в тебе, ведь сказал Он: кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим. Поэтому дай место Христу (в сердце своем); и никого и ничего не впускай туда, и затвори его для всего иного. Если имеешь Христа в сердце своем, значит, ты богат, и ничего более тебе не нужно, и все у тебя есть. Христос будет давать тебе все, в чем нуждаешься, и не нужно тебе будет уповать на кого бы то ни было еще. Человек быстро меняется и легко забывает о других, а Христос пребывает вовек и пребудет с тобой до конца.

3. Не слишком полагайся на человека, который слаб и смертен, даже если он полезен и любезен тебе; как бы ни был он полезен и как бы ты ни любил его, не слишком печалься, если он отвернется от тебя или будет тебе перечить. Те, кто сегодня с тобою, завтра могут обратиться против тебя; люди переменчивы, как ветер. Уповая во всем на Господа, страшись только Его и люби только Его. Он даст за тебя ответ и позаботится о тебе наилучшим образом. Здесь (в этом мире) пребывать тебе недолго; где бы ты ни оказался, ты всегда будешь странником и пришельцем (на этой земле) и никогда не обрешь покой, если не соединишься внутренне с Христом. <...>

Глава III. О человеке вполне умиротворенном

1. Умиротвори прежде всего самого себя и тогда сможешь умиротворять других. От человека умиротворенного больше пользы, чем от человека ученого. Человек, обуреваемый страстями, и добро может превратить во зло, и склонен верить всякому злу, а человек вполне умиротворенный все обращает во благо. Тот, кто умиротворен, ни к кому не питает подозрений; тот же, кто всем недоволен и полон страстей, оказывается постоянно обуреваем всяческими подозрениями; он сам неспокоен и другим не дает покоя. Такой человек часто говорит то, что говорить ему не следовало бы, и не говорит того, что ему следовало бы говорить; он указывает другим, что им следует делать, и не делает того, что следовало бы делать ему самому. Итак, ревностно относись прежде всего к самому себе и лишь тогда будешь вправе ревностно относиться к другим. <...>

Глава VI. О радости, которую дает чистая совесть

1. В радости достойного человека свидетельство его чистой совести, поэтому имей чистую совесть, и всегда будешь иметь радость. Чистая совесть может вытерпеть многое, и даже среди напастей она остается удивительно радостной. Нечистая же совесть всегда боязлива и беспокойна. Если сердце не укоряет тебя, будешь пребывать в сладостном покое. Не радуйся без причины, не совершив доброго дела. Злые люди лишены истинной радости и не испытывают внутреннего мира, ибо нечестивым нет мира, говорит Господь. И если они будут говорить: мы пребываем в мире и спокойствии, нас не постигнет никакая беда, да и кто может посметь вредить нам, не верь им, ибо гнев Божий внезапно падет на них, и все дела их рук будут обращены в ничто, и все их намерения будут развеяны. <...>

Глава VII. О том, что любовь к Иисусу превыше всего

1. Блажен, кто знает, что значит любить Иисуса и ради Него презирать самого себя. Нужно оставить всякую любовь, кроме любви к Иисусу, ибо Он желает, чтобы его любили превыше всего. Любовь к кому бы то ни было обманчива и непостоянна.

на, а любовь к Иисусу верна и надежна. Тот, кто прилепляется к кому-либо другому, преходящ, ибо преходящ тот другой; тот же, кто прилепляется к Иисусу, приобщается к вечности. Люби Иисуса, почитай Его своим другом, ибо когда все от тебя отступятся, Он Один не покинет тебя и не даст тебе окончательно погибнуть; (так предопределено), что хочешь или не хочешь, тебе придется разлучиться со всеми (людьми в этом мире).

2. Держись Иисуса и пребывая в этой жизни, и уходя из нее, вверься Ему, ибо Он Один, в своей верности, может тебе помочь тогда, когда все другие тебя оставили. Возлюбленный тобою Христос таков, что не хочет впускать в твое сердце никого другого, желая обладать им безраздельно и восседать в нем, как царь на престоле. Если бы ты сумел избавиться от всякого земного пристрастия, Иисус охотно бы пребывал с тобой. Почти все, что ты даешь и доверяешь кому-либо, кроме Иисуса, будет для тебя потеряно. Не уповай на то, что тростинка, колеблемая ветром, может стать тебе опорой, ибо всякая плоть, как трава, и всякая слава человеческая, как цвет на траве, засохла трава, и цвет ее опал.

3. Если будешь судить о людях только по одной их внешности, не избежать тебе быстрого разочарования. Если станешь искать утешения или пользы от людей, часто будешь обманут в своих надеждах. Если же ищешь во всем Иисуса, непременно Иисуса же и найдешь, а если себя ищешь, то на свою же погибель самого себя и найдешь. Ибо тот, кто не ищет Иисуса Христа, себе же наносит вреда больше, чем могли бы ему нанести все его недоброжелатели и весь мир.

Глава XII. О царственном пути Святого Креста

1. Многим кажутся тяжкими слова: отрекись от самого себя, возьми Крест свой и последуй за Иисусом. Но еще тяжелее услышать такие страшные слова в День Последний: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный. Но тем, кто ныне охотно внимает слову Крестному и следует ему, не нужно бояться, что (в Судный День) услышат они (слова) вечного осуждения. Когда Господь придет судить (мир), на небесах явится знамение Креста, и все, кто служил Кресту, и все, кто в жизни своей сообразовывался с Распятым, пойдут с верой и великим упованием к Судье Христу.

2. Отчего же ты страшишься взять Крест, если с Крестом входят в Царствие Небесное? В Кресте спасение, в Кресте жизнь, в Кресте защита от врагов, в Кресте насыщение усладой небесной, в Кресте сила ума, в Кресте радость духовная, в Кресте средоточие добродетели, в Кресте совершенное воплощение святости. Только в Кресте для души спасение и надежда на вечную жизнь.

Возьми же Крест свой и последуй за Иисусом, и войдешь в жизнь вечную. Христос шел впереди тебя, неся Свой Крест, и умер за тебя на Кресте, дабы и ты понес свой Крест и восхотел бы умереть на Кресте. Если на Кресте умрешь с Христом, с Ним же и будешь жить и, претерпев с Ним муки, поделишь с Ним и славу.

3. Итак, смотри: все в Кресте и все в умирании, и нет иного пути к жизни и к истинному внутреннему миру и успокоению, кроме пути Святого Креста и ежедневного умерщвления (тела). Иди в какую хочешь сторону, ищи где хочешь, но нигде не найдешь пути более возвышенного и более верного, чем путь Святого Креста. Как бы ты ни устраивал жизнь свою, то ли так, как тебе хочется, то ли так, как считаешь нужным, но, вольно или невольно, придется тебе от чего-либо страдать, и везде и всегда будешь находить Крест тяжкий — будут тебя одолевать либо болезни тела, либо смущения духа.

4. Иногда (тебе будет казаться, что) тебя оставляет Бог; иногда ближний твой будет досаждать тебе, и более того, будешь подчас ты сам себе в тягость. И от всего этого ты не сможешь никак освободиться, и никакого средства для облегчения или утешения тебе не будет, и придется тебе терпеть столько, сколько будет угодно Богу. Ибо Богу угодно, чтобы ты научился переносить напасти и скорби без утешения, чтобы ты вверил Ему себя полностью и стал бы через страдание еще более смиренным. Только тот, кому довелось страдать подобно тому, как страдал Христос, ощутит муки Христовы всем сердцем своим. Итак, Крест всегда и повсюду с готовностью ожидает тебя. Куда бы ты ни пытался убежать, никуда от Креста не убежишь, ибо, куда бы ты ни направлялся, ты будешь нести себя с собою, (и где бы ты ни был), везде будешь находить себя самого. Куда бы ты ни обратился, к небесам или к земле, вовнутрь или вовне, везде найдешь Крест,

и везде придется тебе держать себя в терпении, если хочешь иметь внутренний покой и удостоиться вечности.

5. Если понесешь Крест с радостью, он понесет тебя и приведет тебя к тому, чего желаешь, туда, где прекращаются страдания, которые никогда не прекратятся здесь, (в этом мире). Если же несешь Крест без радости, будет он тебе непосильным бременем, которое будет отягощать тебя без меры, а нести придется. Но если ты отвергнешь один Крест, непременно найдется другой, который может оказаться еще тяжелее.

6. Неужели ты полагаешь, что тебе удастся избежать того, чего не избежать ни одному смертному? Кто из святых пребывал в мире без Креста, без скорби и без страданий? Даже сам наш Господь Иисус Христос в своей земной жизни и часу не провел без скорби и страданий, ибо и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых, и войти в славу Свою. И зачем же тебе искать пути иного, а не этого царственного, который есть путь Креста Святого?

7. Вся жизнь Христова была Крест и мученичество, что же ты ищешь себе покоя и радости? О, как обманываешься ты, как заблуждаешься, если ищешь чего-либо иного, кроме испытания страданиями, ибо вся эта земная жизнь полна бедствий и страданий и отмечена Крестами, и часто чем дальше продвинулся человек в духовной жизни, тем тяжелее крест, который ему достается, ибо при возрастании любви возрастает и мука изгнания и одиночества. <...>

КНИГА ТРЕТЬЯ

О внутренней беседе Господа нашего с верною душой

Глава I. О внутренней беседе Христа с верною душой

1. Послушаю, что скажет Господь Бог. Блаженна душа, которая слышит Бога, глаголющего в ней, и принимает из Его уст слова утешения. Блаженны уши, которые слышат тихий шепот зова, но не слышат рокота внешнего мира. Поистине блаженны те, кто внимают истине, вещающей

и поучающей изнутри, но не внимают речам, приходящим извне. Блаженны те глаза, которые закрыты для внешнего, но устремлены на внутреннее. Блаженны те, кто прозревают внутренне и непрестанными усилиями все более приуготовляются к восприятию таинств небесных. Блаженны те, кто стремятся очистить себя для Бога и избавиться от всех помех этого мира.

2. Внимай сему, душа моя, и затвори врата своим чувствам, дабы ты смогла услышать, внутри себя то, что глаголет в тебе Господь Бог твой.

Вот что говорит Возлюбленный тобою: Я есть твое спасение, твой покой и жизнь твоя. Будь со мною, и обретешь мир и покой. Оставь все преходящее и ищи вечного. Что в преходящем есть, кроме обманчивого? Чем может тебе помочь кто-либо или что-либо, если Творец оставил тебя? Отрекись же от всего, и сделайся угодным и верным твоему Творцу и достойным обрести истинное блаженство.

Молитва к испрошению дара благоговения

Господи, Боже Мой! В тебе все благо мое, а кто я, что дерзаю обращаться к Тебе? Я раб Твой, ничтожнейший из ничтожных, червь жалкий, более немощный и более презренный, чем то может выразить мое слово. Вспоминай обо мне, Господи, за то, что я есть ничто, за то, что я ничего не имею, и за то, что я ничего не стою. Ты, Господи, один благ, праведен и свят. Ты все можешь, всему способствуешь, все исполняешь, и только грешника оставляешь ни с чем. Вспомни, Господи, о Своем милосердии и наполни сердце мое Твоей благодатью — ведь Ты не хочешь, Господи, чтобы дела Твои были втуне.

Как мне претерпеть беды и напасти этой никчемной жизни, если не поддержит меня милость Твоя и благодать Твоя? Не отврати от меня лика Твоего, не откладывай Твое посещение, не отнимай Твоего утешения, дабы душа моя не обратилась в иссушенную пустыню! Научи меня, Господи, исполнять волю Твою! Научи меня пребывать пред Тобою с достоинством и в смирении. Ибо Ты — моя мудрость, Ты поистине знаешь меня и знал меня и до того, как я родился в этот мир, и даже до того, как этот мир был создан.

Глава V. О чудесном воздействии Божественной любви

1. Благословенный Отец небесный, Отец Господа моего Иисуса Христа, Ты удостоил вспомануть меня в моей нищете! О, Отец милостей и Бог всяческого утешения, воздаю Тебе хвалу за то, что Своим утешением иногда возрождаешь меня, недостойного какого бы то ни было утешения. Благословен и восславлен Ты с Сыном Твоим Единородным и Духом Святым Утешителем ныне и во веки веков. Аминь.

О, мой Господи, о Боже Святой, возлюбивший меня, когда приидешь Ты в сердце мое, возрадуюсь я великой радостью. Ты слава моя и восхищение сердца моего, Ты упование и прибежище мое в дни моих бедствий!

2. Но любовь моя еще слаба, а добродетель несовершенна, и нуждаюсь я в укреплении и утешении Твоем! Поэтому, почаще посещай меня и обучи меня святому благочинию! Избавь меня от низких страстей, излечи мое сердце от всякой недостойной любви, дабы, исцеленный и очищенный в душе, я смог, как подобает, возлюбить Тебя, стойко претерпевать страдания и постоянно пребывать пред Тобой.

3. Великое дело любовь, и благо она поистине великое; любовь одна делает легким все, что казалось тяжелым, помогает переносить как взлеты, так и падения; она тяжкую ношу несет, не отягощаясь ею, и превращает горестное и постыдное в сладостное и приятное. Любовь к Иисусу благородна, она подвигает нас к великим делам и пробуждает в нас стремление к совершенству. Любовь всегда стремится к высокому, и ничто низменное не может остановить ее в этом стремлении; любовь желает быть свободной от всяких пристрастий земных и чуждой им, чтобы ничем не заслонялось ее внутреннее око, чтобы не смущала ее никакая преходящая выгода и чтобы никакие стеснения не могли умалить ее. Ни на земле, ни на небе нет ничего более сладостного, более высокого, более широкого, более приятного, более наполненного, более благого, чем она. Ибо любовь рождена от Бога и пребывает в Боге превыше всего сотворенного.

4. Тот, кто любит, воспаряет к горнему, устремляется к возвышенному, преисполняется радости. Он свободен,

и ничто его не держит. Он отдает все за все и обладает всем во всем, ибо он надо всем покоится, в Едином и Наивысшем, от Которого проистекает и происходит всякое благо. Любящего привлекают не дары, а Даритель, к Которому он стремится, минуя все (мимолетные) блага. Любовь час-то не знает границ и бывает ревностна вне всякой меры. Любовь не чувствует бремени, не страшится никаких трудов, берется за то, что, казалось бы, ей не под силу. Любовь не сетует на невозможность чего-либо, ибо верит, что может все и что все ей доступно. Вот почему любовь хороша для всякого дела, она достигает многого и осуществляет многое там, где любви не имеющий мешкает и терпит неудачу.

5. Любовь бодрствует даже во сне, в усталости не утомляется, в стесненности не чувствует стеснения, в страхе не страшится, но, как пламя живое, взметнувшись, рвется ввысь и проникает повсюду. Тот, кто любит, хорошо знает, о чем взывает голос любви. Пламенная устремленность души взывает к Господу, говоря так: Боже, Боже Мой, Любовь моя, я весь Твой, и Ты весь мой.

6. Умножь любовь во мне, чтобы я смог всем сердцем своим полной мерой вкусить, как сладостно любить, и истаять, и раствориться в любви; чтобы, охваченный любовью, я мог вознестись над собою, влекомый силой чувства и восхищения, чтобы я мог петь песнь любви, чтобы я мог взмывать в выси, следуя за Тем, Кого возлюбил, чтобы моя душа трепетала от восторга любви, поглощенная хвалой Тебе. Хочу любить Тебя больше, чем себя, а себя любить только ради одного Тебя, и в Тебе любить всех тех, кто поистине любит Тебя, как и велит закон любви, который нам явлен в сиянии, исходящем от Тебя.

7. Любовь стремительна, искренна, благоговейна, радостна, приятна, сильна, терпелива, верна, рассудительна, стойка, мужественна; любовь никогда не ищет (выгоды) для себя, и если кто-то начинает в любви искать для себя выгоды, тотчас же лишается любви. Любовь благоразумна, смиренна, честна и праведна; любовь не изнежена, не легкомысленна, не занята суетными делами; любовь благомысляща, целомудренна, тверда, спокойна и сдержанна в про-

явлениях. Любовь смиренна и полна послушания старшим, себя перед собой в унижении держит и презирует; любовь благочестива и преисполнена благодарности Богу, всегда доверяя Ему и уповая на Него, даже тогда, когда не получает от Бога подкрепления, ибо без скорби и муки никому не дано жить в любви.

8. Тот, кто не готов все претерпеть и вверить всего себя без остатка воле Того, Кого он любит, недостоин называться любящим. Тому, кто любит, следует принять ради любви к Тому, Кого он возлюбил, все самое тяжкое и горькое, и тогда, какие бы беды и напасти на него ни обрушились, он не отвернется от возлюбленного им Бога.

Глава VI. Об испытании истинной любви

1. Сын Мой, ты еще недостаточно крепок и рассудителен в своей любви.

Отчего так, Господи?

Оттого, что при малейшем противодействии или неудаче ты отступаешь от того, что задумал совершить, и слишком рьяно ищешь утешения. Тот, кто крепок в любви, остается тверд в искушении и не внемлет коварным увещаниям врага. Такой человек и в благополучии со Мной, и в напасти от Меня не отречется.

2. Тот, кто рассудителен в любви, взыскует не столько даров Любящего, сколько любви Дарующего. Он ищет благорасположения Дающего, а не радуется ценности дара, и ценит Того, Кого он возлюбил превыше всех даров Его. Тот, кто любит возвышенно, не почиет на дарах и благах, которые Я ему дал, но устремлен ко Мне, минуя все блага. И если подчас ты не испытываешь ко Мне или к Моим святым такого сильного и пламенного чувства, как тебе хотелось бы, не думай, что все для тебя потеряно. То доброе и сладостное чувство, которое ты по временам испытываешь, происходит от дарованной тебе благодати и является неким предвкушением небесного блаженства, но не слишком полагайся на него, ибо оно приходит и уходит. Но борьба со злыми поползновениями против духа, и презрение к нашептываниям дьявола — суть знаки добродетели и больших достоинств.

3. Итак, пусть тебя не смущают странные фантазии, тебя посещающие, каковы бы они ни были. Стойко придержи-вайся избранного пути и верного стремления к Богу. Не считай чем-то необычным, если иногда ты внезапно испыты-ываешь восторг и взмываешь к возвышенным размышле-ниям, а вслед за этим тут же низвергаешься в недостойные мысли, которые обычно переполняют твою душу, ведь это происходит с тобою скорее поневоле, нежели по твоему собственному установлению, и если мысли эти противны тебе и ты с ними борешься, то в этом твое достоинство, а не грех.

4. Знай, что давний враг (рода человеческого) всячески силится расстроить твоё намерение жить достойно и хочет вынудить тебя оставить такие благочестивые занятия, как почитание святых, праведные размышления о муках Моих, благополучные раздумья о грехах своих, укрепление врат сердца и твердое намерение двигаться к добродетели. Враг твой внушает тебе множество недостойных мыслей, чтобы ввергнуть тебя в уныние и вселить в тебя ужас, отвратить тебя от молитвы и от благочестивого чтения. Смирённая исповедь отвратительна ему, и если бы он мог, то принудил бы тебя отказаться от Святого Причащения. Не верь ему и не допускай его в свои мысли, сколь бы много ловушек он ни расставлял, чтобы уловить тебя в сети. Когда он внушает тебе что-либо подлое и низкое, брось ему вызов, сказав так: изыди, дух нечистый и мерзкий, устыдись своей мер-зости! Сколь подл ты, что нашептываешь мне в уши такие низости! Отступись от меня, гнусный совратитель, ничего от меня ты не добьёшься! Да пребудет со мною Иисус, как могучий воитель, и посрамлен будешь. Я предпочту уме-реть и претерпеть любые муки, чем поддаться хоть в чём-то твоим соблазнам! Замолчи, не говори ничего более, все равно я не буду тебя слушать, и как бы ты ни старался на-вредить мне, (все бесполезно)! Господь — свет мой и спа-сение мое: кого мне бояться? Если ополчатся против меня враги мои, не убоится сердце мое! Господи, твердыня моя и избавитель мой!

5. Сражайся как доблестный воин, и если случится, что упадёшь от изнеможения, соберись с силами, да так, что-

бы стало их больше, чем прежде, и верь, что получишь от Меня еще больше благодати, (чем ранее). Остерегайся суетного самодовольства и горделивого самолюбования, от которых многие впадают в заблуждение и душевную слепоту, почти неизлечимую. Такая пагуба, которая подстерегает гордецов, слишком много о себе мнящих, должна послужить тебе предупреждением и удерживать тебя в вечном смирении.

**Глава XV. О том, как следует себя держать
и что говорить в тех случаях, когда охватывают
тебя желания и ты не знаешь,
хороши они или плохи**

1. Сын Мой, если не знаешь, как поступить, всегда говори так: пускай свершится то, что Тебе будет угодно, Господи. Пусть все исполнится во имя Твое и во славу Твою. Господи, если Ты полагаешь, что это благодатно и полезно для меня, тогда даруй мне, во славу Твою, то, чего я желаю. Но если Ты знаешь, что это будет мне во вред и не послужит ко спасению моей души, отними у меня это желание. Ведь не все желания проистекают от Духа Святого, даже если они кажутся нам праведными и законными. Трудно правильно рассудить, добрый или злой дух побуждает тебя желать того или другого, или же ты побуждаем своим собственным духом. Многие из тех, кому казалось вначале, что они ведомы добрым духом, затем оказывались жестоко обманутыми.

2. Итак, следует всегда желать чего-либо со страхом Божиим и сердечным смирением и вопрошать себя, насколько хороши те желания, которые приходят тебе на ум. Но главное — следует отречься от себя, вверить себя полностью Богу и сказать так: Господи, Ты знаешь, что для меня лучше, сделай так, как Тебе угодно. Даруй мне то, что хочешь, сколько хочешь и когда захочешь. Поступай со мной так, как считаешь нужным, как Тебе будет угодно и как подобает для умножения славы Твоей. Помести меня там, где пожелаешь, и твори со мной все по воле Твоей. Я в руках Твоих, лепи меня. Вот я, раб Твой, готовый ко всему, ибо я желаю жить не для себя, а для Тебя. О, как хотелось бы мне жить достойно и совершенно!

Глава XXIV. О том, что не следует с любопытством всматриваться в жизнь других

1. Сын Мой, не будь любопытен и не проявляй суетного пристрастия к тому, что тебя не касается. Что тебе до того или до другого? Следуй лишь за Мной. Какое дело тебе до того, каков другой человек, до того, почему он говорит так или иначе? Тебе не нужно отвечать за других, ты должен будешь давать ответ сам за себя. Зачем же тебе вмешиваться в дела чужие? Я Один ведаю все обо всех людях и вижу все, что делается под солнцем, Я знаю, что происходит в душе каждого, знаю, о чем каждый человек думает, знаю, чего каждый хочет, знаю намерения каждого. Итак, тебе следует вверяться мне во всем. Ты же старайся пребывать в мире и спокойствии, и пусть суетливый и не в меру любопытный суетится и любопытствует, сколько ему угодно. Все, что он скажет или сделает, обратится против него самого, ибо никак Меня обмануть он не может.

2. Не стремись к тому, чтобы люди почитали тебя; всякое почитание, подобно тени, является и исчезает; не стремись к тому, чтобы добиться известности у многих; не стремись к тому, чтобы свести близкое знакомство с кем бы то ни было, ибо это отвлекает внимание (от высокого) и ведет к помрачению духа. Я с превеликой охотой обращался бы к тебе со словом Своим и открыл бы тебе сокровенные таинства, если бы ты должным образом готовился к тому часу, когда приду Я к тебе, и распахнул бы предо Мной врата сердца своего. Будь благоразумен, бодрствуй в молитвах и во всем смирай себя. <...>

Глава XXXII. О том, что следует отрешиться от себя самого и изгнать из сердца все земные пристрастия

1. Сын Мой, ты никогда не достигнешь полной свободы, если не отречешься от самого себя. Все собственники и себялюбцы, все скупые и алчные, все суетнолюбопытствующие и праздношатающиеся, все гурманствующие и сибаритствующие, все отпадающие от Иисуса Христа закованы в кандалы (несвободы). Преходяще и тленно все то, что они создают,

изобретают и придумывают, ведь все, что не от Бога, обречено на погибель. Запомни такие слова – в них совершенство мудрости – и следуй им: оставь все и обретешь все; оставь вожеления и обретешь покой. Держи эти слова постоянно в мыслях своих, размышляй над ними, и когда исполнишь их, поймешь, сколь истинны они. <...>

**Глава XL. О том, что человек сам по себе не имеет
никаких добродетелей, и нет в нем ничего,
за что он мог бы восхвалять себя**

1. Господи, что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Чем заслужил человек благодать, которую Ты даруешь ему? Господи, на что я могу жаловаться, когда Ты оставляешь меня? И кого могу винить я в том, что не даешь Ты испрошенного мною? Вот могу помыслить и сказать так, и будет истина в том: Господи, я ничто, ничего нет во мне благого. Ничего мне не удастся, и что бы я ни делал, я низвергаюсь к ничтожеству. И если Ты не помогаешь мне, если Ты не научаешь меня внутренне, сразу (рвение мое духовное) остывает и охватывает меня безразличие.

2. Ты же, Господи, Один был, есть и будешь пребывать во веки неизменным, всегда Благий, и Праведный, и Святой, вечно Творящий все праведно, свято и во благо, все устраивающий по Мудрости Своей. Я же, Господи, более склонен к тому, чтобы терять, а не приобретать, я никогда не пребываю в одном и том же (внутреннем) состоянии, меняясь и за час по семь раз кряду. Однако я тотчас изменюсь к лучшему, как только Ты соизволишь прийти ко мне на помощь. Ибо только Ты Один можешь укрепить меня настолько, что не буду я уже (внутренне) метаться от одного к другому и верю сердце свое только Тебе, и в Тебе его оставлю почивать. <...>

**Глава XLVII. О том, что все беды следует
переносить ради жизни вечной**

1. Сын Мой, не позволяй истощаться рвению твоему в исполнении трудов, принятых тобою на себя ради Меня, и не позволяй напастям ввергать тебя в уныние: обещанное Мною пусть будет тебе в укрепление и в утешение во всем, что бы

с тобой ни случилось. Я, силою Своею, воздам тебе превыше всяких упований твоих. (Помни, что в жизни земной) не придется тебе слишком долго трудиться, и наступит час, когда исчезнут горести и печали. Подожди лишь немного, и придет конец бедам твоим. Наступит час, когда печали и труды твои прекратятся. Все преходящее минует столь быстро и столь незаметно! <...>

Глава LVI. О том, что мы должны отречься от себя и подражать Христу, неся свой Крест

1. Сын Мой, чем дальше сумеешь от себя уйти, тем ближе сможешь подойти ко Мне. Чем больше отрекается человек от внешнего, тем больше внутренне он соединяется с Богом. Я желаю, чтобы ты научился полностью отречься от себя и вверять себя воле Моей, без прекословия и жалоб. Следуй за Мною, ибо я есмь путь и истина и жизнь. Без пути нет движения, без истины нет познания, без жизни нет бытия. Я есмь путь верный, по которому ты должен следовать, истина непреложная, которую ты должен принимать, жизнь вечная, в которую ты должен веровать. Я есмь путь правый, правда наивысшая, жизнь истинная, жизнь блаженная, жизнь предвечная. Если пойдешь по пути, указанному Мною, познаешь истину, и истина освободит тебя, и получишь жизнь вечную.

2. Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди.
Если хочешь познать истину, веруй мне.

Если хочешь быть совершенен, продай все, (что имеешь).

Если хочешь быть Моим учеником, отрекись от себя самого.

Если хочешь прожить жизнь блаженную, презри жизнь нынешнюю.

Если хочешь быть возвеличен на небесах, будь смиренным в этом мире.

Если хочешь со Мною царствовать, неси со Мною Крест, ибо только рабы Креста находят путь истинного блаженства и истинного света.

3. Господи Иисусе, как узок путь Твой и как презираем он миром! Даруй и мне возможность подражать Тебе и быть у мира в презрении! Нет раба, который превосходил бы господина своего, и нет ученика, который превосходил бы своего учителя. Да проникнется раб Твой святым примером

жизни Твоей, ибо в ней спасение мое и святость истинная. О чем бы я ни читал, о чем бы я ни слышал, ничто не дает отрады мне, ничто не восхищает так, как чтение и рассказы о пути Твоем.

4. Сын Мой, теперь, прочтя все это, ты знаешь, что тебе делать, и блажен будешь, если все исполнишь. Тот, кто имеет Мои заповеди и соблюдает их, любит Меня, и Я возлюблю его и явлюсь ему, и сотворю так, что сядет он со Мною в Царствии Отца Моего.

5. Сделай так, Господи, чтобы сказанное и обещанное Тобою дано мне было. Принял Я, Господи, Крест из рук Твоих и буду нести Крест этот, возложенный Тобою на меня, до самой смерти своей. Воистину, жизнь доброго инока — Крест, но путь этого Креста ведет в рай. Я вступил на этот путь, и нельзя обратиться вспять, и отступить не должно.

6. Отныне, братие, после всего сказанного пойдем вместе, и Иисус будет с нами. Взяли мы Крест во имя Иисуса, и ради Иисуса нести его будем. Тот, Кто ведет нас и указывает нам путь, поможет нам. Вот наш Повелитель, идущий впереди нас, Он вступит в битву за нас. Смело последуем за Ним, никто да не устрашится и да не убоится! Да приуготовимся и да не отступим в битве; пусть даже смерть ожидает нас на поле брани, но не позволим предать поруганию нашу славу и не откажемся от Креста.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

О Святом Причастии тела Христова.

О таинстве Причастия

Говорит Господь: Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас!

Хлеб, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира.

Примите, ядите; сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание.

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем.

Слова, которые говорю Я вам, — суть дух и жизнь.

Глава II. О великой благодати и любви Божией, являемой человеку в таинстве Причастия

1. Уповая, Господи, на благодать Твою и милосердие Твое, иду я, одолеваемый недугами и страждущий, к Тому, Кто излечит меня, иду я, изможденный и жаждущий, к Источнику жизни, иду я, ничтожный, к Царю Небесному, иду я, раб, к Господину, создание к Создателю, отчаявшийся к Утешителю великодушному. Но откуда мне знать, придешь ли Ты ко мне? Кто я есть, чтобы Ты даровал мне Себя? Как смеет грешник явиться перед Тобою? Отчего снисходишь Ты до того, чтобы прийти к грешнику? Ведь Ты знаешь все про раба Своего, и ведомо Тебе, что нет в нем ничего, заслуживающего дара такой благодати! Я признаю свое ничтожество, я превозношу Твою благодать, я восхваляю Твое попечение обо мне и преклоняюсь перед всеохватной любовью Твоею! Творишь Ты все по любви Своей, а не по моим заслугам, дабы благодать Твоя воссияла мне еще ярче, дабы любовь Твоя излилась на меня еще обильнее и дабы достоинства смирения мне были явлены еще более зримо. Если это Тебе угодно и если Ты так повелеваешь, я принимаю щедроты Твои, которыми Ты меня одариваешь. Лишь бы мои пороки не помешали (всему осуществиться)! <...>

Глава IV. О многих благах, происходящих от благоговейного причащения

1. Господи, Боже мой, направь раба Своего к тому, чтобы он смог достойно и благоговейно прийти к благолепному таинству Причастия! Пробуди сердце мое зовом Твоим и вырви меня из тяжкого оцепенения! Одари меня благодатью Твоей спасительной! Дай душе моей испытать от сладостного источника таинства Причастия! Отверзи глаза мои, дабы смог я узреть столь великое таинство это! Укрепи меня, дабы уверовал я в него верою крепкою и отринул все сомнения! Таинство Причастия учредил Ты, Господи, а не человек, не способный сотворить такое! Твое это святое установление, а не изобретение человеческое. Никто из человеков сам по себе не в состоянии постигнуть и уразуметь таинство это, которое превосходит даже ангельское разумение. Как же могу

я, недостойный грешник, прах земной, осмыслить и постичь тайну столь возвышенную?

2. Господи, иду к Тебе в простоте сердечной, в доброй и твердой вере, по Твоему повелению, с надеждой и благоговением и истинно верую, что Ты, Бог и Человек, присутствуешь в таинстве Причастия. Повелеваешь Ты, чтобы я принял Тебя и в любви с Тобою соединился. Посему молю Тебя о милости Твоей, взываю к милосердию Твоему: даруй мне особую благодать, дабы я растворился в Тебе, растворился в любви и не искал более никаких иных утешений. Возвышенное и величественное таинство причастия дает жизнь душе и телу, исцеление всем духовным недугам. С его помощью врачуются пороки, обуздываются страсти, ослабляются и побеждаются искушения, приобретается высочайшая благодать, приумножается добродетель, упрочивается вера, укрепляется упование, вспыхивает и распространяется любовь.

3. Боже мой, Ты поддерживаешь мою душу, изгоняешь пороки и исцеляешь недуги, даруешь внутреннее утешение, Ты приумножаешь великие дары Свои, учреждая таинство Причастия и приглашая возлюбленных Своих к благоговеющему причащению. Ты наполняешь тех, кого возлюбил Ты, обильным утешением против всяческих напастей, Ты возносишь их из пучины отчаяния к надежде на Твою защиту. Ты даешь им новые силы и озаряешь их внутренне, одаривая все новой благодатью с тем, чтобы они, пребывавшие до причащения в смятении и лишённые любви, причащаясь, воспрянули, получив небесную пищу и питье. И все это творишь по благости Своей для избранных Твоих, дабы познали они по всей истине и полностью уразумели по опыту своему, что сами они ничего в себе и от себя не имеют и что всякую благодать и всякое добро приемлют лишь от Тебя Единого. Будучи сами по себе холодны, вялы, безблагоговейны, они становятся через благодать, дарованную Тобой, ревностны, бодры и благоговейны. Каждый, кто со смирением пойдет испить от сладостного источника, получит немалую долю этой сладостности, каждый, кто приблизится к пылающему огню, согреется от его жара. А Ты, Господи — источник преизобильный и неиссякающий, Ты — огонь, вечно пылающий и никогда не угасающий. <...>

Глава VI. О том, как следует готовиться к Святому Причастию

1. Господи, Боже мой, когда размышляю о Твоем величии и о своей ничтожности, охватывает меня трепет и смятение, ведь не принять Тебя – все равно что бежать от жизни. Если приду я к Причастию недостойным образом, то навлеку на себя гнев Твой. Что же делать мне, Боже, Защитник мой, Наставник и Советник мой во всех нуждах моих?

2. Наставь меня, Господи, на путь истинный, научи меня, как подготовиться ко Святому Причастию. Мне нужно знать, как приготовить сердце свое, дабы с должным благоговением и трепетом принять Твое спасительное таинство, и как совершить великую и Божественную жертву.

Глава VII. О том, что следует пылливо вопрошать совесть свою и стремиться к духовному совершенствованию

1. Приступать к совершению таинства Причастия, самому причащаться и других причащать священнику Божию следует со смирением, идущим из глубины сердца, с молитвенным благоговением, глубокой верой и благочестивым рвением во славу Божию. Взыскательно расспроси свою совесть, очисти ее, насколько сможешь, и озари ее истинным раскаянием и смиренной исповедью, дабы не оставалось у тебя ничего смущающего и беспокоящего совесть и ничего препятствующего тому, чтобы свободно приступить к Причастию. Ты должен испытывать отвращение ко всем своим грехам вообще, и сокрушаться, и скорбеть по отдельности о каждом из недостатков твоих и прегрешений, творимых ежечасно, и если позволит время, исповедай Богу в тайне сердца своего всю мерзость страстей твоих. <...>

Глава XIII. О том, что душа благоговейная должна жаждать соединения со Христом в таинстве Причастия

1. Кто дарует мне, Господи, обрести Тебя во всей полноте? Да открою Тебе все сердце свое, да возрадуется Тебе душа моя, как она того желает, да не введет отныне меня никто

в заблуждение, да не затронет меня ничто мирское, да не смутят меня ничьи взоры! Сделай так, Господи, чтобы Ты Один говорил со мною, а я только с Тобою, как говорят друг с другом возлюбленные или беседуют друзья. Молю я о том и желаю того, чтобы полностью соединиться с Тобою, чтобы отвергнуться мне ото всего сотворенного всем сердцем своим и чтобы научиться мне через Святое Причастие и частые причащения принимать небесное и вечное со все большей радостью. О, Господи Иисусе, когда же я соединюсь с Тобою, полностью растворюсь в Тебе и совершенно сам себя забуду? Пребывай во мне, и я буду пребывать в Тебе! Сделай так, чтобы всегда нам пребывать в единении!

2. Воистину, Ты Возлюбленный души моей, Избранный превыше всех, в Тебе душа моя желает пребывать вовеки. Воистину, Ты мой Миротворец, в Тебе — мир верховный и успокоение истинное, а без Тебя — все труд тяжкий, и страдания, и бедствия без конца. Воистину, Ты еси Бог, сокрытый для нечестивых, и не они внимают словам Твоим, а смиренные и простые сердцем. О, как благостен, Господи, Дух Твой! Желая явить благостность Твою чадам Твоим, благоволил Ты напитать их хлебом живительным, сходящим с небес. Воистину, нет народа более великого, чем тот, к которому Бог его близок, как близок Ты, Боже, ко всем верным Твоим, которым даруешь себя в хлебе и в утешении для вседневного укрепления духа и тела их и для вознесения сердец их к небесному.

3. Кто более благороден и возвышен, чем Христиане? Кто во всей поднебесной возлюбил Бог больше, чем душу благочестивую, в которую Он входит и которую он укрепляет Телом Своим наипрославленным? О, благодать неизреченная! О, восторг невыразимый! О, любовь безмерная, изливаемая, неизъяснимо на человека! Но чем же могу я воздать Господу Моему за всю эту благодать и за любовь Его превеликую? Ничего не могу принести Ему более любезного, чем сердце мое в полноте его для соединения с Ним! Тогда возрадуется все во мне, когда всецело соединится душа моя с Богом и когда скажет Господь мне: если ты хочешь быть со Мною, то и Я хочу быть с тобою. И я отвечу Ему так: благоволи, Господи, быть со мною! Я горю желанием быть с Тобою! И все мое желание в том, чтобы сердце мое соединилось с Тобою навеки.

Глава XVII. О пламенной любви и о страстном желании принять Христа в сердце свое

1. Господи, с глубоким благоговением и пламенной любовью, со всем ревностным вожеланием сердца моего желаю так принять Тебя, Господи, как желали принять Тебя святые и благоговейные люди, особо угодившие Тебе святостью жизни своей и пребывавшие в высочайшем благоговении. О, Боже мой, Любовь вечная, все благо мое, блаженство мое нескончаемое, страстным желанием горю воспрять Тебя в том трепетном благоговении, которым были или могли быть охвачены святые.

2. И хотя недостойн я иметь столь возвышенные благоговейные чувства, все же приношу Тебе всю любовь сердца моего с таким произволением и полнотою, как если бы во всем мире один лишь я обладал пламенным и страстным желанием. Приношу Тебе также с высочайшим благоговением и рвением душевным все то, что благочестивая душа может вообразить и пожелать. Хочу принести Тебе в жертву всего себя, без остатка, по доброй воле своей и с великой радостью. Господи Боже мой, Создатель мой и Искупитель, хочу ныне воспрять Тебя с такой же любовью, с таким же благоговением, с такою же хвалою, с таким же почитанием, с такой же признательностью, с таким же достоинством, с таким же благодарением, с такой же верой, надеждой и чистотой, с какими приняла Тебя, как того и желала, Пресвятая Матерь Твоя, Преславная Дева Мария, когда ангелу, принесшему благую весть о таинстве Воплощения, дала ответ смиренный и благочестивый: се, Раба Господня; да будет Мне по слову Твоему.

3. Блаженный Предтеча Твой, Иоанн Креститель, величайший из святых, будучи еще во чреве матери, вострепнулся радостно, почувствовав Твое присутствие, и возрадовался великой радостью о Духе Святом; а некоторое время спустя, увидев Иисуса, идущего среди людей, воскликнул с величайшим смирением и с благоговейным трепетом: друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Так и я хочу быть охваченным пламенем великих и святых желаний и хочу Тебе вверить себя самого от всего сердца. Вот почему приношу и отдаю Тебе упоение радости

своей, пламенные чувства, восторги души, видения небесные, озарения духовные всех сердец благочестивых со всеми благодарениями и восхвалениями, которые воздаются или будут воздаваться всеми созданиями на земле и на небе, за себя и за всех тех, за кого мне поручено молиться, дабы было Тебе достойное восхваление и слава вовеки.

4. Господи, Боже мой, прими мои желания и обеты мои возносить Тебе хвалу бесконечную и благодарение вечное, как и подобает по праву свершать пред Тобою в восторге от величия Твоего неизреченного! Воздаю Тебе хвалу и благодарение, и хочу воздавать их ежечасно, ежедневно и еженощно, и в молитвах моих и молениях я призываю и молю всех духов небесных и всех верных Твоих вместе со мною воздавать Тебе хвалу и благодарение.

5. Да будут восхвалять Тебя все племена, все народы и все языки и превозносить имя Твое святое и наисладчайшее с радостью превеликой и благоговением ревностным. Да сподобятся обрести у Тебя благодать и милосердие те, кто совершает благоговейно, восхищенно и с полной верой верховное таинство Твое, и да помолятся смиренно обо мне, грешнике. А когда обретут они утешение, и возделенное благоговейное ликование, и единение торжествующее (с Тобою), и, чудодейственно укрепленные (хлебом Причастия), будут возвращаться от святой трапезы небесной, да помянут меня, несчастного и жалкого.

Богословие в культуре Средневековья /
Пер. А. Н. Панасьева.
Киев, 1992. С. 231–382.

Я. ШПРЕНГЕР, Г. ИНСТИТОРИС

«Молот ведьм» — руководство, написанное для инквизиторов, по ведению судебного процесса против обвиненных в ведовстве и ереси. Авторами сочинения являются теологи, доминиканские монахи, инквизиторы Яков Шпренгер и Генрих Инститорис. Полагают, что Шпренгер написал введение («Апологию»), а все остальное — Инститорис. «Молот ведьм» был одобрен теологами Кёльнского университета, которому, согласно постановлениям Пап Пия II и Сикста IV, было

предоставлено право высшей цензуры. Первое издание книги относится к 1487 г.

В пособии по инквизиции соединена теория ведовства и практика борьбы с колдовством единым ударом «молота». В объяснении зловердных деяний колдунов, трактовке понятия «maleficiu», «ведовство» и тех сил, которые составляют сущность колдовства авторы опираются на авторитет Отцов Церкви и представителей богословской мысли. В книге подробно изложены способы зловердительства, указаны церковные средства борьбы с ним (экзорцизм и истребление ведьм) и, наконец, судебные действия по искоренению и наказанию ереси (розыск, следствие, система доказательств и наказаний). В ней даны многочисленные примеры судебных процессов, рекомендации для активной деятельности как духовного, так и светского суда. Здесь используется издание 1990 г.

Молот ведьм

Часть I

<...> Следуя внутреннему содержанию папской буллы, разберемся теперь в происхождении колдунов и в их деяниях. Заметим прежде всего, что для колдовских результатов необходимы следующие силы: дьявол, ведьма и Божье попущение (см. 23, вопр 1. Si per sortcarias). Также и Августин говорит, что вследствие губельного общения людей и демонов возникло это суеверное безумие. В этом общении лежат происхождение и увеличение этой ереси.

Эта колдовская ересь отличается от других ересей тем, что она не только через нарочитые, но и через просто заключенные договоры стремится вредить творцу и его созданиям, тогда как все другие простые ереси не основаны на подобных договорах с нечистой силой, хотя и здесь не обходится без содействия со стороны сеятеля зависти лжеучений из-за трудности понимания того, во что надо верить. Сверх того, эта ересь отличается и тем, что из всех видов кудесничества она обладает наибольшей степенью злобы. Ведь даже ее латинское наименование – *inaleficiu*, происходит от *maleficere*, т[o]e[сть] male de fide sentire (по-русски – дурно относиться к вере).

Для распространения своей ереси ведьмы предпринимают многое; они оскорбительно отрицают католическую веру, продают самих себя с телом и душой, передают дьяволу еще некрещеных детей и имеют плотские сношения с инкубами и суккубами (с. 95).

Шестой вопрос **О ведьмах, предающихся демонам**

Относительно ведьм, отдающих себя во власть демонам, возникает ряд трудно разрешимых вопросов, сводящихся к тому, как приступает демон к этой скверне. Наметим тут следующее: 1) о демонах и о составных частях телесного облика, принимаемого ими; 2) о половом акте и о том, всегда ли он сопровождается извержением семени, взятого от постороннего лица; 3) о времени и о месте этого акта и о том, нет ли у демона определенного времени для этого; 4) видим ли он при этом окружающими? Посещаются ли те из ведьм демоном, которые произошли от подобного непотребства, или те из них, которые были переданы дьяволу повивальными бабками в момент рождения? Чувствуют ли они любовное наслаждение от полового акта с демоном?

На эти вопросы мы дадим исчерпывающие ответы во второй части книги. А теперь остановимся на вопросе, почему у немощного пола этот род скверны более распространен, чем среди мужчин. Прежде всего, рассмотрим главные свойства женщины. Это будет первый пункт. Второй пункт коснется того, какие женщины чаще всего склоняются к суеверию и к колдовству. Третий будет говорить о повивальных бабках, превосходящих всех женщин по части злобы.

Почему женщины более склонны к колдовству?

Относительно первого пункта, а именно, почему среди немощного пола так много ведьм, у нас есть, кроме свидетельств Священного Писания и людей, заслуживающих доверия, еще житейский опыт. Мы хотим сказать, не подвергая презрению всего немощного пола (через который Бог всегда творил великое, чтобы привести в смятение сильный пол), что в суждении о женщинах мнения, в сущности, не расходятся. Поэтому для увещевания женщин и для проповедей им эта тема весьма подходяща. Они с любопытством

послушают об этом, если только проповедь протечет в скромном тоне.

Некоторые ученые говорят: имеются на свете три существа, которые как в добре, так и во зле не могут держать золотой середины: это - язык, священник и женщина. Если они перейдут границы, то достигают вершин и высших степеней в добре и зле. Если над ними господствует добро, то от них можно ожидать наилучших деяний. Если же они попали под власть зла, то ими совершаются наисквернейшие поступки. О языке известно, что с его помощью большинство государств приняло христианство. Поэтому Святой Дух и явился апостолам в виде огненного языка. А основатель и отец Ордена проповедников (доминиканцев) изображался в виде лающей собаки, несущей в пасти зажженный факел, чтобы он и до сегодняшнего дня прогонял своим лаем еретических волков от стад овец Христа.

Из житейского опыта мы знаем, что язык одного умного человека может предотвратить смерть бесчисленного количества людей. С полным правом Соломон в своих притчах (10) говорит: «В устах разумного находится мудрость». И далее: «Уста праведника поучают многих; а глупые умирают от недостатка разума». Причина этому приведена там же (гл. 16): «Дело человека подготовить дух, а Бог будет управлять языком».

Относительно духовенства (под ним надо понимать клириков и монахов обоего пола) вспомним слова Иоанна Златоуста. В глоссе к евангельскому тексту об изгнании торгашей из храма, он говорит: «Как все хорошее, так и все дурное идет от пастырства». А Иероним («Послание к Непоциану») изрекает: «Избегай, как чумы, духовного ростовщика, ставшего из бедняка богачом и из неизвестного ставшего известным». Святой Бернард Клервоский («Собеседование» 23 на Песнь Песней), ведя речь о духовных лицах, говорит: «Если явный еретик восстает, то он выталкивается и погибает. Если дикий враг делает то же, то от него, пожалуй, и добрые станут скрываться. Теперь же (когда на добрых нападают духовные лица) как их изгнать? Как от них спрятаться? Все друзья и в то же время враги; все свои люди, но не миролюбцы; все — наши ближние, но каждый ищет своего». А в другом месте: «Наши

прелаты стали Пилатами, хранители душ стали хранителями своего золота». Бернард говорит также о настоятелях монахов, налагающих на своих подчиненных тяжелый труд, но не желающих помогать им ни в чем. Григорий Великий (в своем «Пастыре») утверждает: «Никто в церкви не вредит так много, как тот, который, имея священный сан, поступает неправильно. Никто не решается бросить ему обвинение. Проступок становится еще больше, если грешника продолжают почитать из уважения перед его саном».

Что касается злости женщин, то в Книге сына Сирахова (гл. 25) говорится: «Нет ничего хуже злобы женщины. Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели жить со злой женой». В дополнение к этому там же говорится: «Всякая злость мала по сравнению со злостью женщины». Поэтому-то Иоанн Златоуст в поучении на евангелие Матфея (гл. 10) увещевает: «Жениться не подобает. Разве женщина что-либо иное, как враг дружбы, неизбежное наказание, необходимое зло, естественное искушение, вожденное несчастье, домашняя опасность, приятная поруха, изъян природы, подмалеванный красивой краской? Если отпустить ее является грехом и приходится оставить ее при себе, то по необходимости надо ожидать муку. Ведь отпуская ее, мы начинаем прелюбодеять, а, оставляя ее, имеем ежедневные столкновения с нею». А Туллий (в своей «Риторике», 2) утверждает: «Мужчины влекутся к позорным деяниям многими страстями, а женщин же ко всем злодеяниям влечет одна страсть: ведь основа всех женских пороков — это жадность». А Сенека в своих трагедиях произносит: «Женщина или любит, или ненавидит. Третьей возможности у нее нет. Когда женщина плачет — это обман. У женщин два рода слез. Один из них — из-за действительной боли; другой — из-за коварства. Если женщина думает в одиночестве, то она думает о злом».

О хороших же женщинах идет большая, хорошая слава. Они делают мужчин счастливыми и спасают народы, страны и города. Всем известны высокие поступки Юдифи, Деворы и Эсфири. Поэтому апостол в I Послании к коринфянам (гл. 7) и говорит: «Если женщина имеет мужа, и он хочет с ней жить, то она не должна уйти от него. Неверующий муж освящается верующей женою». В Книге сына Сирахова (гл. 25)

читаем: «Блажен муж хорошей жены, и число дней его — сугубое». Много похвального говорит он там на протяжении всей главы о хороших женщинах. А в притчах Соломона о таковых женщинах говорится в последней главе.

В Новом Завете их хвалят не менее, упоминая о девственницах и о других святых женщинах, привлечших языческие народы и государства к свету христианской религии. Прочти Викентия «Зерцало истории» (XXVI, 9) о венгерском государстве и о великой христианке Гилии, а также о франкском государстве и о девственнице Клотильде, обрученной с Хлодвигом. Много чудесного найдешь ты там.

Когда женщину хулят, то это происходит главным образом из-за ее ненасытной страсти к плотским наслаждениям. Поэтому в Писании и сказано: «Я нашел женщину горче смерти, и даже хорошая женщина предалась страсти к плотским наслаждениям».

Мыслители приводят и другие основания тому, почему женщины более, чем мужчины, склонны к суеверию. Они говорят о трех основаниях: 1) Они легковерны. Демон жаждет главным образом испортить веру человека. Этого легче всего достигнуть у женщин. 2) Они скорее подвержены воздействию со стороны духов вследствие естественной влажности своего сложения. 3) Их язык болтлив. Все что они узнают с помощью чар, они передают подругам. Так как их силы невелики, то они жаждут отмщения за обиды с помощью колдовства.

Некоторые мыслители приводят еще другие основания, о которых проповедники должны говорить с осторожностью. Хотя в Ветхом Завете о женщинах и говорится больше нехорошего, чем хорошего из-за первой грешницы Евы и ее подражательниц, однако, вследствие позднейшего изменения слова Ева в «Ave» (радуйся) в Новом Завете из-за благодати Марии надо проповедовать и говорить много похвального о женщинах, как и говорит Иероним: «Все, что грех Евы принес злого, то благо Марии подвергло уничтожению». Несмотря на это, из-за скверны колдовства, распространяющейся в последнее время более среди женщин, нежели среди мужчин, мы должны сказать после точной проверки материала, что женщины имеют недостатки как в душе, так и в теле, и что нет ничего удивительного в том, что они совершают больше

позорных деяний. Они рассуждают и иначе понимают духовное, чем мужчины. Здесь мы сошлемся на авторитеты. Теренций говорит: «У женщины рассудок легок, почти как у мальчиков». Лактанций («Институции», 3) утверждает: «Ни одна женщина, кроме Теместы, никогда не понимала философии». В притчах Соломона (гл. 11) приводится как бы описание женщины: «Красивая и беспутная женщина подобна золотому кольцу в носу у свиньи». Ведь женщина более алчет плотских наслаждений, чем мужчина, что видно из всей той плотской скверны, которой женщины предаются. Уже при сотворении первой женщины эти ее недостатки были указаны тем, что она была взята из кривого ребра, а именно — из грудного ребра, которое как бы отклоняется от мужчины. Из этого недостатка вытекает и то, что женщина всегда обманывает, так как она лишь несовершенное животное. Ведь Катон сказал: «Если женщина плачет, то она, конечно, готовит козни». Также говорится: «Если она плачет, то она хочет ввести мужа в заблуждение». Это видно по жене Самсона, которая разными способами досаждала мужу, пока не узнала его тайны и не покинула его, передав этот секрет своим единомышленникам. По примеру первой женщины видно, что женщины маловерны. Ведь на вопрос змеи, почему Адам и Ева не вкушают от плодов всех деревьев рая, Ева ответила: «Мы едим плоды от всех деревьев, кроме» и т. д. «чтобы мы, что может случиться, не умерли». Этим она показала, что у нее не было веры в слова Бога. Это явствует и из этимологии слова «Femina» (женщина), происходящего от «Fe» (fides — вера) и «minus» (менее). Таким образом, слово «Femina» значит имеющая меньше веры. Ведь у ней всегда меньше веры. Это зависит от ее естественной склонности к легковерию, хотя вследствие Божьей благодати и природы у Высокоблагословенной Девственницы Марии вера никогда не колебалась, чего нельзя сказать о всех мужчинах времени страстей Христовых.

Итак, женщина скверна по своей природе, так как она скорее сомневается и скорее отрицает веру, а это образует основу для занятий чародейством.

Что касается другой силы души — воли, то скажем о женщине следующее: когда она ненавидит того, кого перед тем

любила, то она бесится от гнева и нетерпимости. Такая женщина похожа на бушующее море. Разные авторитеты говорят об этом. Вот Экклезиаст (гл. 25): «Нет гнева большего гнева женщины». Сенека (Трагед. 8): «Ни мощи огня, ни силы бури, ни удара молнии не надо столь бояться, как горящего и полного ненависти дикого гнева покинутой супруги». Вспомним здесь и гнев женщины, которая возвела на Иосифа ложное обвинение и заставила бросить его в темницу вследствие того, что он не хотел впасть с нею в грех прелюбодеяний (Бытие, 30). Немаловажное значение для увеличения количества ведьм надо приписать жалким раздорам между замужними и незамужними женщинами и мужчинами. Так обстоит дело даже среди женщин, посвятивших себя Богу. А среди других женщин? В Книге бытия ты увидишь всю нетерпимость и зависть Сары к Агари (Бытие, 21), Рахили к Лии (Бытие, 30), Анны к Феннанае (Царств, 1), Мариами к Моисею (Числ., 12), Марфы к Магдалине (Лука, 10), которая сидела, когда Марфа прислуживала.

Понятно поэтому, почему Фороней, греческий король, в день своей смерти сказал своему брату Леонтию: «Мне ничего недоставало бы до высшего счастья, если бы отсутствовала женщина». На это Леонтий: «Как может женщина мешать счастью?» Король ответил: «Все женатые мужчины знают это». Когда Сократа спросили совета жениться или не жениться, он сказал: «Если ты не женишься, то тебя приютит одиночество мыслителя. Твой род исчезнет. Чужой наследник возьмет твое состояние. Если же ты женишься, то у тебя будут вечные раздражения, жалобы и споры, укоры о приданом, злые морщины на челах родственников, болтливый язык тещи, наследники от чужого брака, сомнительные виды на будущее для своих собственных детей». Это он вынес из собственного опыта. Иероним (Против Иовиниана) рассказывает об этом следующее: «У Сократа было две жены, характер которых он выносил с величайшим терпением, но все же не мог освободиться от их окриков, укоров и злоречия. Однажды, когда они снова на него напали, он вышел, чтобы избежать раздоров, и сел перед домом. Видя это, женщины вылили на него грязную воду. На это философ, не раздражаясь, сказал: “Я знал, что после грома следует дождь”. О другом

муже рассказывают следующее: его жена утонула в реке. Ища ее труп, чтобы извлечь его из воды, он шел вдоль берега, против течения. Спрошенный, почему он ищет вверх, а не вниз по течению, он ответил: «При жизни жена всегда все делала наперекор. Может быть, она и после своей смерти будет поступать так же»».

Как из недостатка разума женщины скорее, чем мужчины, отступаются от веры, так и из своих необычайных аффектов и страстей они более рьяно ищут, выдумывают и выполняют свою месть с помощью чар или иными способами. Нет поэтому ничего удивительного в том, что среди женщин так много ведьм.

В их натуре никому не подчиняться, следовать своим собственным внушениям. Поэтому Теофраст говорит: «Если ты предоставишь к ее услугам целый дом, а за собой оставишь лишь какое-либо право голоса, то она будет думать, что ей не доверяют. Она начнет вступать в споры. А если ты не поторопишься ей уступить, она приготовит яд и будет искать помощи у кудесников и ясновидцев». Отсюда — чародеяния.

Как выглядит господство женщины, смотри у Туллия («Парадоксы»): «Тот ли свободен, кому жена приказывает, диктует законы, разрешает, запрещает по своему усмотрению и не дает права возразить? Я думаю, что такого мужа можно назвать рабом, заслуживающим сожаления, хотя бы он и был из уважаемой семьи». Поэтому и Сенека в лице неистовой Медеи говорит следующее: «Чего ты колеблешься? Следуй счастливому натиску. Сколь велика месть, в которой ты находишь свою радость» и т. д. При этом Сенека показывает, что женщина не позволяет руководить собою, а хочет действовать по своему собственному усмотрению. Они сами накладывают на себя руки, если они могут отомстить. О подобной женщине Лаодикее Иероним рассказывает в своей книге о Данииле. Эта Лаодикейя, жена короля Антиоха из Сирии, ревнуя его к Веренике, другой его жене, умерщвляет сначала соперницу и ее сына от Антиоха, а потом отравляется и сама.

Почти все государства были разрушены из-за женщин. Троя погибла из-за похищения Елены. Многие тысячи греков нашли там смерть. Иудейское государство претерпело много

невзгод и разрушений из-за скверной царицы Иезавели и ее дочери Гофолии, царицы в Иудее, которая умертвила своих внуков, чтобы царствовать после смерти сына. Обе эти женщины были в свою очередь умерщвлены. Много напастей испытало Римское государство из-за Клеопатры, египетской царицы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мир и теперь страдает из-за женской злобы.

Из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь подвержена неисчислимому вреду. Поэтому мы можем с полным правом утверждать вместе с Катонем: «Если бы мир мог существовать без женщин, мы общались бы с богами». И действительно, мир был бы освобожден от различнейших опасностей, если бы не было женской злобы, не говоря уже о ведьмах. Валерий писал Руфину: «Ты не знаешь, что женщина — это химера, но ты должен знать, что это чудовище украшено превосходным ликом льва, обезображено телом вонючей козы и вооружено ядовитым хвостом гадюки. Это значит: ее вид красив, прикосновение прохладно, сношение с ней приносит смерть».

Ее другое свойство — это голос. По природе женщина лжива. Она лжива и в разговоре. Она жалит и ласкает в одно и то же время. Поэтому ее голос сравнивается с голосом сирен, привлекающих путников своими сладкими мелодиями и затем убивающих их. Они убивают, т[ак] к[ак] опустошают денежные мешки, крадут силу и заставляют презирать Всевышнего. Еще раз Валерий к Руфину: «Цветок любви — роза. Ведь под ее пурпуром скрываются шипы». Притчи Соломона: «Мед источают уста чужой жены, и мягче елтя речь ее. Но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый».

А как она ходит и себя держит? Это суета сует. Не найдет-ся ни одного мужчины, который так старался бы угодить Господу, как старается женщина, будь она не совсем уродом, понравиться мужчине. Примером тому может служить Пелагея, ходившая разряженной по Антиохии. Когда ее увидел святой отец по имени Ноний, он начал плакать и сказал своим спутникам, что он за всю свою жизнь не выказывал такого усердия служить Богу, какое показывает Пелагея, чтобы понравиться мужчинам. Святому старцу в конце кон-

цов удалось обратить эту отвратительную грешницу на истинный путь.

Такова женщина, на которую горько жалуется церковь и о которой Экклезиаст (гл. 7) говорит следующее: «Я нашел, что женщина горче смерти, она – петля охотника. Ее сердце – тенета, а ее руки – оковы. Кто угождает Богу, тот ее избегает. Грешник же будет ею уловлен». Она горче смерти, т[о] е[сть] дьявола.

Она горче смерти, т. к. смерть естественна и уничтожает только тело. Грех же, начатый женщиной, умерщвляет душу через лишение благодати Божьей, а также и тело в наказание за грех.

Она горче смерти, т. к. смерть тела – явный, ужасный враг. Женщина же – скрытый, лживый враг. Их сердце – тенета, т[о] е[сть] неизмерима злоба, господствующая в их сердце. Их руки – оковы. Когда они участвуют в наведении порчи на живые существа, они достигают того, к чему стремятся с помощью дьявола.

Подведем итоги. Все совершается у них из ненасытности к плотским наслаждениям. Притчи Соломона говорят (предпосл. гл.): «Тройкое ненасытимо...» и т. д., «...а четвертое – это то, что никогда не говорит: “Довольно”, и именно – отверстие влагалища». Вот они и прибегают к помощи дьявола, чтобы утешить свои страсти. Можно было бы рассказать об этом подробнее. Но для разумного человека и сказанного довольно, чтобы понять, почему колдовство более распространено среди женщин, чем среди мужчин. Поэтому правильнее называть эту ересь не ересью колдунов, а ересью по преимуществу ведьм, чтобы название получилось от сильнейшего. Да будет прославлен Всевышний, по сие время охранивший мужской род от такой скверны. Ведь в мужском роде он хотел для нас родиться и страдать. Поэтому он и отдал нам такое предпочтение.

Какие женщины главным образом предаются колдовству?

Относительно того, какие женщины преимущественно занимаются колдовством, надо сказать следующее. Среди скверных женщин господствуют три главных порока, а именно: неверие, честолюбие и алчность к плотским наслаждениям. Эти-то женщины и предаются чародеяниям. Последний

из указанных пороков особенно распространен среди подобных женщин. Согласно Экклезиасту, он ненасытен. Поэтому, чем более честолюбивые и иные женщины одержимы страстью к плотским наслаждениям, тем безудержнее склоняются они к чародеяниям. Таковыми являются прелюбодейки, блудницы и наложницы вельмож. Их колдовство имеет семь видов, как говорится в булле «*Summis desiderantes*», и касается поражения чарами способности любовного соития и зачатия во чреве матери. Вот эти виды: 1) они воспаляют сердца людей к чрезвычайно сильной любви; 2) они препятствуют способности к деторождению; 3) они удаляют органы, необходимые для этого акта; 4) с помощью волшебства они превращают людей в подобия животных; 5) они делают женщин бесплодными; 6) они производят преждевременные роды; 7) они посвящают детей демонам, не говоря уже о других многочисленных порчах, наводимых ими как на животных, так и на полевые злаки. Об этом мы поговорим после. Теперь же мы приведем основания, которыми руководствуются ведьмы при своих чародеяниях. Прежде всего, о возбуждении чрезвычайно сильной любви или ненависти. Говоря о кознях ведьм, святой Фома (раздел IV, 34) приводит эти основания и указывает, почему Бог предоставил черту больше власти в области полового соития, чем в других областях человеческих действий. Вот его рассуждение: первое греховное падение человека, приведшее его под ярмо черта, произошло из-за полового акта. Хотя брак и был впоследствии освящен Богом, все же временами он разрушается чертом. Это, правда, не происходит путем дьявольского насилия: в противном случае дьявола надо было бы считать существом более сильным, чем Бога. Это влияние силы нечистого происходит с Божьего попущения и распространяется на временные или постоянные препятствия к совершению супружеского акта.

Опыт показывает, что ведьмы производят бесчисленное множество любовных чар среди людей различной степени состояний, возбуждая любовь, доводя ее до любовного исступления и мешая им слушать доводы разума. Это грозит уничтожением веры и усугубляется тем, что эти ослепленные препятствуют возбуждению процессов против ведьм. А отсюда — еже-

дневный рост и распространение сей скверны. О, если бы опыт совсем не учил нас этому! Однако мы знаем, что ведьмами возбуждается в таинстве брака такая неприязнь между супругами и такое охлаждение в области полового соития, что они не в состоянии заботиться о потомстве через исполнение своих супружеских обязанностей (с. 120–128).

Четырнадцатый вопрос
Рассматривается ужас колдовства.
Весь материал заслуживает того,
чтобы им пользовались в проповедях

Спрашивается: не превосходят ли мерзости ведьм все то зло, что Бог попускал с сотворения мира до наших дней как в смысле преступления, так и в смысле наказания и нанесенного вреда? На этот вопрос некоторые хотят ответить отрицательно и главным образом относительно вины. Ведь совершаемый кем-либо грех, которого он может легко избежать, превосходит грех, совершаемый другим, которого он не может легко избежать. Это явствует из слов Августина («О граде божьем»): «Велико неравенство в согрешении, тогда как столь велика легкость в несогрешении». Но Адам и многие другие, которые согрешили, находясь в известном состоянии совершенства, могли бы, вследствие поддержки благодати Божьей избежать согрешения, и в особенности Адам, созданный в состоянии благодати. Ему было легче избежать греха, чем ведьмам, которые не имели подобных даров от Бога. Значит, грехи ведьм надо почитать меньшими, чем грехи Адама и иных.

За большую вину налагается и большее наказание. Грех Адама был тягчайшим образом наказан тем, что, как известно, его наказание вместе с виной передавалось через первоначальный грех на все поколения. Поэтому его грех тяжелее, чем все другие грехи.

Августин говорит относительно вреда следующее: «То или иное надо считать злым потому, что оно устраняет добро». Значит, там, где устраняется добро, совершается и большее преступление. Грех прародителей нанес много вреда как в видимой природе, так и в дарах Божьей благодати, так как лишил нас чистоты и бессмертия, чего нельзя сказать ни о каком другом последующем грехе. Значит,

и вред, пришедший в мир через Адама, больше, чем вред, наносимый ведьмами.

Против этого надо возразить следующее: то, что содержит больше видов зла, надо считать более значительным злом. Таковы грехи ведьм. Ведь они могут с Божьего попуска причинить всяческое зло как благам природы, так и человеческому счастью. Это видно из папской буллы.

Адам согрешил только тем, что совершил запрещенное. Но он не был скверным сам по себе. А колдуны и другие грешники грешат, совершая то, что во всех отношениях скверно. Поэтому их грехи тяжелее других грехов.

Грех, вытекающий из определенной злобы, тяжелее, чем вытекающий из незнания. Ведьмы презирают из злобы веру и таинства веры, как это и было многими из них признано на процессах.

Ответ: что зло, совершаемое ныне ведьмами, превосходит все зло, которое Бог допускал когда-либо, это может быть доказано трояким образом: 1) общим сравнением их деяний с другими пороками в мире; 2) частным сравнением отдельных видов их деяний с другими суевериями, связанными с заключением договора с дьяволом; 3) сравнением их деяний с грехами злых ангелов и прародителей.

Зло трояко и состоит из вины, наказания и вреда. Этому троякому злу противопоставляется троякое добро: нравственность, радость и польза. Вине противопоставляется нравственность, наказанию — радость, вреду — польза. Что вина ведьм превосходит всякий другой грех, видно из следующего: по словам святого Фомы (11, 22, 2), при грехе многое взвешивается, вследствие чего можно узнать степень его тяжести. Отсюда вытекает, что один и тот же грех у одного надо считать более легким, а у другого более тяжким. Так, юноша, ведущий непотребный образ жизни, может быть назван грешащим, старик, совершающий то же — сумасшедшим. Хотя грех Адама относительно некоторых обстоятельств и тяжелее всех других грехов, т[ак] к[ак] он пал из-за незначительного внутреннего искушения и мог бы оказать ему большее сопротивление вследствие той Божьей благодати, с которой он был создан, однако, относительно вида и величины, а также отягчающих обстоятельств после Адама было совершено

много великих грехов, превосходящих грех Адама. Среди этих грехов особенно выделяются грехи колдунов. Это ясно из следующего: один грех может быть больше другого или по последствиям, как грех Люцифера, или по всеобщности, как грех Адама, или по гнусности, как грех Иуды, или по трудности прощения, как грех против Святого Духа, или по опасности, как грех незнания, или по страстности, как плотский грех, или по оскорблению Божьего величия, как грех языческого богослужения и неверия, или по трудности преодоления, как грех гордости, или по духовной слепоте, как грех гнева. После греха Люцифера грехи ведьм превосходят все иные грехи. Они гнусны, ибо ведьмы отвергают Распятого. Они полны плотских вожделений, т[ак] к[ак] ведьмы творят плотскую скверну с бесами. Они полны духовной слепоты, т[ак] к[ак] ведьмы бросаются в дикой радости и злобе на каждое вредительство человеку и животным.

Грех тем тяжелее, чем больше грешащий отдаляется от Бога. Человек отдаляется дальше всего от Бога из-за неверия. Поэтому и колдовство сопровождается большим неверием, чем все другие грехи. Это объясняется и словом «ересь», обозначающим отпадение от веры и пребывание всю жизнь во грехе.

Грех неверия заключается в противлении вере. Это может происходить двояким образом: или противлением еще не принятой вере, или противлением уже принятой вере. В первом случае — это неверие язычников. Во втором случае мы имеем две возможности: противление вере, принятой лишь внешне, или противление вере, принятой внутренне. Евреи, принимающие христианство внешне, относятся к первой группе, а еретики — ко второй. Отсюда ясно, что ересь ведьм среди трех видов неверия является самой тяжелой. Это доказывается авторитетом святого Фомы (II, 2), утверждающего следующее: «Им было бы лучше не знать пути правды, чем опять отпасть после познания ее». К тому же, кто не исполняет обещанного, грешит тяжелее, чем тот, кто не исполняет того, чего он не обещал. Тяжел грех еретиков потому, что они, исповедуя христианскую веру, все же противятся ей и уничтожают ее хуже евреев и язычников.

Ведьмы называются также отпавшими (апостатами). По словам святого Фомы (II, 2, 12), апостазия заключается

в отпадении от Бога и от религии. Это отпадение может происходить различными путями: через веру, через религию или через духовный сан. Раймунд и Гостиенсис говорят, что отпадение — это неразумное выступление из состояния веры, послушания или религии. Выступление из первого состояния неминуемо влечет за собой выступление и из второго. Но не наоборот. Поэтому выступление из первого состояния греховнее, чем оба других.

Отпадение ведьм является тем более тяжким грехом, что они нарочно заключают договор с дьяволом. Мы, инквизиторы, находили таких женщин, которые отвергали весь Символ Веры, другие же отвергали только часть его. Но все отвергали таинство исповеди.

Возникает вопрос: как смотреть на грех тех ведьм, которые сохраняя в сердце своем веру в Бога, приносят черту внешние признаки почитания и повинуются ему? На это надо ответить следующим образом: отступничество может быть двояким: 1) в форме внешних действий неверия без нарочно заключения договора с дьяволом. Так поступает христианин, проживающий в магометанских странах и принимающий обряды ислама; 2) в форме внешних действий неверия с заключением договора с дьяволом. Так поступают ведьмы. Первую группу нельзя назвать отступниками или еретиками, но их проступок нельзя не назвать смертным грехом. Так, Соломон поклонялся богам своих жен. Поклоняться дьяволу из страха — не служит оправданием. Ведь, по словам Августина, лучше умереть от голода, чем поесть жертвенного мяса. Но как бы ведьмы ни сохраняли в сердце своем веру, а на языке ее отрицали, они все сочтутся отступницами вследствие заключения договора с дьяволом и союза с адом. Альберт Великий («О животных», 8) утверждает: «У колдунов всегда можно установить отступничество и словом, и делом. Когда они произносят свои заклинания, они заключают открытый договор с демоном. Это отступничество на словах. Если же это происходит через посредство простого деяния, то здесь мы имеем отступничество на деле. А так как при этом всегда позорится вера вследствие того, что от демона ожидают того, что надобно ожидать от Бога, то поэтому договор с дьяволом трепуется считать отступничеством».

Значит, ученые признают двойное отступничество, но молчаливо признают и третий его вид, а именно, отступничество в сердце. Если этого последнего вида и нет налицо, то и тогда ведьмы должны почитаться апостатами и нести наказания, предназначенные еретикам и апостатам.

Еще одна пагубная сторона свойственна преступлениям ведьм. Вследствие оказанного ими почитания дьявола — если только они не получили отпущения этого греха — все их поступки, будь то хорошие или дурные, надо считать греховными. Таково мнение святого Фомы (II, 2, 10) и Августина («О граде божьем» XXVII, 1, 2), сказавшего: «Вся жизнь неверующих — грех».

Ведьмы заслуживают наказаний, превышающих все существующие наказания

Позорные дела ведьм превосходят все другие преступления. Они подлежат наказанию вдвойне: как еретики и как апостаты. Согласно Раймунду, еретики наказываются четырьмя способами: отлучением, отрешением от должности, конфискацией имущества и телесной смертью.

Тяжкие наказания полагаются также сообщникам ведьм: укрывателям, пособникам и защитникам. Сверх отлучения, еретики с их споспешниками до второго колена по отцовской линии и до первого колена по материнской линии, лишаются права пользования церковными бенефициями замещения церковных должностей. Если еретик после раскрытия тотчас не отречется от своего заблуждения, то он, будучи мирянином, должен быть тотчас сожжен. Ведь фальшивомонетчики тотчас же умерщвляются. А во сколько раз преступнее этих последних людей фальшивящие веру! Если еретиком оказалось лицо духовного сана, то оно торжественно лишается сана и передается светской власти для казни. Если же еретик отречется от своих заблуждений, то он бросается в тюрьму на пожизненное заточение. Наказание им смягчается, если они клятвенно отрекутся от ереси. О различных видах судебной процедуры смотри третью часть настоящей книги.

Нельзя считать достаточными эти наказания для ведьм. Ведь они не простые еретики, а отступницы, которые не только отрекаются от веры, но отдаются и телом, и душою

демонам, а также присягают ему на верность. Поэтому, если даже они раскаются и обратятся к вере, они не заточаются в пожизненную тюрьму, а предаются смерти.

Не меньше вина тех, кто обучает запрещенному и обучается ему. Законы назначают таким преступникам в наказание конфискацию имущества и лишение гражданских прав. Кто с помощью волхвования склонит женщину к блуду, тот брошен на съедение зверям (с. 150–154).

Часть 2

Глава III. О способе, коим ведьмы переносятся с места на место

Теперь мы должны перейти к приемам и средствам, которыми ведьмы пользуются в своем деле; прежде всего к тому, что они делают с собой и своей личностью; так как телесно переноситься с места на место, а также иметь плотские потребности с инкубами, присуще им, то мы будем иметь суждения о каждом случае в отдельности и прежде всего об их телесных перелетах.

Здесь следует заметить, что объяснение этих перелетов представляет некоторое затруднение в связи с неоднократно упомянутым каноном *Episcopi*, в котором сказано: «Не должно также оставлять без внимания и того, что некоторые преступные женщины, совратившиеся сатаной, становясь жертвами демонского мороченья, верят и утверждают, будто они ночью порой скачут на разных зверях с Дианой, языческой богиней, или с Иродиадой и с бесчисленным множеством других женщин, и будто они проносятся таким образом в ночном безмолвии через необозримые пространства, повинувшись во всем велениям богини и т. д. А поэтому служители Божии должны проповедовать народу, что это сушая ложь, и что подобные видения вселяются в души верующих не силою Божественного духа, но злого. Если же это и бывает, то сам сатана превращается в лица и образы различных людей, и плененные им души во время сна посредством своих чар уносятся в некоторые отдаленные местности» и т. д.

И в этом смысле многие иногда открыто проповедуют, как св. Герман и еще другой человек, который в этом наблюдал

свою дочь, что подобное совершенство невозможно, и что это, как и вредительство людям, животным и хлебным злакам, является игрою воображения.

Это мнение уже в первом вопросе доказано как еретическое потому, что оно противоречит Божескому попущению по отношению к власти дьявола и смыслу Священного Писания; оно служит несоизмеримому вреду Святой Церкви, так как вот уже несколько лет ведьмы благодаря этому преступному мнению остаются безнаказанными, лишая возможности наказания их и светскую власть; поэтому и число их выросло до такой степени, что теперь нет возможности их искоренить. Пусть усердный читатель рассмотрит то, что приведено в опровержение этого мнения, а теперь примет во внимание то, каким образом они летают и какими средствами возможно это делать, и ответы на примеры, которые приводятся противниками.

Итак, то, что ведьмы могут летать телесно, доказывается различными способами, прежде всего, другими действиями чародеев. Ибо, если они не могут перелетать, это происходит потому, что или этого не допускает Бог, или этого дьявол не в состоянии сделать, или это не свойственно живому существу. Первое невозможно, так как, если с Божьего попущения может случаться большее, тем более, — меньшее; но большее очень часто случается как с мальчиками, так и со взрослыми, как это ясно из случаев с праведниками и в благодати находящимися. Если спросят, случаются ли при помощи демонов подмены детей и может ли демон переносить с места на место людей, даже против их воли, то на первый вопрос нужно ответить утвердительно, ибо и Вильгельм Парижский, в последней части сочинения «О Вселенной», говорит, что при попущении Божиим демон может подменить ребенка и перенести с места на место. Такие дети всегда ужасно плачут, и молока четырех или пяти матерей едва ли хватило бы накормить их; они нисколько не толстеют, но делаются необычайно тяжелыми. Из-за чрезмерного ужаса, какой они могут испытать, матерям этого не следует ни утверждать, ни отрицать, но указывать, чтобы они искали совета у сведущих людей. Бог же допускает подобное за грехи родителей, когда, например, мужья проклинают своих беременных жен, говоря: «Хотел бы,

чтобы ты черта носила» и подобное; нечто подобное иногда произносят и несдержанные женщины. Очень много примеров имеется и о других, даже праведных людях. Так, Викентий в «Зерцале истории» (кн. XXVI, гл. 43) рассказывает, со слов Петра Дамиана, о пятилетнем сыне одного очень знатного человека; мальчик, помещенный в монастырь, ночью перенесен был в закрытую мельницу; когда на следующее утро его нашли там и спросили, он ответил, что кем-то был перенесен на великолепный пир, где от него потребовали есть, а затем сверху спустили его в мельницу.

Наконец, что сказать о тех чародеях, которых мы обычно называем чернокнижниками, которые переносятся по воздуху демонами часто в отдаленные местности? Они иногда уговаривают и других к тому, чтобы ехали с ними на лошади, которая в действительности не лошадь, а черт в ее образе, при этом предупреждают, что не следует разговаривать и ограждать себя Крестным Знамением.

Из нас двоих, пишущих этот трактат, по крайней мере, один очень часто видел и встречал подобных людей. Так, в то время бывший учеником, а теперь священник Фрейзингской епархии, который, вероятно, жив и до сего времени, обычно рассказывал, как он однажды телесно был поднят демоном на воздух и доставлен в отдаленную местность. Жив и другой священник из селения Обердорф, возле Ландсгута, бывший в то время его товарищем; он собственными глазами видел полет, как тот с вытянутыми руками, взлетел на воздух, крича, но не плача. Причина этого была следующая, как он сам рассказал. Несколько учеников отправились в питейное заведение и уговорились, что тот, кто принесет пиво, не платит. И когда один из них хотел выйти, чтобы принести пиво, то, открыв дверь, увидел перед ней густой туман: перепуганный он вернулся и сообщил товарищам, почему он не мог принести пиво. Тогда тот, который летал по воздуху, возмущенно сказал: «Да если бы там черт был, я все-таки принес бы пиво». Он вышел и на глазах у всех полетел по воздуху.

Конечно, нужно признать, что подобное может случиться не только с бодрствующими, но и со спящими, то есть, что они могут телесно перелетать с места на место. Это становится ясным из примера людей, которые в сонном

состоянии бродят по крышам домов и самых высоких зданий; во время их переходов ничто не может им препятствовать ни наверху, ни внизу; если же кто-либо из присутствующих окликнет их по имени, они тотчас падают на землю, как будто их кто-то толкнул.

Многие полагают, что это совершается силою демонов, и не без основания. Демоны между собой весьма различны; некоторые, из низшего хора ангелов, кроме наказания осуждения, которое они несут вечно, терпят еще наибольшие наказания, как бы за малые проступки; они никому не могут вредить, по крайней мере, тяжко, но главным образом занимаются мороченьем, тогда как другие, инкубы и суккубы, по ночам наказывают людей или сквернят их грехом разврата. Поэтому нет ничего удивительного, если они занимаются и такими шутками.

Истину можно вывести из слов Кассиана в его VII Собеседовании, гл. 32, где он говорит: «У нечистых духов, без сомнения, столько же занятий, сколько и у людей. Некоторые из них, которых простой народ называет фавнами, лесными богами, а мы призраками, которыми изобилует Норвегия, и привидениями, бывают обольстители и шутники: постоянно занимая известные места или пути, они увеселяются, мучая проходящих мимо, которых могли бы уловить в сеть, но, довольствуясь только насмешкою и озорством, стараются скорее беспокоить их, нежели повредить; некоторые только производят ночью безвредные “навалы” (кошмары) на людей; иные бывают столь яростны и свирепы, что не довольствуются тем, чтобы жестоким терзанием мучить только тела тех в коих вошли, но спешат еще напасть на проходящих вдаль и поражать их жестокими ударами, которые описаны в Евангелии (Матф. 8, 28)».

Отсюда мы можем сделать вывод: нельзя говорить, что ведьмы не перелетают с места на место потому, что этого не допускает Бог: если он допускает это по отношению к праведным и невинным или к волшебникам, почему он не должен этого допустить по отношению к тем, кто всецело предался дьяволу? И со священным трепетом скажем: разве, как утверждает это Евангелие, дьявол не возносил нашего Спасителя, не переносил и не ставил его всюду.

Далее. Не имеет силы и утверждение противников, что дьявол не может делать чего-либо подобного: как было уже доказано предыдущим, он имеет такую естественную силу, которая превосходит все телесное, и никакая земная сила не идет с ней в сравнение согласно словам: «Нет на земле подобного ему» и т. д. Люциферу присуща такая естественная власть и сила, каковых нет даже среди добрых ангелов на небе: ибо он превосходит естественными силами всех ангелов; естественные силы через падение в нем не уменьшились, он лишился лишь сил, дарованных по благодати; первые до сих пор в нем остаются, хотя помраченные и связанные; поэтому и Глосса, по поводу указанных слов: «Нет иной власти на земле» и т. д. говорит: «Если он все превосходит, покоряется, однако, заслугам святых».

Не имеют силы и два других возражения. Первое, что душа человека может противоборствовать, и что Святое Писание, по-видимому, говорит об одном, именно Люцифере, в единственном числе; это он искушал Спасителя в пустыне и соблазнил также первого человека, но теперь он связан, другие же демоны не имеют такой силы, так как он превосходит всех, а, следовательно, они не могут переносить дурных людей с места на место.

Возражение не имеет силы. Прежде всего поговорим об ангелах. Низший ангел, вне всякого сомнения, превосходит все человеческие силы. Основания для этого можно черпать из многого, во-первых, духовная мощь сильнее телесной, как мощь ангела, или даже души выше телесной силы. Во-вторых, относительно души. Каждая форма индивидуализируется материей и ею определяется; в таком положении теперь находится и душа; нематериальные же формы абсолютны и интеллигибельны, вследствие чего они имеют абсолютную и более общую силу; поэтому душа, связанная материей, не может быстро ни перенести свое тело с места на место, ни поднять его вверх; с Божьего дозволения она могла бы это сделать, если бы отделилась от материи; но все это вполне может осуществить нематериальный дух, как, например, ангел, добрый или злой. Так, добрый ангел во мгновение ока перенес Аввакума из Иудеи в Халдею. На этом основании можно сделать вывод: люди, которые во

сне по ночам ходят по высоким зданиям, делают это не благодаря силам их душ, не под влиянием небесных тел, но благодаря какой-то высшей силе, как это было выяснено выше. В-третьих, поскольку телесная природа создана так, что в отношении места она движется непосредственно природой духовной, так как локальное движение есть первое из движений (Физика, VIII), то все тела (включая и небесные) движутся духовными субстанциями, сообразно их природе и воле.

Способ же полета таков. Ведьмы готовят мазь из сваренных частей детского тела, особенно тех детей, которых они убивают до крещения: по указанию демона, намазывают ею какое-либо седалище или палку, после чего тотчас же поднимаются на воздух; это бывает и днем, и ночью, видимо и невидимо, так как демон может посредством одного тела скрыть другое тело. И хотя демон пользуется такою мазью и многим другим в этом роде с целью лишить детей благодати крещения и спасения, однако он может действовать и без мази, когда он переносит ведьм на животных, которые на самом деле не животные, а демоны в их лице; иногда же ведьмы перелетают без всякой внешней помощи, невидимо действующей силой демонов.

Расскажем здесь об одном видимом дневном полете.

В городе Вальдсгут на Рейне, в Констанцской епархии, некая ведьма, сильно ненавидимая всеми горожанами, не была приглашена на празднование одной свадьбы, тогда как почти все горожане присутствовали на ней. Возмущенная ведьма решила отомстить; призвала демона и рассказала ему причину своего горя, прося его, чтобы он наслал град и таким путем рассеял всех участников свадебного поезда. Демон согласился и поднял ее на воздух; она полетела по воздуху к горе, находившейся вблизи города: ее полет видели некоторые пастухи; и так как потом она сообразовалась, не было воды, чтобы налить в яму (таким средством они пользуются, как потом будет доказано, чтобы вызвать град), то вырыв яму, она налила туда собственной мочи вместо воды, и в присутствии демона, по принятому обычаю, размешала пальцем. Тогда демон вдруг бросил эту влажную массу в воздух и наслал град

необычайной силы, но только на празднующих свадьбу горожан. Когда горожане были рассеяны таким образом и затем начали взаимно обсуждать причины такого явления, ведьма возвратилась в город, вследствие чего подозрение еще более усилилось. Когда же пастухи рассказали, что они видели, подозрение выросло до крайних пределов. Она была схвачена и сожжена.

Так как слух о такого рода полетах доходит даже до простого народа, то нет необходимости приводить здесь другие подобные случаи, достаточно одного этого — против тех, которые такого рода полеты совсем отрицают или пытаются утверждать, что они бывают лишь в воображении и фантазии. Если бы только они оставались в своем заблуждении, это был бы пустяк, и не стоило бы обращать внимания, если бы их заблуждение не шло в ущерб вере. Но они, не довольствуясь одним заблуждением, не боятся внушать его и проповедовать к умножению ведьм и поруганию веры: уверяют, что всякое колдовство, которое принято считать по праву как дело демонов, только воображаемо и иллюзорно, и должно считаться безвредным. В силу этого, к величайшему посрамлению Творца, ведьмы пребывают по большей части безнаказанными и число их необычайно растет. Если ссылаются на главу канона *Episcopi*, что ведьмы делают перелеты только в воображении и фантазии, то кто будет так неразумен, что станет отсюда делать вывод, что они не могут перелетать и телесно? Как можно из конца этого канона, где утверждается, что верящий в то, что человек может превращаться в лучшее или худшее состояние или переменять свое лицо, должен считаться за язычника и неверного, как можно из этого делать вывод, что люди чародейством не могут превращаться в животных или из здорового состояния быть превращены в больное, из лучшего — в худшее? Человек, считающийся лишь с оболочкой слов канона, идет против духа всех Святых Отцов и даже против духа и смысла Священного Писания.

Отсюда вытекает многократно противоположное, как то показано во многих местах этого трактата. Поэтому надо обращать внимание на внутренний смысл этих слов и внушать священникам необходимость проповедовать народу, что

ведьмы именно летают так же и телесно, как и в фантазии, что открывается из их собственных признаний, и не только тех ведьм, которые были сожжены, но также и тех, которые, раскаявшись, обратились к вере.

Среди таковых была ведьма из Брейзаха; когда мы спросили ее, только ли в воображении они могут перелетать или также и телесно, она ответила: тем и другим способом. Если же почему-либо они не хотят лететь телесно, то все-таки они могут знать, что делают их подруги на собрании ведьм; тогда ими применяется такой способ: ведьма, призывая имя всех чертей, ложится спать на левый бок, из ее рта тогда исходит нечто в виде голубоватого пара, и она совершенно ясно видит все, что творится на собрании. Если же ведьмы хотят перелететь телесно, то тогда они применяют вышеуказанный способ.

Далее, если кто-либо понял этот канон буквально, безо всякого выяснения, неужели он будет столь глуп, что будет утверждать, что все колдовские действия и порчи существуют лишь в фантазии, тогда как всем ясно, что они воспринимаются чувствами? Имеются многие виды суеверий, именно, до четырнадцати, и между ними колдовство по своему лиходейству и вредительству занимает высшую степень; пифоны принадлежат к низшему виду, почему они и проносятся только в фантазии.

Наконец, совершенно непригодны и примеры из легенды о св. Германе и других, так как весьма возможно, что демоны сами легли со спящими мужьями (в то время, когда искали их жен), чтобы показать, что жены спали с мужьями. Чтобы не оскорбить честь святого, факт не утверждается, но случай приведен затем, дабы противоположное тому, что рассказано в легенде, не считать невозможным.

Подобным же образом можно ответить и на все другие возражения, которые обычно приводят в пользу того, что ведьмы перелетают только в воображении; в сочинениях ученых можно найти утверждение о том, что многие ведьмы перелетают также и телесно. Кто имеет желание, тот может найти в книге Фомы Брабантского «О пчелах» много удивительного о перелетах людей не только в воображении, но и телесно (с. 189–195).

Часть 3

Процедуру духовного и светского судьи в процессах против ведьм можно разбить на три главных отдела: 1) как надо начать такой процесс; 2) как надо его вести; 3) как надо закончить процесс и произнести приговор. С этим связан целый ряд вопросов, которые будут нами рассмотрены ниже.

Первый вопрос о том, как начинать процесс

Процесс по делам веры, как указано в «*Extravagantia de accusazione, denuntiatione et inquisitione*», может начаться по троякому основанию.

1) Если кто-либо предъявит перед судьей кому-либо обвинение в совершении преступления ереси или в покровительстве еретикам. При этом такой обвинитель обязан быть готовым к представлению доказательств. Если он таких доказательств не сможет представить, то он может претерпеть наказание за ложные сведения.

2) Если обвинение предъявляется денунциантом (доносителем), который не ручается за достоверность своих показаний и не берется их доказывать. Он утверждает лишь, что доносит на еретика, движимый рвением к вере или желая избегнуть отлучения за сокрытие ереси или наказания, которым грозит светский судья.

3) Если до слуха инквизиторов дошла молва, что в таком и таком-то городе имеются ведьмы, занимающиеся тем-то и тем-то. Это — обвинение путем инквизиции. В этом случае инквизитор начинает действовать не по указанию какого-либо обвинителя, а по своему собственному почину.

Касательно первого пункта надо сказать, что такое начало религиозного процесса не употребительно, в особенности в делах против ведьм, которые наводят порчу скрытно. К тому же такой открытый обвинитель опасается наказания, если ему не удастся доказать достоверности своего обвинения. Сверх того, такое обвинение вызывает многие пререкания.

Пусть судья начнет процесс с общего вызова свидетелей, вывешенного на дверях церковью или ратуши и имеющего следующее содержание: «Мы, викарий такого-то инквизитора (или судья такого-то владыки), желаем всем сердцем того, чтобы врученный нашему попечению христианский

народ воспитывался в единстве и чистоте католической веры и держался вдали от чумы еретической извращенности. Во славу и честь досточтимого имени Иисуса Христа и для возвеличения святой ортодоксальной веры, а также и для искоренения еретической извращенности, свойственной ведьмам, мы, указанный судья, предписываем, приказываем и увещиваем всех и каждого (заметь, что если воззвание идет от духовного судьи, то надо прибавить: а также и монашество или светское духовенство), какое положение они бы ни занимали в этом городе или в этом селении в двух милях в окружности, исполняя добродетель святого послушания и под страхом отлучения, явиться в течение следующих двенадцати дней (светский судья требует при этом явки, угрожая обычными у него наказаниями в случае неисполнения предписания) и разоблачить перед нами женщин, о которых идет молва, как о еретичках, или ведьмах, или вредительницах здоровья людей, домашнего скота и полевых злаков, или приносящих вред государству. Первые четыре дня — это первый срок, следующие четыре дня — второй срок, а последние четыре дня — третий срок. Ежели те, которые знают о существовании женщин, подозреваемых в этих преступлениях, не явятся и не укажут их, то они будут пронзены кинжалом отлучения (так скажет в своем обращении духовный судья) или претерпят вытекающие из норм закона наказания (так прибавит светский судья). Мы произносим отлучение против всех тех, которые упорно не повинуются. Право обратного принятия их в лоно церкви остается за нами (таково заключение духовного судьи), и отмена светского наказания предоставляется на усмотрение светской власти (так заключает светский судья). Дано...» такого-то числа и т. д.

Таково начало процесса путем денунциации. Пусть светский судья в своем вызове свидетелей укажет, что никто не должен считать себя подсудным, если его доказательства при доносе недостаточны. Духовный же судья обязан при этом сказать, что денунцианту не нужно приводить доказательств виновности подозреваемых, ему нужно только указать последних. Явившиеся денунцианты дают свои показания судье в присутствии нотариуса и двух понятых, будь то духовные лица или миряне. При отсутствии нотариуса его обязанности

исполняются двумя подходящими людьми. Денунциации записываются подробно. Смотри канон «*Ut officium, werum*», кн. VI и соответствующую глоссу Архидиакона.

Судья или нотариус открывают заседание следующим образом: «Во имя Господа. Аминь. В год от рождества Христова и т. д. такого-то дня и такого-то месяца, в моем присутствии, в присутствии нотариуса и нижеподписавшихся свидетелей, явился к судье такой-то из такого-то города такой-то епархии и представил ему лист бумаги следующего содержания». (Следует текст этого писания. Ежели такое писание не представлено, а донос произведен устно, то так и указывается в протоколе и перечисляются указанные денунциантом лица и приписываемые им преступления.)

После этого денунциант приводится к присяге на четырех Евангелиях Господних или на Кресте. Присягающий поднимает правую руку с тремя вытянутыми и двумя согнутыми пальцами. Это — символ Святой Троицы и символ проклятия тела и души, если денунциант скажет неправду. После присяги судья спрашивает, откуда свидетель знает о случившемся и видел ли он сам все это. Если он говорит, что он сам видел, что, например, подозреваемый в таком-то месте и в такое-то время произвел грозу или дотронулся до скота, который после этого пострадал от порчи, то судья спрашивает, кто еще это видел. Ежели денунциант говорит, что сам он этого не видел, но слышал от других, то судья обязан спросить, от кого получено это сведение и в чем присутствии. Все подобные данные отмечаются в процессуальных актах вслед за изложением доноса данного лица. Затем в актах пишется следующее: «Когда эта денунциация была записана, инквизитор тотчас же предложил денунцианту вновь поклясться на четырех Евангелиях Господних в том, что он сказал сущую правду». Наконец его спрашивают, не донес ли он по злой воле, из ненависти или по злобе и не скрыл ли он чего-нибудь из чувства расположения к подозреваемому. Вслед за тем ему предписывается хранить обо всем полное молчание. В конце акта пишется: «Эти данные получены в таком-то городе, такого-то дня, месяца и года, в моем присутствии, в присутствии такого-то нотариуса или писца и таких-то свидетелей».

Третий вид возбуждения процесса является самым обычным и наиболее распространенным и происходит без вызова денунциантов или обвинителей. Для этого достаточно того, чтобы слуха инквизитора достиг упорный слух о колдовских деяниях какой-либо ведьмы. В присутствии указанных нотариуса, писца и двух свидетелей судья начинает процесс следующим образом: «Во имя Господне. Аминь. В год от рождества Христова, такого-то дня и месяца или в такие-то и такие месяцы до слуха судьи такого-то города дошло, что такой-то из такого-то города или селения совершил то-то и то-то для околдования, что идет против веры и служит во вред государству. Это занесено тогда-то в присутствии таких-то свидетелей и прочее». (С. 279–282)

***Восьмой вопрос, связанный с предыдущим.
О содержании обвиняемой под стражей и о том,
как следует арестовывать ее. Третий акт судьбы***

Некоторые канонисты и юристы полагают возможным при наличии худой молвы, улики и обличающих показаний свидетелей, считать обвиняемых, упорно отрицающих свою вину, заслуживающими немедленного заключения до тех пор, пока они не признаются. Другие канонисты считают возможным отпустить такую ведьму на поруки до суда. В случае бегства ее преступление должно считаться доказанным. Некоторые юристы признают возможность применения и первого, и второго способа, смотря по обстоятельствам. Судья должен решить, которого следует придерживаться. Если имеется достойный уважения человек, согласный поручиться за такую женщину, она может быть отпущена до суда. Если же подобного поручителя нет, и есть возможность подозревать ее в том, что она скроется, лучше тотчас заключить ее в темницу. Это наиболее разумная мера. Не мешает при этом произвести самый тщательный обыск в том доме, где живет обвиняемая. Если она известная ведьма, то у нее, без сомнения, найдутся многие орудия колдовства, в случае захвата ее врасплох. Если у нее имеется служанка или есть подружки, то и их полезно подвергнуть лишению свободы даже в случае отсутствия доноса на них. При взятии ведьмы под стражу не надобно давать ей времени оставаться одной в комнате. Этим

она лишается возможности принять известные колдовские снадобья, дающие ей возможность молчать и не сознаваться, несмотря на пытки.

Следует ли при взятии ведьм под стражу внезапно подымать их на руки, не допуская того, чтобы они прикасались к земле, и уносить их в корзине или на плечах в камеру заключения? По мнению канонистов и некоторых богословов, это допустимо. Следуя утверждению таких ученых, как Гостиенсис и Гофферд, надо изгонять суетное суетным. Опыт показывает, а признания ведьм подтверждают, что поднят-ем ведьм от земли при взятии их под стражу они лишаются упорства в заперительстве при допросах. Многие приговоренные к сожжению просили разрешения прикоснуться хотя бы одной ногой к земле. В этом им было отказано. Когда же у них допытывались о причине этой просьбы, они отвечали, что если бы они прикоснулись к земле, они освободились бы, а многие из присутствующих были бы убиты молнией (с. 287).

Тринадцатый вопрос о том, что надлежит помнить судьбе в застенке до допроса обвиняемого. Девятый акт судьбы

По закону никто не может быть присужден к смертной казни, если он сам не сознался в преступлении, хотя бы улики и свидетели и доказывали его еретическую извращенность. О таких обвиняемых и идет здесь речь. Чтобы добиться признания, такая ведьма подвергается пыткам. Чтобы было яснее, приведем соответствующий случай, происшедший в Шпейере и дошедший до слуха многих. Однажды некий уважаемый горожанин прошел мимо одной торговки, не купив того предмета, который она хотела ему продать. Раздосадованная этим, она крикнула ему вслед: «Вскоре ты пожелаешь купить это, но будет поздно». Такие угрозы часто употребляются ведьмами, когда они хотят навести порчу с помощью слов. Задетый этой угрозой горожанин обернулся, чтобы посмотреть на торговку и узнать, с каким намерением, она произнесла эти слова. И тотчас на него нашла порча: его лицо ужасно скривилось до ушей. Долгое время он не мог привести его в обычное состояние.

Этот случай в глазах судьи — прямая улика, которая позволяет считать указанную торговку пойманной с поличным

при околдовании. Как было указано выше, три фактора, и каждый из них самостоятельно, доказывают вину: улики, показания свидетелей и личное признание. Но для смертного приговора необходимо личное признание. Как же должен судья действовать, чтобы сломить упорное заpiresательство ведьм?

Прежде всего, надо сказать, что ему не следует торопиться с применением пыток, а нужно обратить внимание на некоторые признаки, о которых сейчас и скажем. Не все ведьмы одинаково невосприимчивы к пыткам. Одни из ведьм настолько к ним невосприимчивы, что они скорее вытерпят постепенное разрывание тела на части, чем сознаются в правде. Но есть и такие, которые очень скоро во всем сознаются. Это происходит из-за их различных отношений к бесам. Ведь имеются ведьмы, которые в течение ряда лет — шести, восьми или десяти лет — служат черту, не преклоняясь перед ним, не отдаваясь ему ни телом, ни душой. Другие же ведьмы с самого начала отвращаются от веры и предаются ему и душой и телом. Почему черт дает время испытания ведьмам? Это происходит оттого, что он хочет убедиться, отвращается ли она от веры только на языке или также и сердцем, и не является ли ее желание поклонения ему только кажущимся, внешним. Ведь черт может постигнуть движения сердца только по внешним проявлениям его. Бывают такие женщины, которые стали ведьмами вследствие нужды и лишений, сманенные другими ведьмами и потерявшие частью или полностью веру. Таких, еще не полностью испытанных ведьм черт оставляет во время суда без поддержки. Поэтому они легко признаются. Другие, преданные ему и устами и сердцем, защищаются им по мере сил. Он дает им упорство ни в чем не сознаваться. Есть еще одна разница. Мы видим, что многие ведьмы, после признания в своих преступлениях, намереваются лишиться себя жизни через повешение. На это их толкает враг рода человеческого, чтобы ведьмы с помощью исповеди не получили прощения от Бога. Главным образом, бес побуждает к самоубийству тех, которые не предались ему добровольно. Таким образом можно определить, какую ведьму черт оставил без поддержки.

Мы заканчиваем. При пытках ведьм для познания правды приходится прилагать столь же большое или даже еще большее усердие, как при изгнании бесов из одержимого. Пусть судья не спешит с пытками. Ему надлежит прибегать к ним лишь тогда, когда дело идет о преступлении, за которое полагается смертная казнь.

Четырнадцатый вопрос о том, как обвиняемая приговаривается к пыткам, как она пытается в первый день, и можно ли ей обещать сохранение жизни. Десятый акт судьбы

Когда судья решается прибегнуть к пытке обвиняемой, он составляет следующий приговор: «Мы, судья и заседатели, принимая во внимание результаты процесса, ведомого против тебя, такого-то, из такого-то города, такой-то епархии, пришли к заключению, после тщательного исследования всех пунктов, что ты в своих показаниях сбивчив, ибо ты говоришь, что произнес такую-то угрозу, но не имел намерения поступать согласно ей. Имеются к тому же различные улики. Их достаточно для того, чтобы подвергнуть тебя допросу под пытками. Поэтому мы объявляем и постановляем, что ты должен быть пытаем сегодня же, в такие-то часы. Приговор произнесен...» и т. д.

Но это не обозначает, что судья решил тотчас же прибегнуть к пыткам. Он лишь переводит обвиняемую с положения лица, содержащегося в предварительном заключении, на положение лица, находящегося в тюрьме для наказания. Засим судья призывает друзей обвиняемой и сообщает им, что она избегнет наказания и смерти, если признается в правде. Частые размышления, тяжкие условия заключения и увещевания рассказать правду делают ее склонной к признаниям. Нам случилось видеть, что ведьмы вследствие разумных увещеваний, доходили до того, что плевали (против черта) на пол и восклицали: «Убирайся прочь, проклятый черт! Я сделаю то, что справедливо». И признавались в своих преступлениях.

Если судья безуспешно ждал некоторое время признаний обвиняемой, которая была неоднократно увещеваема, то, имея уверенность в том, что обвиняемая продолжает запереться в правде, он приступает к умеренным пыткам, не

прибегая к кровопролитию. Ведь известно, что допросы под пытку обманчивы и, на что уже раньше указывалось, зачастую остаются без результата. Перед началом пытки обвиняемый раздевается. Если это женщина, то она раздевается надежными почтенными женщинами. Это делается для того, чтобы исследовать, не вшито ли в ее одеяние какого-либо орудия ведьм, как это ими часто совершается по наущению беса, когда они пользуются членами тела некрещеного мальчика. Покуда орудия пытки готовятся к действию, судья от своего имени и от имени других уважаемых мужей и ревнителей веры снова предлагает обвиняемой добровольно признаться. Если она упорствует, то она передается палачам, которые и начинают пытку. По просьбе кого-либо из присутствующих, пытка на время прекращается, и обвиняемый снова увещевается сказать правду. При этом ему обещают, что он не будет предан смерти, если сознается.

Спрашивается, может ли судья обещать жизнь человеку, о котором ходит дурная молва, и который имеет против себя как показания свидетелей, так и улики, но который еще не сознался в своих злодеяниях? Мнения ученых здесь различны. Одни думают, что подобная ведьма может быть оставлена в живых и приговорена к пожизненному заключению на хлебе и на воде, если только она выдаст других ведьм и снимет наведенную порчу. Но только не надо сообщать ей, что она будет содержаться в тюрьме. Ее надо лишь уверить, что жизнь будет ей сохранена и что на нее будет наложено некоторое наказание. Другие ученые полагают, что это обещание надо держать лишь некоторое время, а потом ведьму все же следует сжечь.

Некоторые считают возможным, чтобы судья обещал такой ведьме жизнь, но смертный приговор обязан вынести уже другой судья, а не тот, который уверил ее в сохранении жизни.

Первое решение наиболее полезно ввиду использования ведьм для снятия порчи. Но не может быть разрешено изгонять чары чарами же. Однако не препятствуется предотвращать или устранять околдования суетными или суеверными средствами. Опыт, практика и многообразные занятия дают судьям столько знаний, что они могут вернее решать, что дозволено, а что нет. Во всяком случае, не подлежит сомне-

нию то, что многие ведьмы признавались бы в правде, если бы они из-за боязни смерти не упорствовали.

Если ведьмы, несмотря на угрозы и на обещания дарования жизни, продолжают упорствовать, то пусть палачи исполнят приговор о пытках по обычному способу, не прибегая ни к новым, ни к утонченным приемам. Ведьмы подвергаются более легким или более мучительным пыткам, смотря по тяжести преступления. Во время пыток им задаются вопросы касательно тех проступков, за которые их пытаются. Вначале задаются вопросы, затрагивающие более мелкие проступки. Ведь ведьмы скорее сознаются в них, чем в тяжких преступлениях. Допрос во время пыток записывается нотариусом. Прими к сведению, что коль скоро ведьма созналась, она переводится в другое помещение с тем, чтобы судья мог снять с нее показания, заключающие ее признание. Если умеренно пытаемый продолжает запирается, то перед ним раскладываются иные орудия пытки, и он предупреждается, что они будут применены к нему, если он не скажет правды. Если он и после этого упорствует, то в его присутствии читается приговор о продолжении допроса под пыткой на второй или на третий день. Здесь может идти речь только о продолжении пытки, а не о повторении ее, так как пытка не может быть повторяема, если не имеется налицо новых улик. Приговор о продолжении допроса под пыткой гласит: «Мы, вышеуказанные судья» и т. д. «назначаем для тебя, такого-то, на такой-то день, продолжение допроса под пыткой, чтобы правда была произнесена из твоих собственных уст». Весь ход такого допроса записывается нотариусом в протокол. Пусть судья и другие до начала продолжения пыток стараются убедить обвиняемого в необходимости сказать правду. Судье следует также позаботиться о том, чтобы заключенный все время между пытками был под наблюдением стражи. Ведь черт посетит его и будет его искушать наложить на себя руки, или потому, что он не желает ему больше помогать, или потому, что Бог принуждает покинуть его. Это черт может знать лучше, чем это возможно почерпнуть из книг.

Пятнадцатый вопрос о том, как продолжается пытка, о признаках, по которым судья узнает ведьму, как должен он защищать себя от околдования, и как они остри-

гаются, и где они прячут свои орудия околдования. К сему добавляются разные объяснения о том, как надлежит сломить их запирательство. Одиннадцатый акт судьи

Как не все болезни лечатся одним и тем же лекарством, а для каждой имеются определенные лекарства, так и не ко всем еретикам и не ко всем подозреваемым в еретичестве надо подходить одинаково при постановке вопросов, при инквизиции против них и при допросах. В зависимости от секты и личности обвиняемого видоизменяется и форма расследования. Судья, как умный врач, стремящийся отсекать дряхлые и больные члены и отделять паршивых овец от здоровых, должен наперед знать, что обвиняемая зачастую обладает колдовским искусством упорно замалчивать правду при допросах. Сломить это упорство не представляется возможным одним каким-либо средством. Указать одно какое-либо средство было бы неправильно и потому, что сыны тьмы, видя постоянное применение этого средства, стали бы легче избегать его поражающих свойств и нашли бы ему противодействие. Пусть умный и ревностный судья видоизменяет форму допроса в соответствии с ответами и уверениями свидетелей, с личным опытом или с личным разумением. При этом он должен принимать во внимание различные признаки, по которым возможно определять ведьм.

Так, если судья хочет узнать, дано ли ведьме колдовское упорство в сокрытии правды, пусть исследует, может ли она плакать, когда находится на допросе или на пытке. По мнению сведущих людей и на основании личного опыта, это отсутствие слез указывает самым определенным образом на вышеназванный колдовской дар. Ведьма, несмотря ни на какие увещания, не может проливать слез. Она будет издавать плаксивые звуки и постарается обмазать щеки и глаза слюной, чтобы представиться плачущей. Окружающие должны внимательно наблюдать за ней. Но, чтобы добиться ее действительных слез, если она невиновна, судья или пресвитер должен возложить на нее руку и произнести: «Я заклинаю тебя горчайшими слезами, пролитыми нашим Спасителем и Господом Иисусом Христом на Кресте для спасения мира. Я заклинаю тебя самыми горячими слезами Преславной Девы, Его Матери, пролитыми Ею над Его ранами в вечерний

час, а также и всеми слезами, пролитыми здесь, на земле, всеми святыми и избранниками Божьими, глаза которых Бог отер теперь от каждой слезы для того, чтобы ты, поскольку ты невинна, пролила бы слезы. Если же ты виновна, то слез не лей. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Опыт показал, что чем больше их заклинали, тем меньше они могли плакать, хотя они старательно побуждали себя к плачу и увлажняли щеки слюной. Однако возможно, что они после, в отсутствие судьи и находясь вне застенка, плачут в присутствии стражи. Что им мешает плакать? Так как благодать проливания слез у кающихся принадлежит к важным дарам Бога (как это утверждает Бернард, говорящим, что смиренная слеза возносится к небу и побеждает непобедимого), то не может быть сомнения в том, что она весьма противна врагу спасения. Поэтому-то никто не может сомневаться в том, что нечистый ревностно хочет помешать пролитию слез, чтобы, в конце концов, готовность к раскаянию не имела места.

Свойство женщин — это плакать, ткать и обманывать. Нет ничего удивительного в том, что вследствие лукавых происков дьявола, с Божьего попушения, даже и ведьма заплачет. Судьбы Господа неисповедимы. Плачущая обвиняемая доказала бы своими слезами свою невинность, если нет обличающих показаний свидетелей и улик, могущих возбудить против нее сильное или тяжкое подозрение. От легкого подозрения против нее, возникшего вследствие идущей о ней худой молвы, она всегда может очиститься клятвенным отречением от ереси.

Судье и заседателям надо обратить внимание и на то, чтобы ведьма к ним не прикасалась, в особенности не дотрагивалась до запястья их рук. Для предохранения себя, им, во всяком случае, надлежит носить у себя на шее: соль, освященную в вербное воскресенье, и освященные же травы, а также воск. Ведь ведьма способна навести порчу не только прикосновением, но и дурным глазом и словом. Во время допроса под пытками они особенно способны к околдованию, как это видно из практики. Нам известны случаи, когда ведьмы, взглянув первыми на судью и его заседателей, приводили их в такое состояние, что сердца их теряли свою суро-

вость по отношению к обвиняемым и последние вследствие того бывали выпускаемы на свободу. О, если бы ведьмы не обладали такой способностью!

Итак, когда обвиняемая вводится в камеру суда, нельзя позволить ей войти лицом вперед. Ее следует вводить лицом назад, спиной к судьям. При допросе защищай себя Крестным Знаменем и мужественно нападай на нее. Так с Божьей помощью будут сокрушены силы старого змея. Пускай никто не сочтет за суеверие то, что ведьма вводится в камеру суда задом наперед. Ведь канонисты (как мы уже указывали) признают допустимым противодействовать суетности суетными же средствами.

Предохраняет от распространения околдования и сбывание волос со всех частей тела ведьмы. Это производится на том же основании, на каком осматриваются и обыскиваются одежды ведьм. Случается, что ведьмы для достижения упорного запираательства при пытках носят спрятанными не только в одеяниях, но и в волосах тела, разные суеверные амулеты. Они носят эти амулеты и на таких местах своего тела, которые мы не решаемся назвать из чувства скромности. Конечно, демон может укрепить упорство ведьмы при допросах и без помощи амулетов. Но он пользуется этими суеверными вещами для того, чтобы погубить душу и чтобы оскорбить Божье величие. Вот пример: некая ведьма в Гагенау для укрепления силы запираательства прибегла к следующему средству. Она убила некрещеного первородного ребенка мужского пола, сожгла его в печке вместе с другими вещами, называть которые не подобает, и превратила все это в золу. Ведьма или преступник, носивший при себе некоторое количество такой золы, ни в коем случае не мог признаться в своих преступлениях. Ясно, что, если бы даже было убито сто тысяч мальчиков, то и это не породило бы указанных колдовских свойств. Черт же пользуется этим средством для гибели душ и для оскорбления Божьего величия.

Способность упорного запираательства, как сказано, свойственна не только ведьмам, но и простым преступникам. Эта способность имеет тройное происхождение.

1) Она лежит в прирожденной силе характера. Ведь слабовольные скоро падают духом и при пытке согласны во всем

сознаться, даже и в ложно взводимых на самих себя преступлениях. Другие же имеют столь твердую волю, что они, несмотря ни на какие пытки, ни в чем не сознаются. Особенно стойкими оказываются те, которые уже не в первый раз допрашиваются под пытками. Суставы их рук входят после пытки на свои старые места столь же скоро, как и выворачиваются при начале пытки.

2) Эта способность зависит также от употребления вышеуказанных амулетов, носимых или зашитыми в одежде, или скрывааемыми в волосах на теле.

3) Случается, что это упорство зависит от околдования заключенных ведьм другими ведьмами, находящимися на свободе. Так, некая ведьма в Инсбруке неоднократно хвасталась тем, что если бы она имела лишь одну нитку из одежды заключенного, то она достигла бы того, что он, несмотря ни на какие пытки, не сознался бы (с. 295–301).

РАЗДЕЛ IV

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРАЗЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кафедральный собор

Собор Парижской Богородицы еще и теперь являет собой благородное и величественное здание <...>

Фасад этого собора, где последовательно и в совокупности предстают перед нами три стрельчатых портала; над ними зубчатый карниз, словно расшитый двадцатью восемью королевскими нишами, громадное центральное окно — розетка с двумя другими окнами, расположенными по бокам, подобно священнику, стоящему между диаконом и иподиаконом; высокая изящная аркада галереи с лепными украшениями в форме трилистника, поддерживающая на своих тонких колоннах тяжелую площадку, и, наконец, две мрачные массивные башни с шиферными навесами. Все эти гармонические части великолепного целого, воздвигнутые одни над другими и образующие пять гигантских ярусов, спокойно развертывают перед нашими глазами бесконечное разнообразие своих бесчисленных скульптурных, резных и чеканных деталей, в едином мощном порыве сливающихся с безмятежным величием целого. Это как бы огромная каменная симфония <...> суровый и мощный собор, который, по словам его летописцев, наводит страх, повергает в ужас <...>

Ныне в его фасаде недостает трех важных частей: прежде всего, крыльцо с одиннадцатью ступенями, приподнимавшего его над землей; затем нижнего ряда статуй, занимавших ниши трех порталов; и, наконец, верхнего ряда изящнейших, некогда украшавших галерею первого яруса и изображавших двадцать восемь древних королей Франции, начиная с Хильдеберта и кончая Филиппом-Августом, с державою в руке <...>

Множество статуй <...> населяли промежутки между колоннами нефа и хоров, — статуи коленопреклоненные, стоявшие во весь рост, конные, статуи мужчин, женщин, детей, королей, епископов, воинов, каменные, мраморные, золотые, серебряные, медные, даже восковые <...>

Древний готический алтарь, пышно уставленный раками и ковчезцами, тяжелым каменным саркофагом, украшенным головами херувимов и облаками <...>

Цветные витражи, притягивавшие восхищенный взор наших предков то к розетке главного портала, то к стрельчатым окнам алтаря <...>

Святые были его друзьями и благословляли его; чудовища также были его друзьями и охраняли его <...>

Собор заменял ему не только людей, но и всю вселенную, всю природу. Он не представлял себе иных цветущих живых изгородей, кроме никогда не блекнувших витражей; иной прохлады, кроме тени каменной, отягощенной птицами листвы, распускающейся в кущах саксонских капителей; иных гор, кроме исполинских башен собора; иного океана, кроме Парижа, который бурлил у их подножия <...>

И как уверяли кумушки из соседних домов, собор принимал тогда фантастический, сверхъестественный, ужасный вид: раскрывались глаза и пасти; слышен был лай каменных псов, шипенье сказочных змей и каменных драконов, которые денно и ночью с вытянутыми шеями и разверстыми зевами сторожили громадный собор. А в ночь под Рождество, когда большой колокол хрипел от усталости, призывая верующих на полуночное бдение, сумрачный фасад здания принимал такой вид, что главные ворота можно было принять за пасть, пожирающую толпу, а розетку — за око, вззирающее на нее <...>

Юго В. Собор Парижской Богородицы // Собор. соч. Т. 3. М., 1972.

Месса в соборе города Тура

<...> Вечерня шла к концу. Архиепископ Гелий Бурдэйский поднялся со своего места, чтобы самому благословить верующих. Проповедь была длинная, служба затянулась до ночи, и глубокая темнота воцарилась в некоторых частях этого

прекрасного храма, две башни которого были тогда еще не закончены. Однако святым поставлено было немалое количество свеч в треугольных подсвечниках, предназначенных для этих благочестивых приношений, ни смысл, ни ценность которых еще достаточно не поняты. Были зажжены все светильники в алтарях и все канделябры на клиросе. Это множество огней, неравномерно расположенное среди чащи колонн и аркад, поддерживающих три нефа, едва освещало громадный собор, так как, сочетаясь с густыми тенями колонн, отбрасываемыми на переходы здания, огоньки своей неистошимо причудливой игрою еще более подчеркивали мрак, в котором скрывались своды с арками и боковые часовни, и без того темные даже днем. Не менее живописное впечатление производила толпа. Некоторые лица так смутно белели в полутьме, что их можно было счесть за призраки, в то время как другие, освещенные рассеянными отблесками света, выделялись как главные персонажи на картине. Статуи казались живыми, а люди — окаменевшими. И тут, и там в тени колонн блестели глаза. Казалось, камень бросал взоры, мрамор говорил, своды повторяли вздох, все здание было одушевлено. В жизни народа нет сцен более торжественных, моментов более величественных. Людским массам для поэтического творчества нужно движение, но в эти часы религиозных размышлений, когда богатство человеческой души приобщается величию небес, молчание полно непомерно высокого смысла, преклоненные колени выражают страх, сложенные ладони — надежду. Когда все устремляется душою к небесам, начинает действовать особая духовная сила, вполне объяснимая. Мистическая экзальтация верующих, собравшихся вместе, влияет на каждого из них, и даже самого немощного духом, вероятно, подхватывают волны этого океана любви и веры. Своей электрической силой молитва преодолевает, таким образом, само естество человеческое. Этим безотчетным единством стремлений у людей, вместе повергающихся ниц, вместе возносящихся к небесам, вероятно, и объясняется магическое влияние, которым обладают возгласы священников, мелодии органа, благовония кадил и пышность алтаря, голос толпы и молчаливая молитва. Вот почему мы не должны удивляться, что в Средние века

в церквах после длительных экстазов возникало столько любовных страстей, которые зачастую наставляли отнюдь не на путь святости, хотя женщин, как и во все времена, они приводили в конце концов к раскаянию. Религиозное чувство, несомненно, было тогда в родстве с любовью, порождало ее или само порождалось ею. Любовь еще была религией, она еще отличалась своим особым, прекрасным фанатизмом, простодушной суеверностью, высокой самоотверженностью, созвучными с христианством <...>

Бальзак О. Философские этюды.
Мэтр Корнелиус //
Собр. соч. Т. 19. М., 1960.

Картины ада

Так я сошел, покинув круг печальный,
Вниз во второй; он менее, чем тот,
Но больших мук в нем слышан стон печальный.

Здесь ждет Минос, оскалив страшный рот;
Допрос и суд свершает у порога
И взмахами хвоста на муку шлет.

Едва душа, отпавшая от Бога,
Пред ним предстанет с повестью своей,
Он, согрешенья различая строго,

Обитель Ада назначает ей,
Хвост обвивая столько раз вокруг тела,
На сколько ей спуститься ступеней.

Всегда толпа у грозного предела;
Подходят души чередой на суд:
Промолвила, вняла и вглубь слетела <...>

И вот я начал различать неясный
И дальний стон; вот я пришел туда,
Где плач в меня ударил многогласный.

Я там, где свет немотствует всегда
И словно воеет глубина морская,
Когда двух вихрей злобствует вражда.

То адский ветер, отдыха не зная,
Мчит сонмы душ среди окрестной мглы
И мучит их, крутя и истязая...

(Песнь пятая)

<...> Есть место в преисподней, Злые Щели.

Сплошь каменное, цвета чугуна,
Как кручи, что вокруг отяготели.

Посреди зияет глубина
Широкого и темного колодца,
О коем дальше расскажу сполна.

А тот уступ, который остается,
Кольцом меж бездной и скалой лежит,
И десять впадин в нем распознается <...>

Там в два ряда текла толпа нагая;
Ближайший ряд к ним направлял стопы,
А дальний – с нами, но крупней шагая.

Так римляне, чтобы наплыв толпы,
В год юбилея, не привел к затору,
Разгородили мост на две тропы,

И по одной народ идет к собору,
Взгляд обращая к замковой стене,
А по другой идут навстречу, в гору.

То здесь, то там в кремнистой глубине
Виднелся бес рогатый, взмахом плети
Жестоко бивший грешных по спине.

О, как проворно им удары эти
Вздымали пятки! Ни один не ждал,
Пока второй обрушится иль третий <...>

(Песнь восемнадцатая)

<...> Теперь о вас, казнимых в третьей щели,
Звенеть трубе назначена пора! <...>

Повсюду, и вдоль русла и по скатам,
Я увидел неисчислимый ряд
Округлых скважин в камне сероватом <...>

Из каждой ямы грешник шевелил
Торчащими по голени ногами,
А туловищем в камень уходил.

У всех огонь змеился над ступнями;
Все так брыкались, что крепчайший жгут
Порвался бы, не совладав с толчками.

Как если нечто масляное жгут
И лишь поверхность пламенем задета, –
Так он от пят к ногтям скользил и тут <...>

(Песнь девятнадцатая)

Так с моста на мост, говоря немало
Стороннего Комедии моей,
Мы перешли, чтоб с кручи перевала

Увидеть новый росщеп Злых Щелей
И новые напрасные печали;
Он вскрылся, чуден чернотой своей.

И как в венецианской арсенале,
Кипит зимой тягучая смола,
Чтоб мазать струги, те, что обветшали <...>

Так, силой не огня, но Божьих рук,
Кипела подо мной смола густая.
На косы налипавшая вокруг.

Я видел лишь ее, что в ней – не зная,
Когда она вздымала пузыри,
То пучась вся, то плотно оседая <...>

Я увидел, как некий дьявол черный
Вверх по крутой тропе бежит на нас.

О, что за облик он имел злотворный!
И до чего казался мне жесток,
Раскинув крылья и в ступнях проворный!

Он грешника накинул, как мешок,
На острое плечо и мчал на скалы,
Держа его за сухожилья ног.

Взбежав на мост, сказал: «Эй, Загребалы,
Святая Дзита шлет вам старшину!
Кунайте! Выбор в городе немалый,

Я к ним еще разочек загляну.
Там лишь Бонтуро не живет на взятки.
Там “нет” на “да” меняют за казну».

Швырнув его, помчался без оглядки
Вниз со скалы; и пес с таким рывком
Не кинется вцепиться вору в пятки.

Тот канул, всплыл с измазанным лицом,
Но бесы закричали из-под моста:
«Святого Лика мы не признаем!

И тут не Серкьо, плавают не просто!
Когда не хочешь нашего крюка,
Ныряй назад в смолу». И зубьев до ста

Вонзились тут же грешнику в бока.
«Пляши, но не показывай макушки;
А можешь, так плутуй исподтишка».

Так повара следят, чтобы их службы
Топили мясо вилами в котле
И не давали плавать по верхушке <...>

(Песнь двадцать первая)

Мы с моста вниз сошли неторопливо,
Где он с восьмым смыкается кольцом,
И тут весь ров открылся мне с обрыва.

И я внутри увидел страшный ком
Змей, и так много разных было видно,
Что стынет кровь, чуть вспомяну о нем.

Ливийской степи было бы завидно:
Пусть кенхр, и амфисбена, и фарей
Плодятся в ней, и якул, и ехидна, –

Там нет ни стольких гадов, ни людей,
Хотя бы все владенья эфиопа
И берег Чермных вод прибавить к ней.

Средь этого чудовищного скопа
Нагой народ, мечась, ни уголка
Не ждал, чтоб скрыться, ни гелиотропа.

Скрутив им руки за спиной, бока
Хвостом и головой пронзали змеи,
Чтоб спереди связать концы клубка.
Вдруг к одному, – он был нам всех виднее, –
Метнулся змей и впился, как копье,
В то место, где сращенье плеч и шеи.

Быстрее, чем I начертишь или O,
Он вспыхнул, и сгорел, и в пепел свился,
И тело, рухнув, утерял свое.

Когда он так упал и развалился,
Прах вновь сомкнулся воедино сам
И в прежнее обличье возвратился <...>

(Песнь двадцать четвертая)

Мы были там, – мне страшно этих строк, –
Где тени в недрах ледяного слоя
Сквозят глубоко, как в стекле сучок.

Одни лежат; другие вмерзли стоя,
Кто вверх, кто книзу головой застыв;
А кто – другой, лицо ступнями края <...>

Мучительной державы властелин
Грудь изо льда вздымал наполовину;
И мне по росту ближе исполин,

Чем руки Люцифера исполину;
По этой части ты бы сам расчел,
Каков он весь, ушедший телом в льдину.

О, если вежды он к Творцу возвел
И был так дивен, как теперь ужасен,
Он, истинно, первопричина зол!

И я от изумленья стал безгласен,
Когда увидел три лица на нем;
Одно – над грудью; цвет его был красен;

А над одним и над другим плечом
Два смежных с этим в стороны грозило,
Смыкаясь на затылке под хохлом.

Лицо направо – бело-желтым было;
Окраска же у левого была,
Как у пришедших с водопадов Нила.

Росло под каждым два больших крыла,
Как должно птице, столь великой в мире;
Таких ветрил и мачта не несла.

Без перьев, вид у них был нетопырий;
Он ими веял, движа рамена,
И гнал три ветра вдоль по темной шири,

Струи Коцита леденя до дна.
Шесть глаз точило слезы, и стекала
Из трех пастей кровавая слюна.

Они все три терзали, как трепала,
По грешнику; так, с каждой стороны
По одному, в них трое изнывало.

Переднему не зубы так страшны,
Как ногти были, все одну и ту же
Сдирало кожу со спины <...>

(Песнь тридцать четвертая)

Данте А. Божественная комедия /
Пер. М. Лозинского. М., 1967.

Средневековые затворники

Келья эта получила известность около трехсот лет назад, с тех пор как г-жа Роланд, владелица Роландовой башни, в знак скорби по отцу, погибшем в крестовых походах, приказала выдолбить ее в стене собственного дома и навеки заключила себя в эту темницу, отдав все свое богатство нищим и Богу и не оставив себе ничего, кроме этой конуры с замурованной дверью, с раскрытым летом и зимой оконцем. Двадцать лет неутешная девица ждала смерти в преждевременной могиле, молясь денно и ночью о спасении души своего отца, почивая на куче

золы, не имея даже камня под голову; облаченная в черное вретисе, она питалась хлебом и водой, которые сердобольные прохожие оставляли на выступе ее окна, так вкушала она от того милосердия, которое ранее оказывала сама. В смертный свой час, прежде чем перейти в вечную могилу, она завещала эту временную усыпальницу тем скорбящим женщинам, матерям, вдовам или дочерям, которые пожелают, предавшись великой скорби или великому раскаянию, схоронить себя заживо в келье, чтобы молиться за себя или за других.

Парижская беднота устроила ей пышные похороны, со слезами и молениями <...>

Большинство верующих удовлетворялось тем, что свято чтит память г-жи Роланд и, как святыню, берегло кусочки ее лохмотьев. Город в память знатной девицы прикрепил рядом с оконцем ее кельи общественный молитвенник, дабы прохожие могли останавливаться около него и помолиться, дабы молитва наводила их на мысль о милосердии и дабы бедные затворницы, наследницы г-жи Роланд, позабытые всеми, не погибали от голода <...>

Эта жуткая келья, представлявшая собой как бы промежуточное звено между домом и могилой, между кладбищем и городом; это живое существо, обособившееся от человеческого общества и считающееся мертвецом; <...> этот теплящийся в могиле огонек жизни; это дыхание, этот голос, это извечное моление из глубины каменного мешка <...>

Юго В. Собор Парижской Богоматери // Собр. соч. Т. 3. М., 1972. С. 203–204.

Суд божий над епископом

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод, народ умирал.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедой не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до неожиданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет», –
Так говорил изумленный народ.

К сроку собрались званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен:
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! Но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит,
«В Рейнской башне спасусь», – говорит.

Башня из рейнских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали, казались, слиты.
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод.
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмутив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит,
Мечется кошка; невесело ей;
Чует он приближенье мышей.
Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камни их зубы скребут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери.
Спереди, ссади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

Средневековая баллада /
Пер. В. А. Жуковского.

Полет на шабаш

Мефистофель

За ребра скал обеими руками
Держись: не то ты свалишься в обрыв.
Лес потемнел: в туман весь погруженный,
Шумит он. Вот, глаза раскрыв,
Взлетает филин пробужденный,
И ломятся колонны
Зеленого лесного дома.
Ты слышишь ли раскаты грома,
Стволов паденье, шум ветвей,
И леса стон, и скрип корней?
Ствол за стволом друг друга кроет
В глубокой пропасти, на дне,
И ветер свищет, буря воет
Среди обломков в глубине.
Слышишь крики – дальше, ближе?
Слышишь вопли – выше, ниже?
Между скал, по скатам гор
Шумно мчится дикий хор.

Хор ведьм

На Брокен все! Толпа густа;
Посев был зелен, рожь желта.
Там Уриан⁶⁰ вверху сидит:
К вершине ведьмам путь лежит

Средь гор и скал, с метлой, с козлом, –
И вонь, и гром стоят кругом.

Голос

Старуха Баубо⁶¹ в стороне
Летит на матушке-свинье!

Хор

Хвала, кому хвала идет!
Вперед же, Баубо! Пусть ведет!
На дюжей свинке Баубо-мать
Достойна хором управлять.

Голос

Откуда ты?

Голос

Через Ильзенштейн⁶² я шла:
Там я сову в гнезде нашла.
А та глаза себе таращит!

Голос

О, чтоб тебя нелегкая взяла!
Кой черт тебя так скоро тащит?

Голос

Она зацепила меня, пролетая:
Глядите-ка, рана какая!

Хор ведьм

Нам всем дорога тяжела, –
К чему друг друга задевать?
Нас колют вилы, бьет метла:
Дитя убила – лопнет мать⁶³.

Колдуны

(полухор)

Улиткой наши все ползут,
А бабы все вперед бегут.
Где зло, там женщина идет
Шагов на тысячу вперед.

Другая половина хора колдунов

Не будем в споре тратить слов!
Нужна им тысяча шагов;
Мужчина вздумает – и вмиг
Одним прыжком обгонит их.

Голос
(сверху)

Вперед, вперед, вы, из озер!

Голос
(снизу)

Мы рады влезть на скаты гор;
Мы мылись – чисты хоть куда,
Зато бесплодны навсегда.

Оба хора

Вот вихорь стих, звезда мутна.
За тучи прячется луна;
Темно повсюду с этих пор,
И мечет искры шумный хор.

Голос
(снизу)

Подождите! Тише, тише!

Голос
(сверху)

Кто кричит в скалистой нише?

Голос
(сверху)

Это я! Да, это я!
О, возьмите вы меня!
Триста лет я здесь копаюсь
И к своим попасть пытаюсь.

Оба хора

На вилах мчись, свезет метла,
На жердь садись, седлай козла!

Пропал навеки тот, поверь,
Кто не поднимется теперь.

**Полуведьма
(внизу)**

Тащусь я здесь за шагом шаг,
Другие ж вон умчались как!
Я раньше всех сюда пошла,
А все угнаться не могла.

Хор ведьм

Мазь⁶⁴ ведьме бодрость придает,
Тряпье – за парус нам сойдет.
Корыто – лодка. Не взлетит
Вовеки, кто теперь сидит!

Оба хора

Взлетев к вершине в этой мгле,
Мы ниже спустимся к земле,
И чащу леса всю собой
Наполнит наш волшебный рой.

(Спускаются)

Мефистофель

Толкают, жмут, бегут, летают,
Шипят, трещат, влекут, болтают,
Воняют, брызжут, светят. Ух!
Вот настоящий ведьмин дух!

Гете И.-В. Фауст / Пер. Н. Холодковского.
Минск, 1956.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В келье, куда Абеляр удалился после пострижения в монахи.

² Ориген из Александрии (около 185–254), один из крупнейших представителей христианского гностицизма – учения о путях достижения непосредственного познания Бога или личного общения с Ним.

³ Сочинение Евсевия (около 264–340), епископа Цезареи, содержавшее официальную историю Христианской Церкви.

⁴ Речь идет о Суассонском соборе 1121 г.

⁵ Альберик – реймский архидиакон.

⁶ Этот вопрос Альберика затрагивал важнейший догмат христианского вероучения – о Троице.

⁷ Краткое изложение основных догматов христианской религии, отклонение от которых рассматривалось как ересь. Составление этого символа приписывалось епископу Александрии Афанасию.

⁸ Философом без имени именуется в средневековой схоластической традиции Аристотель.

⁹ В скобках Иннокентий III называет библейские книги, которые он цитирует.

¹⁰ В данном случае отсылка Иннокентия III к соответствующим главам книги Иова неточна. Встречается еще несколько таких неточных отсылок; мы оставляем в таких случаях только название библейской книги, на которую ссылается автор трактата.

¹¹ Овидий. Скорбные элегии, 1, 9, 3 / Пер. Н. Вольпина.

¹² Гораций. Послания, 1, 2, 14 / Пер. Н. Гинцбурга.

¹³ Гораций. Послания, 1, 10, 14 / Пер. Н. Гинцбурга.

¹⁴ Гораций. Послания. 1, 2, 57–58 / Пер. Н. Гинцбурга.

¹⁵ Иероним (около 340–419) – церковный писатель, автор латинского перевода Библии. Один из Отцов Церкви.

¹⁶ Пассаванти исходит из христианской идеи первородного греха, совершенного первым человеком, Адамом, который нарушил данный Богу обет. Осуждая природу человека,

его естество, объясняя, что плоть греховна, он подчеркивает значение спасения.

¹⁷ Благодать Божия — особый дар спасения, ниспосланный Богом человеку через Церковь. Спасение — это Божественный акт, через свое высшее проявление в Иисусе Христе приносит исцеление, целостность и воссоединение человека с Богом.

¹⁸ Смертный грех — грех, который ведет к смерти души. Таинством крещения дано освобождение от первородного греха, но оно не устраняет в дальнейшей жизни возможности поддаться мирским соблазнам и грешить. В церковной католической догматике названы семь смертных грехов: гордыня, гнев, сладострастие, чревоугодие, уныние, алчность и зависть. Эти грехи означают смерть души и лишают надежды на благодать спасения.

¹⁹ Данное рассуждение посвящено отрицанию ценности жизни, предпочтительнее смерть, которая лишает человека возможности предаваться порокам и совершать грехи.

²⁰ Неустанное покаяние как средство уничтожения плотского начала может дать человеку надежду на Божественную Благодать спасения.

²¹ Братья-проповедники, т. е. доминиканцы, которые давали обет бедности, воздержания и послушания. Во Флоренции, где проповедовал Пассаванти, Доминиканский монашеский орден имел значительное влияние.

²² В середине XIV в. Пассаванти читал во Флоренции проповеди о покаянии, писал трактаты, в которых излагал идеи аскетизма.

²³ Испанский дворянин Доминик Гусман (около 1170—1221 гг.), основатель монашеского ордена в Тулузе в 1215 г. Орден, названный по имени его основателя Доминиканским, принял устав св. Августина и был утвержден Папой Гонорием III (1216—1227) в 1216 г.

²⁴ Слово «покаяние» (лат. penitentia) означает буквально «кары держание» (роенае tentio), то есть наказание ради исцеления души.

²⁵ Ссылка на Папу Григория Великого (540—604), Амвросия, епископа Медиоланского (340—397) и Томаса Аквината (1225—1274).

²⁶ Пассаванти упоминает богословов Петра Ломбардского (XII в.), Аврелия Августина (354–430), Исидора Севильского (около 560–636), Папу Григория Великого (590–604), а также «Декрет Грациана» (около 1140 г.) – сборник канонического права, составленный монахом-бенедиктинцем Грацианом. Во второй части «Декрета» был помещен трактат о покаянии, состоящий из семи глав.

²⁷ Автор приводит главный аргумент необходимости покаяния – страх перед Божьим Судом.

²⁸ Страх ведет юношу в монастырь. Осознание неизбежности страдания на земле заставляет примириться с ними и подчиниться культуре страдания.

²⁹ Устрашение – главное орудие покаяния и воздействия на паству.

³⁰ Св. Арсений – египетский монах, в течение 55 лет жил отшельником. Когда его спросили, отчего он не хочет беседовать с людьми, ответил, что любит людей, но «невозможно быть и с Богом, и с людьми».

³¹ Пророк Давид – израильский царь и военачальник, автор ряда псалмов.

³² Пророк Иоиль – один из 12 «малых пророков» Ветхого Завета.

³³ Св. Иоанн – один из двенадцати учеников Иисуса Христа. Апостол был автором Евангелия, Апокалипсиса и трех посланий. Все эти сочинения вошли в Новый Завет.

³⁴ Осуждаются все земные радости, наслаждения жизнью и разум как проявление своеволия.

³⁵ Епитимия – церковное наказание за грехи: пост, молитвы, поклоны, благие дела (милостыня). Составная часть исповеди, согласно каноническому праву, не наказание, а средство исцеления души, израненной последствиями греха, то есть духовное врачевание.

³⁶ Св. Макарий (300–390) 60 лет прожил в Египетской пустыне, ему приписывают сочинение 50 нравоучительных бесед в форме диалогов.

³⁷ Еще одно напоминание о смерти, которая не приносит избавления от мук и тягот, но является лишь вратами к новым, более ужасным страданиям.

³⁸ Св. Павел, один из двенадцати учеников Иисуса Христа. Апостол — автор посланий, в которых призывает к духовному спасению через покаяние.

³⁹ Екклезиаст — один из библейских авторов. «Книга Екклезиаста или Проповедника» включена в Ветхий Завет, содержание ее проникнуто идеями аскетизма и презрения к миру.

⁴⁰ Петр Дамиани (1007—1072) — монах-отшельник, позже епископ, кардинал, был единомышленником и сподвижником Папы Григория VII (1073—1085) в проведении церковной реформы.

⁴¹ Человек избирает и творит добро не как смысл жизни, а в надежде на Благодать, которую ниспосылает ему Бог, лишь в страхе перед Богом.

⁴² Иоанн Креститель возвестил пришествие Мессии (Иисуса Христа) и призвал народ покаяться. Крещение (в форме омовения в воде) он избрал средством покаяния (Новый Завет).

⁴³ Св. Бенедикт — Бенедикт Нурсийский, основатель монастыря Монте Кассино и автор монашеского устава. Его «Правило» стало основой Бенедиктинского монашеского устава.

⁴⁴ Двенадцать ступеней покаяния логически обосновал теолог XIII в. Томас Аквинат (1225/ 1226—1274).

⁴⁵ Св. Бернард — Бернард Клервосский (1090—1153), теолог-мистик, глава Цистерианского ордена, проповедник идей папской теократии и аскетизма.

⁴⁶ Фемистий Пафлагонский (около 317—388), античный философ, почитатель Аристотеля.

⁴⁷ Сократ (470/469—399 гг. до н.э.) — древнегреческий философ.

⁴⁸ Лактанций, Луций Целий Фирмиан (около 250 — после 325) — христианский писатель, один из апологетов христианства.

⁴⁹ Письмо направлено даме благородного происхождения из Фолиньо в связи с трагической смертью ее мужа, написано не ранее 1367 г.

⁵⁰ «...Ничтожнейшая из рабов божиих». Все верующие в христианстве назывались рабами божьими, поскольку от них требовались беспрекословное, рабское подчинение Церкви и властям, смирение, покорность, уничижение.

⁵¹ «Беспорядочное чувство любви» (*desordinata amore*). Так Екатерина называет в своих письмах любовь к миру, земному, человеку. Это определение восходит к Августину, который ввел в христианскую этику понятие «порядок в любви». На первом плане в этом «порядке» ставилась любовь к Богу и этому следовало подчинить все остальные чувства. Те же идеи развивали средневековые теологи. В XII в. аббат Сугерий писал: «Любовь есть презрение к миру и любовь к Богу. Любовь к Богу удаляет человека от мира, а любовь к миру — от Бога». Любовь к потустороннему, вымышленному богу неизбежно перечеркивала реального человека.

⁵² «Мир ищет удовольствия в творениях», то есть в природе, в земной жизни, в человеке. Екатерина требует отвернуться от природы и искать наслаждения в «Божественном».

⁵³ «Не ведаем страха в сердце». Требование страха — одно из главных в религиозной этике. Страх — источник веры.

⁵⁴ «Сбросить груз земных одежд и облачиться в одежды Христа». Этот призыв к уходу от мира — лейтмотив всех аскетических поучений Екатерины Сиенской.

⁵⁵ В этом письме Екатерина обращается к братии доминиканского монастыря, которая, очевидно, взбунтовалась против настоятеля и устава Ордена, и, быть может, даже покинула обитель.

⁵⁶ «Извращенная воля». Так со времен Августина в теологической литературе определяется характер воли человека: она свободна и блага, если человек покорен Богу, то есть Церкви, кается, исповедуется, совершает «добрые дела» на благо Церкви; если же нет — это несвободная, «извращенная воля».

⁵⁷ «Он надеется на своего Создателя, а не на себя». Еще одно свидетельство полного недоверия к человеку, отрицания его собственных сил. В гуманизме исходной точкой становится как раз противоположное: вера в человека, призыв к нему искать силы в себе, воспитывать мужество, одолевать фортуны и пр.

⁵⁸ «Истинное познание самого себя» у Екатерины вовсе не означает призыва к действительному познанию человека, его свойств, возможностей, способностей, а, напротив, означает лишь понимание себя ничтожным рабом, безвольным орудием в руках Божьих.

⁵⁹ Вся символика Екатерины пропитана кровью: она постоянно призывает помнить о крови распятого Христа, умываться ею, укрываться в его ранах. Все словно залито кровью. Постоянное страдальческое восприятие мира и человека и, вместе с тем, какое-то болезненное наслаждение от рассуждений о крови Христа – все это отразило душевный надлом самой Екатерины, превратившей себя в жертву разрушительного, противоестественного аскетизма.

⁶⁰ Уриан – одно из немецких названий черта.

⁶¹ Баубо (греч. миф.) – кормилица богини земли Деметры, веселившая ее непристойными шутками. Гете изображает Баубо как предводительницу бесстыжих ведьм.

⁶² Ильзенштейн – утес в Гарце, названный по имени принцессы Ильзы, возлюбленной германского императора Генриха II. Вблизи утеса протекает речка Ильза.

⁶³ В давке одна из ведьм ранит другую и убивает младенца в ее утробе.

⁶⁴ Волшебная мазь, которой якобы натирались ведьмы для полета в воздухе на метлах, вилах и т. п.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Учебное пособие

Сост. И. А. Дворецкая, Н. В. Симонова

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования
МПГУ

117571 Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446

Тел.: (499) 730-38-61

E-mail: info@prometej.su

Издательство «Прометей»

129164 Москва, ул. Кибальчича, д. 6, стр. 2

Выполнено при техническом содействии
ИП Заика А.А.

Подписано в печать 26.09.2011 г.
Формат 60×90/16. Объем 13,75 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 178.

ISBN 978-5-4263-0068-2

9 785426 300682